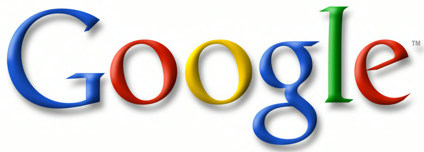

Ilovaĭskiĭ, D. I.

ИСТОРІЯ

РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Д. Иловайскаго.

Je dedie ce livre à mes maitres,
à ceux qui vivent et à ceux qui ne sont plus.
Hst. de France par Michlet.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1858.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета печатать позволяется. Москва, Іюня 7 дня 1838 года.

Секретарь Жигаревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главнымъ источникомъ для моего труда послужили русскія лѣтописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки, отрывочны и мѣстами пристрастны; но вмѣстѣ взятыя онѣ составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій представляютъ конечно договорныя и жалованныя грамматы, разсѣянныя въ изданіяхъ Археографической коммиссіи и въ Собраніи Государственныхъ граммать и договоровъ. Иностранныхъ извѣстій о древне-рязанскомъ краѣ мы имѣемъ очень мало.

Нельзя сказать, чтобы мнѣ пришлось трудиться надъ матеріалами, совершенно нетронутыми. Были и прежде нѣкоторыя попытки, если неразработать, то по крайней мѣрѣ, собрать сырые матеріалы. Первая извѣстная мнѣ попытка въ этомъ родѣ относится къ концу прошлаго и началу настоящаго столѣтія. Сборникъ имѣетъ такое заглавіе: «Достопамятности къ Россійской исторіи, большею частію къ Рязанской области надлежащія, выбранныя изъ отысканныхъ въ

Рязанской духовной консисторіи разныхъ тетрадей и бумагъ и собранныя въ видѣ лѣтописи въ 1793 и 1794 гг. по случаю присланнаго изъ св. правит. сунода 1791 г. Августа 31 дня къ его преосв. Симону, архіепископу Рязанскому указа о присылкѣ лѣтописей въ оный сунодъ; а 1816 года вновь пересмотрѣнная, исправленная и дополненная.» Изъ какихъ же тетрадей и бумагъ сдѣланы выписки для этихъ Достопамятностей? Главнымъ образомъ изъ Родословца Русскихъ князей и Географическаго Словаря, составленнаго Щекановымъ; а въ послѣднемъ историческое обозрѣніе Резанскаго княжества основано на извлеченіяхъ изъ Исторіи Татищева и Никоновой Лѣтописи. Гораздо важнѣе такихъ выписокъ встрѣчающіяся въ Достопамятностяхъ сокращенія и отрывки изъ разныхъ граммать, жалованныхъ и судныхъ.

Въ связи съ «Достопамятностями» находятся труды бывшаго учителя Рязанской гимназіи Т. Воздвиженскаго; «Историческое обозрѣніе Рязанской Іерархіи» 1820 г. и «Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи» 1822 г. Болѣе заслуживаетъ вниманія первая книга, содержаніе которой заимствовано изъ Рязан. Достопамятностей, которыя до сихъ поръ остаются неизданными. Уже потому самому, что г. Воздвижен-

скій сдѣлалъ извѣстными многія любопытныя грамматы, вошедшія въ Достопамятности, онъ оказалъ большую услугу наукѣ. Вторая книга представляетъ очень мало интереса тамъ, гдѣ дѣло идетъ о временахъ Княжества. По большой чсети это рядъ выписокъ, почти слово въ слово, изъ Татищева, Щекатова и Карамзина, ничѣмъ несвязанныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу. Но мы неимѣемъ права пренебрегать и этимъ трудомъ, потому что у г. Воздвиженскаго, какъ Рязанскаго старожила, встрѣчаются мѣстами любопытныя замѣтки, которыя могутъ навести на разныя соображенія.

Очень важны для исторіи Рязанскаго края грамматы и акты, собранные А. И. Пискаревымъ, 1854 г.; но за исключеніемъ немногихъ, эти документы относятся ко временамъ позднѣйшимъ. Сочиненія по Русской исторіи, и разсѣянныя въ повременныхъ изданіяхъ статьи, которыми я пользовался, будутъ указаны при самыхъ изслѣдованіяхъ. Новыхъ неизданныхъ доселѣ источниковъ мнѣ удалось собрать очень немного.

Излагая исторію Рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отрывочнымъ;

во вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало княжество, и въ третьихъ, по возможности проникнуть въ его внутренній быть. Хотѣлось бы дать болѣе мѣста послѣдней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій. Отчетливое изображеніе древнерязанскаго быта невозможно до тѣхъ поръ, пока небудутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстныя преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ; пока русская археологія и филологія неприведетъ въ извѣстность и необъяснитъ, хотя наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ рязанской письменности, а равно и памятниковъ искусства, принадлежащихъ рязанскому краю.

ГЛАВА I.

Финское населеніе въ области Оки. Вятичи. Главные пути Славянской колонизаціи. Восточные удѣлы. Св. Глѣбъ въ Муромѣ. Происхожденіе города Рязани. Борьба Олега Святославича съ дѣтьми Мономоха. Ярославъ Святославичь. Его характеръ и дѣятельность на сѣверовостокѣ. Успѣхи христіанства. Неудачи Ярослава на югѣ. Обособленіе Муромо-Рязанскаго княжества.

Финское населеніе въ области Оки.

«По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемеси свой языкъ, Мордва свой языкъ,» говоритъ Несторъ, перечисляя народы, населявшіе древнюю Россію. «А се суть иніи (т. е. не славянскіе) языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва» и пр. Слѣдовательно, рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Но заговоривъ о Финскомъ племени и его подраздѣленіяхъ, мы чувствуемъ подъ собою почву, далеко нетвердую. Этотъ важный элементъ въ составѣ Русскаго государства представляетъ еще задачу для исторіи, и мы пока напрасно ищемъ въ ученой литтературѣ авторитета, на который могли бы смѣло опереться въ своихъ выводахъ. Особенно мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Финновъ восточной Россіи. Здѣсь на первомъ шагу насъ

останавливаетъ затрудненіе отыскать границы между племенами Финскими, Турецкими и Монгольскими; передъ нами мелькаетъ множество названій, которыя никакъ неподдаются строгой классификаціи рода и вида. Разрѣшеніе этой задачи можно ожидать только отъ сравнительной филологіи. [1].

[1] Замѣчательны между прочимъ нѣкоторыя попытки путемъ языка уяснить взаимныя отношенія народовъ, населявшихъ доисторическую Русь. Нельзя необратить вниманія, на примѣръ, на ту мысль, что жилища Финновъ при началѣ Русской исторіи простирались гораздо далѣе къ юговостоку, нежели обыкновенно полагаютъ. Въ литтературѣ большею частію принято относить народы, составлявшіе нѣкогда царства Казанское и Болгарское, къ Турецкому поколѣнію. Намъ кажется болѣе основательнымъ мнѣніе тѣхъ, которые относятъ ихъ къ Финнамъ. Такъ одинъ путешественникъ старается утвердить подобное мнѣніе на географическихъ и другихъ названіяхъ, которыя объясняются изъ Финскихъ нарѣчій «(Историч. Замѣч. на пути изъ Саратова въ Астрахань.» проф. Булыгина. Ж. М. Н. П. 1836 г. Окт.). Особенно часто въ собственныхъ именахъ встрѣчаются корень *ар* съ разнообразными приставками и окончаніями, напр. Козары, Болгары, (Авары, Мадъяры) Баланrіаръ, Аркадакъ, Чардымъ и множество другихъ. Этотъ корень приводитъ путешественника къ тому предположенію, что большая часть восточной Россіи нѣкогда была заселена какимъ то племенемъ Аровъ, изъ которыхъ образовалось обширное государство Коз — аръ; послѣдніе въ IX столѣтіи господствовали отъ Каспійскаго моря до береговъ Днѣпра и Оки. Близъ Воронежа нѣсколько городищъ до сихъ поръ сохраняютъ названіе Козарскихъ; подъ самымъ городомъ лежитъ Козарское поле; въ Рязанской губерніи на берегу Оки есть се-

Финскіе народцы, обитавшіе въ области Оки, по нѣкоторымъ признакамъ, составляли только часть большаго Мордовскаго племени. [2] Нетрудно представить

леніе Козаръ. Отъ того же племени Аровъ въ незапамятныя времена отдѣлился народъ, получившій по рѣкѣ Волгѣ названіе Болгаръ. (На родство Болгаръ съ Финнами указалъ и акад. Френъ въ Memoires de l'Acad. des Sciences, de st. Peter. VI Série, Sciences, Polit. Histor. et Philologie I. 546. 1832 г.) Одна часть его потомъ двинулась на западъ и перешла на Дунай, а другая потянулась на сѣверъ мимо устья Камы. Камскіе Болгары наиболѣе выдвинулись впередъ изъ семейства восточныхъ Финновъ; подъ вліяніемъ ислама они образовали довольно сильное политическое тѣло, которое при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ востокомъ достигло значительной степени гражданственности; но о жизни этого народа дошли до насъ только немногія отрывочныя извѣстія, изъ которыхъ трудно построить что нибудь цѣльное. Золотая Орда и Казанское царство пока загораживаютъ отъ насъ своихъ предшественниковъ, но изслѣдованія памятниковъ Татарской эпохи конечно прольютъ свѣтъ на темную исторію Козаръ и Болгаръ.

[2] Съ предположеніемъ о существованіи народа Аровъ можно поставить въ связи любопытныя замѣтки одного наблюдателя надъ Мордовскимъ племенемъ въ Нижегородской губерніи. «(Памятники Мордовской старины.» Ж. М. В. Д. 1851 Мартъ).

У него мы находимъ тотъ же корень *ар* во многихъ географическихъ названіяхъ напр: Ар-датовъ, Ар-замасъ, Ар-зама и др. Далѣе бросается въ глаза участіе слова *азаръ* въ именахъ языческихъ божествъ у Мордвы, каковы: Паксязаръ, Вирьязаръ и пр. Самое слово азаръ имѣетъ значеніе влады ки, господа, и, можетъ быть, указываетъ на племеннаго Бога-

себѣ главныя черты ихъ быта при началѣ нашей исторіи; безъ всякаго сомнѣнія онъ былъ очень простъ и немногосложенъ, какъ у всѣхъ народовъ, невышедшихъ еще изъ состоянія дикости. Разсѣянные небольшими группами или отдѣльными семьями Финны жили въ глуши первобытныхъ лѣсовъ, на берегу рѣкъ и безконечныхъ болотъ; охота и, вѣроятно, пчеловодство служили имъ главнымъ источникомъ существованія; земледѣліе, можетъ быть, и въ тѣ времена входило уже въ число ихъ занятій; но ему неблагопріятствовали лѣсистая природа страны и мѣстами скупая, песчаноглинистая почва. Въ этомъ случаѣ для насъ драгоцѣнны слова Герберштейна, которыми онъ въ первой половинѣ XVI вѣка характеризуетъ Мордовское племя. «Къ востоку и югу отъ рѣки Мокши, говоритъ онъ, лежатъ

родоначальника. Изъ Мордовскаго языка можно объяснить названія мѣстностей очень отдаленныхъ отъ Нижегородской губерніи, напр: Керчь и керче или керже—лѣвый; Кіевъ и кіявъ—многодорожный и пр. Незабудемъ также, что словомъ *ильмени* въ Астрах. губ. называются вообще озера; а мордовское *Рава* (*Волга*) напоминаетъ древнее Ра. Въ самомъ имени Мордвы очевидно скрылся тотъ же корень *ар*. Это имя встрѣчается еще у Іорнанда, рядомъ съ сосѣднею Мерею (Merens, Mordens) въ его «De reb. get.» Всѣ эти филологическія замѣтки могутъ повести къ тому предположенію, что Арское или Мордовское племя составляло большой отдѣлъ Финскаго поколѣнія и когда то занимало огромное пространство отъ Уральскихъ горъ до самаго Днѣпра; что въ слѣдствіе движенія кочевыхъ ордъ изъ-за Урала оно было отрѣзано отъ южной своей части Козаръ и отодвинуто далѣе на сѣверъ, гдѣ потомъ утратило родовое названіе и въ IX вѣкѣ появляется въ исторіи подъ именами различныхъ народцевъ.

огромные лѣса, въ которыхъ обитаетъ Мордва, народъ говорящій особеннымъ языкомъ. Они отчасти идолопоклонники, отчасти магометане; живутъ разбросанными селеніями, обработываютъ поля; питаются мясомъ дикихъ животныхъ и медомъ; богаты дорогими мѣхами; народъ суровый, храбро отбивающій отъ себя татарскихъ хищниковъ; почти всѣ пѣшіе, вооружены длинными луками и превосходные стрѣлки.» Если сравнимъ съ этимъ извѣстіемъ описаніе чисто Мордовскаго быта въ наше время, то въ главныхъ чертахъ мы находимъ большое сходство; отсюда имѣемъ право заключить, что и съ IX вѣка по XVI этотъ бытъ измѣнился очень мало. Такъ на примѣръ Мордва до сихъ поръ отличается свойственною дикарямъ неразборчивостію въ выборѣ пищи; только въ недавнее время она оставила прывычку пожирать самыхъ нечистыхъ животныхъ; а мясо медвѣдей, волковъ, ежей, бѣлокъ, вьюновъ и ястребовъ еще невышло изъ употребленія.

Въ XVI вѣкѣ часть Мордвы исповѣдывала исламъ, заимствованный у сосѣднихъ Болгаръ, Казанскихъ и Касимовскихъ Татаръ; но въ IX вѣкѣ язычество въ этихъ странахъ еще невстрѣчало себѣ никакого противодѣйствія. Къ сожалѣнію религіозныя вѣрованія сѣверовосточныхъ Финновъ далеко неприведены въ извѣстность для того, чтобы можно было построить изъ нихъ полную систему. Однако, благодаря замѣткамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, мы имѣемъ довольно цѣльное понятіе о язычествѣ Мордовскаго племени; видимъ, что оно прошло нѣсколько ступеней религіознаго развитія и нелишено присутствія господствующей идеи. Верховное божество называется Шкай; за нимъ слѣдуютъ нисшіе боги и богини, между которыми раздѣлены заботы по управленію различными частями міра, таковы:

Керемяіъ, Азарава, Паксязаръ и Паксязарава, Вирьязаръ и Вирьязарава, Ведьязаръ и Ведьязарава, Лугазаръ и Лугазарава, Юртазаръ и Юртазарава и проч. Всѣ эти имена встрѣчаются въ молитвахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ у Мордвиновъ, которые вообще поздно, неохотно подчинились христіанству, и упорно продолжаютъ сохранять многія языческія вѣрованія и обряды.

Приведенныя имена свидѣтельствуютъ, что первоначально Мордва почитала единое, высшее начало подъ имeнемъ Азаръ; что потомъ это божество, какъ и у другихъ народовъ, разрѣшилось на отдѣльныя силы природы, и такимъ образомъ явились: Ведь-азаръ лѣсной богъ, Юрт-азаръ домашній богъ и т. д. въ родѣ славянскихъ лѣшихъ и домовыхъ.

Нижнее теченіе Оки почти до самаго устья занимало племя Мурома, которое прежде другихъ племенъ, обитавшихъ по Окѣ, примкнуло къ возникающему Государству, и нѣсколько опередило ихъ въ развитіи общественныхъ формъ. Въ IX столѣтіи мы находимъ здѣсь городъ Муромъ, который можетъ быть и распространилъ свое имя на ближнюю часть Мордвы. Неизвѣстно въ слѣдствіе завоеванія или добровольнаго присоединенія онъ вмѣстѣ съ Ростовомъ является въ числѣ городовъ, которыми владѣлъ Рюрикъ. Близость Волги, по которой шелъ водный путь изъ Новгорода въ Болгарію и Козарію болѣе всего способствовала раннему участію Мери и Муромы въ Русской исторіи. Язычество Муромы, судя по той борьбѣ, которую должны были выдержать противъ его первые проповѣдники христіанства, достигло нѣкоторой степени развитія. Незнаемъ, насколько ихъ вѣрованія были общи съ Мордвою; но у насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій объ обрядахъ Муромцевъ въ концѣ XI столѣтія «О-

ныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе.. дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся... кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы и кроеніе и лицъ настрѣканія и драпія творяще.» [3].

Между всѣми Мордовскими народцами для насъ особенно важна Мещера, которая обитала по притокамъ Оки выше Муромы. Донынѣ вся сѣверная часть Рязанской губерніи носитъ названіе Мещерской стороны. Древніе лѣтописцы неотличаютъ ее отъ Мери и Мордвы, и незнаютъ ея имени. [4]. Затерянные въ непроходимыхъ дебряхъ и болотахъ между притоками средней Оки, Мещеряки долѣе своихъ сосѣдей остаются на степени совершенной дикости и ускользаютъ отъ вниманія исторіи.

Итакъ прежде нежели появился Славянскій элементъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ мы говоримъ, Финскія племена съ незапамятныхъ временъ были здѣсь полные хозяева, и самымъ прочнымъ, самымъ замѣтнымъ памятникомъ ихъ древняго господства безспорно служатъ до сихъ поръ темныя для насъ географическія названія. Къ таковымъ принадлежатъ имена Оки, [5], Москвы, Цны, Вожи, Мокши, Рязани и множества другихъ.

---

[3] Изъ житія Муромскаго Кн. Константина.

[4] Вѣроятнѣе всего, что названіе Мещера есть только видоизмѣненіе слова Меря.

[5] Г. Макаровъ въ замѣткахъ о земляхъ Рязанскихъ сближаетъ это слово съ Окать рѣка у Ламутовъ и Окка-дождь у Абазовъ. Чт. О. И. и Д. I. Считаемъ необходимымъ при этомъ случаѣ сдѣлать слѣдующую оговорку: Невѣрность ссылокъ

Вятичи.

Самымъ крайнимъ Славянскимъ племенемъ на востокѣ въ IX в. являются Вятичи. О происхожденіи Вятичей и ихъ сосѣдей Радимичей сохранилось у лѣтописца, какъ извѣстно, любопытное преданіе, изъ котораго заключаемъ, что эти племена, отдѣлившіяся отъ семейства Ляховъ, заняли свои мѣста гораздо позднѣе другихъ Славянъ и въ народѣ еще въ XI вѣкѣ сохранилась память объ ихъ движеніи на востокъ. Вятичи заняли верхнее теченіе Оки, и такимъ образомъ пришли въ прикосновеніе съ Мерею и Мордвою, которые по видимому безъ особенной борьбы подвинулись на сѣверъ. Едвали могли существовать серьозныя причины къ столкновенію съ пришельцами при огромномъ количествѣ порожнихъ земель и при ничтожности домашняго хозяйства у Финновъ. Къ тому же и самое Финское племя, скудно одаренное отъ природы, съ явнымъ недостаткомъ энергіи, въ слѣдствіе неизмѣннаго историческаго закона должно было всюду отступать передъ породою, болѣе развитою. Трудно провести границы между Мещерою и ея новыми сосѣдями; приблизительно можемъ сказать, что селенія Вятичей въ первые вѣка нашей исторіи простирались до рѣки Лопасни на сѣверѣ и до верховьевъ Дона на востокѣ.

Немногими, но очень яркими красками изображаетъ Несторъ языческій бытъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ. «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай

М. Н. Макарова — дѣло извѣстное; но мы неможемъ утверждать, что бы всѣ его ссылки были невѣрны, и потому неимѣемъ права отвергать ихъ безъ всякихъ исключеній. При своихъ изслѣдованіяхъ мы выбрали изъ замѣтокъ Макарова наименѣе подозрительныя и упоминаемъ о нихъ въ примѣчаніяхъ.

имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци небываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику и възлажахуть и накладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ.» Судя по первымъ словамъ упомянутыя племена неимѣли ни земледѣлія, ни домашняго хозяйства. Но далѣе видно, что они жили селами и имѣли довольно опредѣленные обычаи или обряды относительно брака и погребенія; а подобное обстоятельство уже предполагаетъ нѣкоторую степень религіознаго развитія и указываетъ на начала общественной жизни. Впрочемъ трудно рѣшить, на сколько слова Нестора относились собственно къ Вятичамъ IX столѣтія, потому что едвали можно приравнять ихъ къ Сѣверянамъ, которые поселились на своихъ мѣстахъ гораздо ранѣе и жили по сосѣдству съ греческимъ воднымъ путемъ. Ясно по крайней мѣрѣ, что Вятичи въ тѣ времена были самымъ дикимъ племенемъ между восточными Славянами, удаленные отъ двухъ главныхъ центровъ русской гражданственности, они позднѣе другихъ вышли изъ родоваго быта, такъ что первые города встрѣчаются у нихъ неранѣе XII в. [6].

---

[6] Подъ 859 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, что Вятичи вмѣстѣ съ Полянами и Сѣверянами платили Хазарамъ дань шкурами, именно *по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма.* Подчиненіе Вятичей Козарамъ вѣроятно находится въ связи

Главные пути Славянской Колонизаціи.

Движеніемъ Радимичей и Вятичей изъ Польши прекратилось разселеніе Славянскихъ племенъ въ Россіи: онѣ перестаютъ занимать земли болѣе или менѣе густыми массами и отодвигать далѣе на сѣверъ и востокъ жилища Финновъ. Послѣдніе теперь спокойно могли оставаться на своихъ мѣстахъ; но уже навсегда должны были подчиниться вліянію своихъ сосѣдей. Медленно и туго Финское племя проникается Славянскимъ элементомъ; но тѣмъ вѣрнѣе и глубже пускаетъ онъ свои корни. Проводникомъ этаго неотразимаго вліянія послужила у насъ, какъ и вездѣ, система военной колонизаціи, начало которой совпадаетъ съ началомъ Русской исторіи. Такъ объ Рюрикѣ говорится въ лѣтописи: «и раздая мужемъ своимъ грады. И по тѣмъ городомъ» суть находницы Варязи; а первые насельницы въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома.» Разумѣется варяжскій элементъ при этомъ играетъ роль только до тѣхъ поръ, пока онъ преобладалъ въ княжеской дружинѣ, т. е. до XI вѣка. Такимъ образомъ Славянорусская колонизація вмѣстѣ съ княжескою властью идетъ сначала отъ Новгорода на востокъ великимъ Волжскимъ путемъ и достигаетъ нижняго теченія Оки. Господство князей выражается здѣсь на первый разъ только военнымъ занятіемъ трехъ городовъ, составлявшихъ центры трехъ Финскихъ племенъ, и сборомъ дани съ окрестныхъ жителей. Преемникъ Рюрика переноситъ главную сцену исторической дѣятельности на югъ, и Поволжскій край на время

съ преданіемъ о пришествіи послѣднихъ въ страну Полянъ: какой то Казарскій князь предпринималъ походъ на западъ для покоренія племенъ также, какъ первые Русскіе Князья ходили на востокъ.

ускользаетъ отъ вниманія Русскихъ князей. Но связь главныхъ центровъ Русской жизни съ этимъ краемъ не прекращается, благодаря дѣятельному содѣйствію Новогородцевъ. Извѣстно, что Новогородское юношество издавна ходило по рѣкамъ въ дальнія страны съ двоякою цѣлью—грабежа и торговли. Эти то походы и проложили пути Славянскому вліянію на Финскомъ сѣверовостокѣ. Съ движеніемъ славянскаго элемента изъ Новгорода по Волгѣ во второй половинѣ X в. встрѣчается другое движеніе изъ юго-западной Руси по Окѣ. [7]

---

[7] При Олегѣ Сѣверяне и Радимичи вмѣсто Казаръ начинаютъ платить дань Кіевскимъ Князьямъ. Продолжателемъ Олега въ томъ же направленіи является Святославъ, который въ 964 г. идетъ на Оку и на Волгу, приходитъ къ Вятичамъ и спрашиваетъ у нихъ по обыкновенію: «кому дань даете.» Они отвѣчаютъ: «даемъ Козарамъ по шелягу отъ рала.» За тѣмъ Святославъ обращается на Козаръ и громитъ ихъ царство. Вятичи однако несоглашаются добровольно платить ему дань, какъ показываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 966 г. «Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.» Святославъ безъ сомнѣнія непроникалъ на Сѣверовостокъ далѣе верхняго теченія Оки; хотя и говорится въ лѣтописи «иде на Оку рѣку и на Волгу.» Береговъ послѣдней онъ могъ коснуться во время борьбы съ Козарами, спустившись къ ней по Дону; а иначе, т. е. достигнувъ Волги Окою, онъ неминуемо долженъ былъ столкнуться съ Камскими Болгарами.

(Походъ Руссовъ внизъ по Волгѣ въ 968 г. могъ происходить независимо отъ Кіевскаго князя, также какъ и предыдущіе походы въ 913 и 943 г. Въ противномъ случаѣ нашъ лѣтописецъ вѣрно упомянулъ бы о подвигахъ Святослава въ Камской Болгаріи).

По случаю походовъ Святослава и Владиміра на Вятичей для насъ очень важно извѣстіе объ ихъ дани по шелягу съ плуга. Туже дань они платили Казарамъ, между тѣмъ какъ при первомъ столкновеніи съ послѣдними говорится о бѣлкѣ и веверицѣ (векша) съ дома. Отсюда мы заключаемъ, что въ IX и X вѣкѣ Вятичи мѣняютъ суровый бытъ звѣролововъ на болѣе благодарное занятіе земледѣліемъ; слѣдовательно выходятъ изъ состоянія той дикости, на которую указываетъ лѣтописецъ словами: «живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто.»

Съ подчиненіемъ Вятичей Кіевскимъ князьямъ верховья Оки вошли въ составъ Русскихъ владѣній. Устья этой рѣки принадлежали къ нимъ еще прежде, по это-

---

Зависимость Радимичей и Вятичей отъ Русскихъ князей прекратилась вѣроятно во время пребыванія Святослава въ Болгаріи, и сынъ его Владиміръ, укрѣпившисъ на Кіевскомъ столѣ, долженъ былъ вступить въ новую борьбу съ воинственными племенами. Именно въ 981 г. Владиміръ «Вятичи побѣди, и възложа нань дань отъ плуга, яко же и отецъ его имаше». Но этимъ дѣло не кончилось: подъ слѣдующимъ годомъ опять извѣстіе: «Заратишася Вятичи, и иде на ня Владиміръ, и побѣди е второе.» Въ 988 г. онъ воюетъ съ Радимичами, которымъ Волчій хвостъ паноситъ пораженіе. Недаромъ при этомъ случаѣ лѣтописецъ еще разъ вспоминаетъ, что Радимичи (а слѣдовательно и Вятичи) были родомъ изъ Ляховъ: «пришедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ ведутъ и до сего дне,» прибавляетъ онъ, вообще показывая къ нимъ явное нерасположеніе. Такое нерасположеніе очень понятно, если вспомнимъ что у Вятичей, и вѣроятно отчасти у Радимичей, въ его время язычество существовало еще въ полной силѣ.

му и среднее теченіе немогло далѣе оставаться внѣ предѣловъ зараждающагося государства, тѣмъ болѣе что малочисленное туземное населеніе было не въ состояніи оказать значительное сопротивленіе Русскимъ Князьямъ. Лѣтопись даже и не упоминаетъ о покореніи Мещеры, которое само собой подразумѣвается при походахъ Владиміра на сѣверовостокъ. Преемники его въ XI столѣтіи спокойно проходятъ съ своими дружинами по Мещерскимъ землямъ и ведутъ здѣсь междоусобныя войны, необращая вниманія на бѣдныхъ жителей. Близь слiянія Волги и Оки дальнѣйшее движеніе Русскаго господства должно было на время остановиться: препятствіемъ явилось довольно сильное по тому времени государство Болгаръ. [8]. Помимо враждебныхъ столкновеній Камскіе болгары были знакомы Русскимъ князьямъ по сношеніямъ другаго рода. Они служили тогда дѣятельными посредниками въ торговлѣ между мусульманскою Азіею и восточною Европою. Болгарскіе купцы ѣздили съ своими товарами вверхъ по Волгѣ въ страну Веси; а чрезъ Мордовскую землю, слѣдовательно по Окѣ, отправлялись въ югозападную Русь и ходили до Кіева. Извѣстія Арабскихъ писателей подтверждаются расказомъ нашего лѣтописца о магометанскихъ проповѣдникахъ у Владиміра и торговымъ договоромъ Русскихъ съ Болгарами въ его княженіе. Если удачные походы Св. Князя на Камскихъ Болгаръ и несокрушили

[8] Мы еще можемъ сомнѣваться въ томъ, что бы походъ Владиміра 987 г. относился къ Волжскимъ Болгарамъ, но кромѣ этого года есть извѣстія и о другихъ походахъ на Болгаръ. Въ одномъ изъ нихъ прямо говориться (997 г.): «Ходи Владимеръ на Болгары Волжскія и Камскія.» (Ник. I. 108.).

эту преграду къ распространенію Русскаго вліянія внизъ по Волгѣ, за то окончательно закрѣпили за нимъ всю Окскую систему. Но начала гражданственности, еще нескоро проникли въ эту лѣсную глушь; первый городъ упоминается здѣсь спустя цѣлое столѣтіе.

Восточные удѣлы.

Когда Владиміръ раздавалъ своимъ сыновьямъ города, Муромская земля досталась на долю Глѣба. [9].

Но для насъ особенно важно дѣленіе волостей между сыновьями Ярослава I: оно на долго опредѣлило дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ частей древней Россіи.

---

[9] Замѣчательно при этомъ, что онъ никого не назначилъ въ страну Вятичей и Радимичей. Такое обстоятельство объясняется отсутствіемъ городовъ въ то время на Сѣверовостокъ отъ Десны до самыхъ низовьевъ Оки. Сѣверная половина этаго пространства, т. е. собственно Рязанскія земли, была причислена къ Муромскому княженію; а южная степная полоса связана была съ Тмутраканскимъ княжестомъ. Послѣ битвы при Лиственѣ Мстиславъ, первый удѣльный князь Тмутраканскій, соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ части; названіе Тмутракани распространилось далеко на сѣверъ; отсюда то произошло у нѣкоторыхъ историковъ смѣшеніе этаго имени съ Рязанью, которая въ то время еще не выступала на историческое поприще. Знаменитый Олегъ Гориславичъ, будучи княземъ Тмутраканскимъ и Рязанскимъ, еще болѣе способствовалъ такому заблужденію. Но въ настоящее время послѣ доказательствъ гр. А. Н. Мусина-Пушкина нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что Тмутракань и Греческая Таматарха или древняя Фанагорія одно и тоже. («Историч. изслѣд. о мѣстопол. древ. Рос. Тмут. княженія».) См. сводъ всѣхъ доказательствъ и защиту Мус. Пушкина противъ возраженій Г. И. Спаскаго въ Изслѣдов. о Рус. Ист. Погод. III. 145—153).

Святославъ Ярославичъ получилъ на свою долю Черниговскій удѣлъ. Къ этому удѣлу кромѣ Сѣверской земли причислялась долина Оки и Тмутраканское княжество, точно также какъ къ Переяславскому удѣлу Всеволода принадлежало почти все верхнее Поволожье. Существованіе такого дѣленія подтверждается событіями восточной Руси во второй половинѣ XI в. и особенно Любецкимъ съѣздомъ, на которомъ все теченіе Оки навсегда укрѣплено за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній, сосредоточенныхъ въ рукахъ одного рода, нисколько не смущала остальныхъ князей. Вся эта лѣсная глушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны; самые Святославичи, какъ увидимъ, долго немогутъ помириться съ угрюмою природою своихъ удѣловъ, и обнаруживаютъ стремленіе къ завѣтному Приднѣпровью.

Св. Глѣбъ въ Муромѣ.

Между тѣмъ какъ дѣятельность сыновей и внуковъ Владиміра Св. преимущественно сосредоточивалась около Днѣпра, народы, заселявшіе область Оки, все еще прозябаютъ въ тѣни своихъ первобытныхъ лѣсовъ. Признаки жизни замѣтны только въ отдаленномъ Муромѣ. Здѣсь первымъ удѣльнымъ княземъ является Св. Глѣбъ. [10]. Нѣтъ сомнѣнія, что главною заботою молодаго князя было насажденіе христіанства въ этомъ край-

---

[10] Мы незнаемъ, когда именно онъ отравился въ свой удѣлъ. По лѣтописи Владиміръ роздалъ города сыновьямъ въ 889 г. въ то время, когда Глѣбъ былъ еще младенцемъ, или, что вѣроятнѣе, совсѣмъ неродился. Въ 1015 г. Борисъ, любимый братъ его, изображается юношею, у котораго только что пробиваются усы и борода; а Глѣбъ былъ моложе Бориса. Вообще прибытіе Глѣба на сѣверъ можно приблизительно отнести къ 1010 г.

немъ уголкѣ тогдашней Руси. Самая разсылка по городамъ сыновей Владиміра, которая по лѣтописи слѣдуетъ за ихъ крещеніемъ, можетъ быть находилась въ связи съ заботами Великаго Князя о распространеніи новой религіи. Но это благое. дѣло, кажется, неимѣло большаго успѣха въ короткій срокъ пребыванія Глѣба на сѣверѣ.[11]. Послѣ его смерти христіанство должно было еще въ продолженіи цѣлаго столѣтія выдерживать здѣсь борьбу съ языческою партіею прежде, нежели могло провозгласить побѣду на своей сторонѣ. При столкновеніяхъ христіанскаго начала съ язычествомъ Муромскій край въ то время оживлялся еще торговыми сношеніями съ Камской Болгаріей, что немѣшало иногда Муромцамъ вступать въ борьбу съ сильными Болгарами и безпокойными племенами Мордвы. Въ княженіе Ярослава I Муромъ по видимому на ряду съ Ростовомъ игралъ незавидную роль ссылочнаго мѣста для опальныхъ бояръ. Такъ въ 1019 г. Великій Князь прогнѣвался за что-то на Новгородскаго посадника Константина (сынъ знаменитаго Добрыни) и заточилъ его въ Ростовъ, »и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ на рѣцѣ на Оцѣ.[12]»

Сосѣдство съ Половцами.

Между тѣмъ въ юговосточной части Муромо-Рязанскихъ земель никогда не прерывались враждебныя столкновенія съ степными кочевниками. Въ началѣ X в. изъ Приуральскихъ степей вслѣдъ за Уграми подвинулись на западъ Печенѣги и потянулись къ нижнему Днѣпру.

---

[11] Въ прологѣ Мая 21 сказано о Св. Глѣбѣ: «много покусився невозможе одолѣти его (Мурома) и обратити во Св. Крещеніе; но поживѣ вдале его два поприща (два лѣта) и отъ Святополка позванъ лестію».

[12] П. С. Р. Л. V. 134.

За Печенѣгами являются ихъ соплеменники Торки. Въ 1055 г. въ первый разъ упоминается о приходѣ Половцевъ въ Русскую землю. Они оттѣсняютъ болѣе слабыхъ предшественниковъ, и въ 1068 г. открываютъ упорную борьбу съ нашими князьми; а къ концу XI в. ихъ необозримыя кочевья раскинулись по всему степному пространству южной Россіи. Сосѣдство съ этими дикими ордами конечно неосталось безъ вліянія на жителей Приокскихъ земель, и внесло въ эти земли новый элементъ населенія, враждебный Славянорусскому началу. Стоитъ только прочесть у Нестора описаніе Половецкаго быта, чтобы понять, каково могло быть вліяніе кочевниковъ. «Якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ, кровь проливати, и хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки, и сусолы; поимаютъ мачехи своя, ятрови,и ины обычая отець своихъ творятъ.»

Борьба Олега Святославича съ Мономахомъ и его сыновьями.

27 Декабря 1076 г. скончался Святославъ Ярославичь, оставивъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. При жизни отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимірѣ Волынскомъ, Романъ въ Тмутракани; неизвѣстно, гдѣ княжилъ Давидъ; а Ярославъ, самый младшій, [13] по юности своей вѣроятно находился при отцѣ; впрочемъ можно догадываться, что ему назначались въ удѣлъ Муроморязанскія волости. Съ возвратомъ Изяслава произошло перемѣщеніе удѣльныхъ князей, которое повлекло за собою неизбѣжныя усоби-

---

[13] Что Ярославъ былъ младшій, доказываетъ картина въ Сборникѣ Воскресен. Новоіерус. монастыря, писанная въ 1073 г.; она изображаетъ Святослава съ супругою и пятерыхъ его сыновей; Ярославъ представленъ здѣсь младенцемъ. Карам. II. пр. 132.

цы. Здѣсь мы по необходимости должны коснуться этихъ усобицъ съ той стороны, съ которой онѣ имѣли вліяніе на судьбы Муроморязанскаго края.

Изгнанный изъ Новгорода, Глѣбъ Святославичь погибъ въ землѣ Заволоцкой Чуди; Олегъ, лишенный Владиміра Волынскаго, жилъ нѣкоторое время въ Черниговѣ у дяди Всеволода. Изъ этого впрочемъ нельзя заключить, что онъ не имѣлъ тогда никакого удѣла; безъ сомнѣнія ему предоставлены были вмѣстѣ съ младшимъ братомъ все тѣже Муроморязанскія земли. Нѣсколько времени спустя, мы дѣйствительно находимъ въ Муромѣ посадниковъ Олега. Но, какъ замѣчено, князья недорожили своими сѣверовосточными областями и нелюбили скучать въ этой глухой сторонѣ; поэтому Олегъ непоѣхалъ къ себѣ въ Муромъ, а явился у брата въ Тмутракани, и отсюда начинаетъ рядъ попытокъ отнять у Всеволода и Мономаха Черниговъ, какъ достояніе своего отца. Средства для борьбы съ старшими князьями у младшихъ въ то время находились всегда подъ руками, т. е. наемныя Половецкія дружины. Первая попытка Олега, предпринятая вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Борисомъ Вячеславичемъ, въ началѣ имѣла успѣхъ, но кончилась несчастною для нихъ Нѣжатинскою битвою, 3-го Окт. 1078 г. Послѣ того во все время Всеволодова княженія въ Кіевѣ незамѣтно, что бы Олегъ возобновилъ свои усилія занять Черниговъ; когда погибъ братъ его Романъ, онъ даже пробылъ два года плѣнникомъ у Грековъ. Но освободившись изъ плѣна, Олегъ занялъ Тмутраканское княжество и выжидалъ опять удобнаго случая завладѣть Черниговскимъ удѣломъ. Такой случай представился послѣ кончины Всеволода. Воспользовавшись сильнымъ пораженіемъ Святополка и Мономаха отъ Половцевъ подъ Триполемъ,

Олегъ въ 1094 г. опять явился съ своими дикими союзниками у воротъ Чернигова. На этотъ разъ Мономахъ, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобъ отразить враговъ, помирился съ своимъ соперникомъ, и вышелъ изъ города.

Но между тѣмъ какъ Святославичи принимали главное участіе въ событіяхъ Южной Россіи, ихъ сѣверныя волости оставались безъ надежной защиты отъ нападенія непріязненныхъ сосѣдей. Въ Муромѣ управляли посадники Олега. Неизвѣстно, были ли они сами виноваты въ безпорядкахъ или не имѣли достаточно средствъ и власти удерживать въ повиновеніи безпокойную Муромскую молодежь, которая выгодамъ торговли съ зажиточными Болгарами предпочитала грабежи ихъ судовъ по Волгѣ и Окѣ. Обиженные обратились съ жалобами къ Олегу и брату его Ярославу.[14] Неполучивъ удовлетворенія, Болгары взялись за оружіе, и въ 1088 г. захватили Муромъ. Впрочемъ они оставались здѣсь недолго, и, вѣроятно довольствуясь разграбленіемъ города, ушли во свояси: по крайней мѣрѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, опять упоминается о посадникахъ Черниговскаго князя въ Муромѣ.

И во второй разъ Олегъ недолго княжилъ въ отцовскомъ городѣ. Въ слѣдующемъ 1095 г. непріязненныя отношенія Святославичей къ Мономаху и Святополку опять переходятъ въ сильное междоусобіе. Поводомъ къ неудовольствію послужила явная недовѣрчивость Олега къ двоюрнымъ братьямъ, когда они пригласили его итти вмѣстѣ съ ними на Половцевъ. Олегъ пошелъ но не вмѣстѣ, а другою дорогою, и, кажется, уклонился отъ битвы съ своими прежними союзниками. Онъ также не согласился выдать Русскимъ князьямъ сына Половец-

---

[14] Татищ. II. 140.

каго князя Итларя, послѣ того какъ отецъ былъ умерщвленъ въ Переяславлѣ. Мономахъ и Святополкъ однако не вступили прямо въ борьбу съ Олегомъ, а прежде хотѣли вѣроятно лишить его помощи брата Давида; по этому они въ концѣ 1085 г. вывели послѣдняго изъ Смоленска въ Новгородъ, а въ Смоленскѣ посадили Мономаховича Изяслава. Вскорѣ однако Давидъ воротился, и опять занялъ Смоленскую волость. Около того же времени Изяславъ Владиміровичь является въ Курскѣ. Неизвѣстно, потерпѣлъ ли Изяславъ у Курска неудачу, или взялъ его, но потомъ оставилъ, угрожаемый сосѣдствомъ Олега Черниговскаго; только въ томъ же году онъ уходитъ съ юга и отправляется въ другую волость Святославичей — Муромскую землю. Муромцы, можетъ быть недовольные боярскимъ управленіемъ и желавшіе имѣть собственнаго князя, охотно приняли Изяслава и выдали ему Олеговыхъ посадниковъ.[15] Хотя въ письмѣ своемъ къ Олегу Владиміръ въ послѣдствіи осуждаетъ сына за то, что онъ пожелалъ чужаго и послушался своихъ алчныхъ дружинниковъ; но едвали можно думать, чтобы Изяславъ въ этомъ случаѣ осмѣлился поступить противъ воли Мономоха, который держалъ своихъ дѣтей въ строгомъ повиновеніи. Очень можетъ быть, что занятіе Мурома находилось въ связи съ открывшеюся вскорѣ усобицею между Черниговскимъ княземъ и его двоюродными братьями. Извѣстно, что въ 1076 году Олегъ отвѣчалъ изъ Чернигова гордымъ отказомъ на приглашеніе братьевъ пріѣхать въ Кіевъ, и нехотѣлъ предстать на судъ предъ епископами, игумнами и смердами. Тогда Святополкъ и Мономахъ припомнили ему дружбу съ варварами и рѣшились по обыкновенію пре-

---

[15] Лавр. 98.

доставить дѣло суду Божьему. Услыхавъ о приближеніи противниковъ, Олегъ 3 Мая 1096 года вышелъ изъ Чернигова, и заперся въ крѣпкомъ Старолубѣ. Здѣсь онъ защищался 33 дня, и началъ просить мира только тогда, когда граждане доведены были до крайняго изнеможенія; а помощь между тѣмъ не являлась. Великій Князь и Владиміръ согласились на миръ, и послали Олега къ брату Давиду, что бы вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ улаживаться о волостяхъ. Олегъ отправился къ Смоленску; но Смольняне отказались принять въ свой городъ князя, который пріобрѣлъ недобрую славу за свою дружбу съ Половцами. Огорченный такою неудачею Гориславичь оборатился на востокъ и пошелъ къ *Рязани.* [16] Тутъ въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописи это имя; и мы остановимся на немъ нѣсколько времени прежде, нежели послѣдуемъ за дальнѣйшимъ теченіемъ событій.

Съ XI столѣтія Славянскія поселенія на Финскомъ сѣверовостокѣ начинают принимать все болѣе и болѣе значительные размѣры, благодаря строительной дѣятельности Рускихъ князей. Главнымъ средствомъ для утвержденія власти въ подчиненныхъ земляхъ всегда и вездѣ служило построеніе крѣпостей тамъ, гдѣ ихъ не было, и военное занятіе городовъ, уже существующихъ. Точно такъ поступали и древніе Русскіе князья: они строили новые города на востокъ и на западъ отъ великаго воднаго пути, имѣя въ виду защиту края, сборъ дани съ туземныхъ жителей и заселеніе пустыхъ земель. Уже Рюрикъ принялся за это дѣло, и, по нѣкоторымъ спискамъ лѣтописи велѣтъ «городы рубити.» Строительная дѣятельность особенно усиливается со вре- Происхожденіе города Рязани.

[16] Лавр. 98. Ник. II. 12.

менъ Владиміра Св. и Ярослава I. Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ на сѣверовостокѣ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ съ земляны̀мъ валомъ вокругъ показываются надъ рѣкою въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ остроконечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ била, [17] призывающáго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣрки; да изрѣдка хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣриныя шкуры. Ранѣе началось построеніе городовъ въ Суздальской и Ростовской областяхъ; нѣсколько позднѣе встрѣчаются они по Окѣ, гдѣ туземное населеніе было еще болѣе дико и малочисленно; а лѣса и болота чаще и недоступнѣе. Первый городъ послѣ Мурома здѣсь упоминается Рязань. Но когда именно она основана? какимъ княземъ? при какихъ обстоятельствахъ? на всѣ эти вопросы при настоящемъ состояніи источниковъ положительные отвѣты невозможны; поэтому мы должны ограничиться одними соображеніями.

Подъ 1096 г. Несторъ говоритъ объ Олегѣ, непринятомъ Смольнянами; «и иде къ Рязаню.» Слѣдовательно Рязань какъ городъ существовала еще прежде этого года; а какъ названіе страны она и прежде и послѣ

---

[17] Кривая желѣзная полоса, употреблявшаяся въ старину вмѣсто колокола. Образчикъ такого била сохраняется и теперь въ г. Псковѣ.

обнимала большое пространство земель, лежавшихъ по среднему теченію Оки, по ея притокамъ съ правой стороны и по верхнему Дону. Происхожденіе самаго слова Рязань до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено. Во всякомъ случаѣ мы не согласимся съ тѣмъ, кто вздумаетъ производить его отъ глагола «рѣзать» и сближать съ древнею монетою «рѣзань.» Безъ сомнѣнія оно принадлежитъ къ тѣмъ географическимъ названіямъ, которыя перешли къ Славянамъ отъ туземныхъ обитателей Финновъ, подобно именамъ Москвы, Оки, Мурома и др. Вѣроятнѣе всего сближеніе этого названія съ мѣстнымъ словомъ *ряса*, которое означаетъ топкое, нѣсколько болотистое мѣсто, обыкновенно заросшее мелкимъ кривымъ лѣсомъ, или кустарникомъ. [18] Въ связи съ этимъ корнемъ находятся имена нѣсколькихъ Рясъ (рѣки въ южной части Рязан. Губ.), города Ряжска и наконецъ Рязани. Правописаніе послѣдняго слова установилось нескоро; въ источникахъ оно читается Рязань, Резань и даже Рѣзань; родъ этаго слова также опредѣлился невдругъ; въ первый разъ оно встрѣчается въ муж. родѣ: «и иде къ Рязаню.» Слѣдовательно, въ этомъ словѣ прежде всего сказалась характеристическая черта мѣстной природы; а потомъ названіе страны перешло къ первому появившемуся сдѣсь городу. Когда же основанъ городъ? Въ этомъ случаѣ мы предлагаемъ слѣдующую догадку. Съ тѣхъ поръ какъ Муромъ, на основании поземельнаго раздѣла между сыновьями Ярослава I, вошелъ въ близкія отношенія къ Чернигову, у

---

[18] Чт. О. И. и. Д. 1846 г. III. Опыт. простонар. Словот. Макарова. Въ историч. Сборникѣ Погод. VI прим. 164. Рязань приводится въ числѣ географическихъ названій, прототипы которыхъ встрѣчаются у Дунайскихъ Славянъ.

Черниговскихъ князей естественно явилась потребность связать крайніе пункты своихъ обширныхъ владѣній, централизовать подчиненныя рязанскія племена и противупоставить укрѣпленные пункты напору кочевыхъ варваровъ. Именно около этого времени на юговосточные предѣлы надвигаютъ Половцы, которые потѣснили далѣе къ сѣверу разсѣянную Мещеру и раскинули свои вежи до самыхъ береговъ Прони. Основаніе города на Окѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она достигаетъ наибольшаго югозападнаго изгиба, и, принявъ Проню, поворачиваетъ на сѣверъ, безспорно удовлетворяло означеннымъ потребностямъ времени. Вѣроятно здѣсь существовали уже Финскія поселенія; потомъ пришли Русскіе колонисты, срубили обычный острогъ и начали собирать ясакъ съ туземцевъ. [19] Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если началю города отнесемъ къ шестидесятымъ годамъ XI столѣтія и основаніе его припишемъ дѣятельности Святослава Ярославича Черниговскаго. Съ тѣмъ же значеніемъ и еще нѣсколько ранѣе является въ исторіи Курскъ на западномъ краю Черниговскаго удѣла. (Жит. Св. Ѳеодосія).

---

[19] Совершенное молчаніе источниковъ о прежнемъ туземномъ населеніи по верхней и средней Окѣ подало поводъ думать, что его тутъ почти и небыло. Такъ Г. Ходаковскій говоритъ, что Муромскіе, Рязанскіе и Бѣльскіе лѣса кажется въ древнія времена небыли населены. Ист. Сбор. Погод. VII. 36. Мы незнаемъ, о какой древности говоритъ почтенный изслѣдователь; на Мурому указываетъ Несторъ; а что область средней Оки, нѣкогда сплошь покрытая лѣсомъ, была издавна обитаема Финнами, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; иначе откуда могъ взяться Финскій элементъ, очень замѣтный и въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ и особенно въ наружности Рязанскаго населенія.

Итакъ Олегъ удалился въ одно изъ наслѣдственныхъ владѣній своего рода въ Рязань. Но заранѣе можно было предвидѣть, что гордый и храбрый князь неостанется спокойно въ этой бѣдной волости, которую надобно было еще дѣлить съ своимъ младшимъ братомъ, и непотерпитъ дальнѣйшаго нарушенія своихъ правъ на сравнительно богатый Муромъ. Онъ и теперь не захотѣлъ выполнить даннаго слова ѣхать въ Кіевъ и положиться на правосудіе враждебныхъ князей; а по обыкновенію предпочелъ рѣшить дѣло оружіемъ. Въ томъ же 1096 г. Олегъ присоединилъ къ Рязанской дружинѣ воиновъ своего брата Давида и пошелъ на племянника. Когда вѣсть объ опасности дошла до Изяслава, онъ поспѣшилъ призвать на помощь дружины ближнихъ Переяславскихъ удѣловъ Суздаля, Ростова, Бѣлоозера и приготовился къ обборонѣ. «Ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ,» прислалъ сказать ему Олегъ: «а это вололость моего отца; когда сяду здѣсь, то хочу урядиться съ твоимъ отцомъ, который выгналъ меня изъ роднаго города; а ты неужели и здѣсь нехочешь дать мнѣ моего же хлѣба.» Юноша, надѣясь на многочисленную рать, нехотѣлъ уступить справедливому требованію дяди, и бодро вышелъ ему на встрѣчу. Самъ лѣтописецъ, вообщее неблагосклонный къ Олегу, въ этомъ случаѣ принимаетъ его сторону. «Олегъ же надѣяся на правду, яко правъ бѣ въ семъ Олегъ,» прибавляетъ онъ, — «и поиде къ граду съ вои». На полянѣ у воротъ Мурома 6 Сентября произошла упорная битва; Изяславъ палъ мертвый, и войско его обратилось въ бѣгство; одна часть разъсѣялась по лѣсу, а другая укрылась въ городѣ. Гражданамъ теперь не оставалась ничего болѣе, какъ съ покорностію принять прежняго князья. Тѣло Изяслава съ честію было похоронено въ монастырѣ. Св.

Спаса, а въ послѣдствіи перенесено отсюда въ Новгородъ. Олегъ неудовольствовался тѣмъ, что задержалъ молодую жену племянника, и приказалъ поковать Ростовцевъ, Суздальцевъ и Бѣлоозерцевъ, захваченныхъ въ Муромѣ; но далъ полную волю своей мести: онъ овладѣлъ землями Суздальскою и Ростовскою; посажалъ своихъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. [20] Это занятіе чужихъ волостей опять влекло за собою неизбѣжныя войны. Братъ убитаго Изяслава Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ, спѣшитъ вступиться за права своего рода, и присылаетъ къ Олегу съ словами: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ, въ чужой волости несиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ, но это не удивительно: въ войнахъ погибаютъ и цари и знатные мужи.» Олегъ въ свою очередь повторяетъ ошибку юноши Изяслава, и послѣ удачи показываетъ ту же заносчивость. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ не только отвѣчалъ отказомъ на справедливое требованіе племянника, но задумалъ овладѣть и Новгородомъ. Олегъ расположился съ войскомъ на полѣ у Ростова; а младшаго брата своего Ярослава выслалъ напередъ въ сторожахъ. Здѣсь въ первый разъ, въ лѣтописи, является дѣйствующимъ лицомъ этотъ родоначальникъ Рязанскихъ князей.

Ярославъ Святославичь; его характеръ и дѣятельность на Сѣверо-востокѣ.

Послѣ отца Ярославъ остался очень молодъ, такъ что первое время онъ вѣроятно жилъ у дяди Всеволода. Когда послѣдній въ 1078 г. сдѣлался Великимъ Княземъ и раздѣлилъ племянникамъ удѣлы, Ярославу досталась Рязань, самая незавидная изъ отцовскихъ земель. Мы незнаемъ, когда именно младшій Святославичь

[20] Лавр. 107. 108.

отправился въ свой удѣлъ, и какое участіе принималъ до 1096 г. въ непостоянной судьбѣ старшаго брата; покрайней мѣрѣ невстрѣчаемъ его до тѣхъ поръ, пока Олегъ неперенесъ свою безпокойную дѣятельность изъ южной Россіи въ сѣверовосточную. Присутствіе Ярослава въ Рязани прежде означеннаго года отчасти обнаруживается тѣмъ, что сынъ Мономаха изъ Курска ототправился прямо въ Муромъ, гдѣ находились посадники Олега, и на пути миновалъ Рязань вѣроятно потому, что она управлялась въ то время собственнымъ княземъ. Послѣдняя догадка получитъ еще большую степень вѣроятности, если возмемъ въ расчетъ другое современное обстоятельство. Безъ сомнѣнія одну изъ главныхъ заботъ Ярослава составляло построеніе городовъ въ своей малонаселенной волости. Дѣйствительно подъ 1095 г. мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе: «заложенъ былъ градъ Переяславль Рязанскій у церкви Св. Николы Стараго. [21] Судя по словамъ Герберштейна, древняя крѣпость, около которой въ послѣдствіи образовался городъ Переяславль, первоначально называлась Ярославомъ или Ярославлемъ, т. е. по имени своего основателя. [22] Можетъ быть около того же времени получилъ свое начало и городъ Пронскъ. Вмѣстѣ съ Рязанскою дружиною конечно Ярославъ послѣдовалъ за Олегомъ въ его походѣ къ Мурому и принялъ непосредственное участіе въ борьбѣ съ дѣтьми Мономаха. Но роль его пока была второстепенная; очевидно онъ находится въ полномъ повиновеніи у старшаго брата, и лѣтописецъ до времени несчитаетъ нужнымъ говорить о его присутствіи въ полкахъ Олега.

---

[21] Рязан. Дост. изъ особ. записки.

[22] Rer. Mosc. auct. 48.

Посовѣтовавшись съ Новогородцами, Мстиславъ послалъ въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который схватилъ Олеговыхъ сборщиковъ податей. Услыхавъ о томъ, Ярославъ, стоявшій тогда на Медвѣдицѣ, въ ту же ночь бѣжалъ къ Олегу. Послѣдній отступилъ сначала къ Ростову, потомъ къ Суздалю; но преслѣдуемый Мстиславомъ, онъ велѣлъ зажечь Суздаль и удалился въ Муромъ. Изгнавъ непріятелей изъ своихъ родовыхъ волостей, скромный Мстиславъ не желаетъ продолжать безполезную войну съ крестнымъ отцемъ и опять предлагаетъ ему помириться: «Я моложе тебя,» говоритъ онъ Олегу; «пересылайся съ моимъ отцомъ и возврати захваченную дружину: а я во всемъ тебя послушаю.» [23] Къ тому же времени вѣроятно относится извѣстное письмо Владиміра Мономаха къ Олегу. [24] Несмотря на печаль о потерѣ сына, Владиміръ однако соглашается на кроткія убѣжденія Мстислава: первый обращается къ своему врагу съ словами примиренія и въ трогательномъ посланіи къ нему изливаетъ чувства отца и христіанина. Олегъ, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ племянникомъ, изъявилъ готовность къ миру Молодой князь, оставшись въ Суздалѣ, довѣрчиво распустилъ своихъ ратниковъ по селамъ, и даже не выставилъ въ полѣ обычныхъ сторожей. Настала первая недѣля великаго поста. Мстиславъ сидѣлъ за обѣдомъ

---

[23] Лавр. 108.

[24] Въ этомъ случаѣ мы держимся мнѣнія Карамзина (II. пр. 177) и думаемъ, что оно немогло быть написано послѣ изгнанія Олега изъ Мурома, какъ показываютъ слова: «и ты сѣдиши въ своемъ удѣлѣ» далѣе см. то мѣсто, гдѣ Мономахъ проситъ Олега отпустить его сноху, т. е. жену покойнаго Изяслава.

какъ вдругъ пришла вѣсть, что Олегъ уже появился на Клязьмѣ. Послѣдній однако напрасно расчитывалъ на то, что племянникъ, застигнутый въ расплохъ, поспѣшитъ удалиться изъ Суздаля. Въ два дня Мстиславъ успѣлъ опять собрать сильную дружину изъ Новогородцевъ, Ростовцевъ и Бѣлозерцевъ. Онъ нехотѣлъ оставаться подъ защитою укрѣпленій; а вышелъ въ поле и приготовился къ битвѣ. Олегъ почему-то промедлилъ еще четыре дня, и далъ время подоспѣть младшему брату Мстислава Вячеславу, котораго Мономахъ послалъ съ Половцами на помощь къ сыну. Только на пятый день Святославичи двинулись впередъ и на берегахъ Колакши вступили въ битву съ дѣтьми Мономаха. Дѣло кончилось въ пользу послѣднихъ. Разбитый Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата; а самъ пошелъ къ Рязани, вѣроятно для того, чтобы собирать новое войско. Но дѣятельный противникъ на этотъ разъ рѣшился неоставлять своего преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока непринудитъ неугомоннаго дядю къ окончательному миру: поэтому онъ неостанавливается долго передъ Муромомъ, довольствуется выдачею Изяславовой дружины и по Окѣ спѣшитъ за Олегомъ. Послѣдній, не дожидаясь его, убѣгаетъ изъ Рязани. Мстиславъ и здѣсь заключаетъ миръ съ гражданами, освобождаетъ изъ плѣна своихъ людей, и въ третій разъ посылаетъ къ дядѣ съ мирными предложеніями. «Не бѣгай,» говоритъ онъ Олегу; «и пошли лучше къ братьямъ съ просьбою; они нелишатъ тебя Русской земли; я также попрошу за тебя своего отца.» Олегъ наконецъ далъ обѣщаніе послѣдовать его совѣту, и Мстиславъ воротился въ Суздаль. [25]

---

[25] Лавр. 109.

Въ словахъ Мстислава для насъ особенно замѣчательно выраженіе: «они нелишатъ тебя Русской земли.» Слѣдовательно, всѣ усилія Олега: занятіе чужихъ волостей, измѣны, битвы—все до сихъ поръ направлено было къ тому, чтобы силою воротить отцовскія волости въ Приднѣпровьѣ, которое, какъ извѣстно, въ то время по преимуществу называлось Русскою землею. Но оружіе измѣнило Олегу; по неволѣ пришлось положиться на великодушіе своихъ враговъ. Любецкій сеймъ 1097 г. положилъ конецъ борьбѣ за Черниговскую волость. Святославичамъ были возвращены почти всѣ отцовскія земли, т. е. Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Вятичи, Муромъ и Рязань. Давидъ занялъ Черниговское княжество, [26]. Олегъ Сѣверское, а Ярославъ Муромо-Рязанское. Съ того времени согласіе между Мономахомъ и Святославичами непрекращалось до самой его смерти. Они вмѣстѣ наказываютъ Давида Игоревича за вѣроломное ослѣпленіе Василька, и еще разъ скрѣпляютъ свой союзъ на Витичевскомъ съѣздѣ. Но въ знаменитыхъ походахъ на Половцевъ принимаетъ участіе только Давидъ Святославичь; Олегъ по прежнему уклоняется отъ встрѣчи съ старыми союзниками; а Ярославъ почти совсѣмъ остается чуждъ событіямъ южной Россіи; мы не встрѣчаемъ его ни на съѣздахъ, ни въ походахъ. Только разъ, подъ 1101 г., онъ появляется вмѣстѣ съ братьями на рѣкѣ Золотчѣ, чтобы итти съ ними на Половцевъ. Походъ однако не состоялся, и у Сакова былъ заключенъ миръ. Нераньѣ 1123 г. потомъ мы находимъ

---

[26] Въ Ипат. лѣт. стр. 3 подъ 1112 г. сказано: «поставиша Θеогноста епископомъ Чернигову, и радъ бѣ князь Давыдъ и княгини.»

его въ Приднѣпровьѣ. Посмотримъ между тѣмъ, какова была его дѣятельность на сѣверѣ.

Первое знакомство съ младшимъ Святославичемъ даетъ намъ несовсѣмъ выгодное понятіе о его личности. Ярославъ въ повиновеніи у своего брата и подлѣ него необнаруживаетъ никакихъ признаковъ собственной воли; на полѣ битвы онъ является несчастнымъ вождемъ, и первый обращается въ бѣгство, услыхавъ о приближеніи передоваго непріятельскаго отряда. Наконецъ до 1097 г. онъ какъ будто неимѣетъ собственнаго удѣла, потому что Олегъ распоряжается въ Муромѣ и въ Рязани какъ полный хозяинъ. Но было бы слишкомъ поспѣшно заключать о его ничтожности съ перваго поверхностнаго взгляда. Дѣятельность Ярослава дѣйствительно обнаруживаетъ въ немъ присутствіе кроткаго, невоинственнаго характера. Какъ младшій братъ онъ, по духу того времени, почитаетъ Олега вмѣсто отца; но впрочемъ подчиняется ему именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ общихъ интересахъ, т. е. о возвращеніи отцовскаго удѣла на югѣ; въ случаѣ успѣха за Ярославомъ оставались всѣ Муроморязанскія волости, а по смерти братьевъ онъ конечно надѣялся перейти въ Черниговъ. Но если Ярославъ не обнаружилъ личной отваги и стремленія къ военнымъ подвигамъ-тѣхъ качествъ, которыя составляли принадлежность современныхъ ему князей; за то онъ имѣетъ право на сочувствіе историка по своему участію въ успѣхахъ Русской цивилизаціи на сѣверовосточномъ краю Россіи. Мы уже говорили о томъ, что онъ не былъ чуждъ строительной дѣятельности, и вѣроятно ему обязаны своимъ началомъ нѣкоторые древніе города Рязанскаго княжества, какъ напримѣръ: Переяславль и Пронскъ. Еще болѣе великая заслуга Ярослава, отли-

чавшагося глубокимъ благочестіемъ, заключается въ его усиліяхъ утвердить христіанскую религію между подвластными племенами.

Успѣхи христіанства.

Въ земляхъ Мещеры на средней Окѣ христіанство безъ сомнѣнія появилось вмѣстѣ съ первыми городами: на тѣсную связь этихъ двухъ началъ указываетъ извѣстіе о первоначальномъ основаніи Переяславля Рязанскаго, который былъ заложенъ у церкви Св. Николы Стараго. Мы неимѣемъ ни какихъ свѣдѣній объ успѣхахъ проповѣди въ собственно Рязанской области; можно однако съ достовѣрностію предположить, что христіанство за стѣнами городовъ распространялось здѣсь очень медленно, хотя ничего не слышно объ упорномъ сопротивленіи со стороны туземцевъ. Не такъ тихо утвердилась новая религія въ странѣ Муромской. Крещеніе Муромы, начатое Св. Глѣбомъ, послѣ него почти прекратилось на нѣкоторое время. Язычники, пользуясь смутною эпохою междоусобій и отдаленностію отъ главныхъ центровъ русской жизни, начали сильно тѣснить малочисленную христіанскую общину; но немогли однако ее уничтожить (церковь св. Спаса въ Муромѣ 1096 г.) Вмѣстѣ съ язычествомъ,—которое у Муромцевъ стояло на нѣкоторой степени развитія и вѣроятно имѣло особый классъ жрецовъ кудесниковъ, — противъ русскаго вліянія соединился магометанскій элементъ, занесенный сюда Болгарами; послѣдніе не только имѣли постоянныя торговыя сношенія съ Поволжскими и Поокскими племенами; но даже нѣсколько времени господствовали въ Муромѣ [27]. Между тѣмъ какъ Болгары

[27] На магометанскій элементъ въ Муромѣ указываетъ Жит. Благовѣр. Кн. Конст.

поддерживали масульманъ, язычники находили опору въ сосѣдней Мордвѣ.

Получивъ въ свое распоряженіе все Муромо-Рязанское княжество, Ярославъ рѣшился вступить въ борьбу со всѣми элементами, враждебными христіанству. Когда его сыновья Михаилъ и Өедоръ прибыли въ Муромъ, какъ намѣстника отца, языческая партія встрѣтила ихъ явнымъ возстаніемъ, и одинъ изъ княжичей, Михаилъ, былъ убитъ. Тогда Ярославу пришлось вооруженною рукою брать непокорный городъ. Но онъ по характеру своему нелюбилъ крутыхъ мѣръ, а старался дѣйствовать на народъ путемъ кроткихъ увѣщаній, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгалъ къ угрозамъ. Преданіе расказываетъ, что въ самомъ городѣ возобновилась попытка къ мятежу и сдѣлано было покушеніе на жизнь князя; но что онъ укротилъ язычниковъ однимъ появленіемъ своимъ передъ ними съ иконою Богоматери. Борьба окончилась побѣдою христіанства, и, по словамъ преданія, даже совершилось торжественное крещеніе Муромскихъ язычниковъ на рѣкѣ Окѣ, подобно крещенію Кіевлянъ при Св. Владимірѣ. [28] Мы думаемъ, что по-

---

[28] Весь этотъ расказъ объ обращеніи Муромы въ христіанство взятъ изъ житія Благовѣрнаго князя Константина и чадъ его, написаннаго во время Іоанна Грознаго. Касательно тождества Ярослава Святославича и благовѣр. кн. Константина мы не имѣемъ причинъ отрицать доказательства, приведенныя въ Исторіи Русской церкви Е. Р. Ф. 1848 г. I. ст. 35. примѣч. 56 а именно: годъ событія, означенный въ прологѣ надобно читать не 6700 а 6600, «иначе а) вовсе невѣроятно, чтобы въ 1192 г. было въ Муромѣ грубое язычество, послѣ того какъ видимъ тамъ цѣлый рядъ князей Черниговo-Муромскихъ. б) По лѣтописямъ извѣстно, что въ

ходъ Ярослава на Мордву 1103 года произошелъ въ связи съ этою религіозною борьбою. Закоренѣлые язычники повидимому оставили Муромъ, и съ толпами Мордвы открыли нападеніе на Русскія волости. 4 Марта Ярославъ далъ битву дикарямъ. [29] Но уже замѣчено было, что онъ неимѣлъ удачи въ военныхъ предпріятіяхъ и неотличался талантами вождя; князь потерпѣлъ пораженіе. Вѣроятно были и другія столкновенія съ ними, но лѣтопись запомнила только самую значительную битву.

Почти въ одно время съ торжествомъ христіанства въ

1095 г. былъ въ Муромѣ Спасскій монастырь. в) По жизнеописанію кн. Константинъ выставляется недалекимъ отъ времени Св. Глѣба; жизнеописатель недѣлаетъ и намека на другихъ князей Муромскихъ. г.) По жизнеописанію предъ прибытіемъ Константина въ Муромъ здѣсь имѣли силу Мордва и Болгары-мусульмане. Но къ началу XIII в. невремя было такому порядку дѣлъ. Между тѣмъ извѣстно, что Ярославъ Святославичь воевалъ въ 1104 году съ Муромскою Мордвою, а въ 1107 г. Болгары воевали въ Суздальской области. д) Константинъ Святославичь Муромскій XIII вѣка вовсе неизвѣстенъ въ исторіи, и даже нѣтъ мѣста въ хронологіи его княженію. А личныя обстоятельства Ярослава Святославича ни въ чемъ неразнорѣчатъ съ житіемъ Константина... Митрополитъ Никифоръ (1104 —1124) писалъ къ Ярославу князю Муромскому посланіе противъ Латинянъ (Москвит. 1844 г. Ноябрь стр. 129. Ж. М. Н. Пр. 1834 г. часть I стр. 154.) У игум. Даніила въ его «хожденіи» записанъ князь Ярославъ-Панкратій: но имя Константина Ярославъ могъ принять въ монашествѣ, если только имя Панкратія не ошибка писца.»

[29] Лавр. 119. Ник. 1. 37.

Муромской земле побеждено было язычество у Вятичей. Успехи христіанской проповеди въ этой части Россіи замедлились особенно потому, что власть Русскихъ князей до самаго XII в. ограничивалась здесь только некоторыми укрепленными пунктами; а масса населенія находилась въ слабой зависимости отъ потомковъ Рюрика, управляясь собственными князьями или старшинами, которые невсегда признавали надъ собою господство Русскихъ князей. Такъ напримеръ, Мономахъ долженъ былъ предпринимать походы для ихъ усмиренія: «въ Вятичи ходихомъ по две зиме, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму,» говоритъ онъ въ своемъ поученіи (Лавр. 103); а несколько выше сказано: «первое къ Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отецъ» Слова «сквозе Вятиче.» намекаютъ на то, что подобный путь былъ несовсемъ легокъ и безопасенъ. Въ первой трети XII в. [30] св. Кукша съ ученикомъ своимъ Никономъ, оставивъ Кіевопечерскую обитель, проповедывалъ слово Божіе въ стране дикихъ Вятичей, крестилъ много народу, и смертію мученика запечатлелъ здесь торжество новой религіи. Христіанство въ свою очередь помогало распространенію княжеской власти въ Славянскихъ и Финскихъ земляхъ: такъ въ половине XII века Вятичи уже спокойно повинуются наместникамъ Черниговскихъ князей. Съ техъ поръ христіанская проповедь могла свободно проникать въ Рязанскую область съ югозападной и северовосточной стороны.

18 Марта 1115 года скончался знаменитый Олегъ Гориславичь, а въ 1123 г. умеръ въ Чернигове и старшій братъ его кроткій Давидъ. Изъ сыновей Святосла-

---

[30] См. Ист. Рус. Церк. Р. Ф. I. 33.

ва въ живыхъ оставался только Ярославъ, который имѣлъ теперь неоспоримое право на первый столъ въ удѣлѣ своего отца. Дѣйствительно, онъ тотчасъ переходитъ на югъ и садится въ Черниговѣ. Пока былъ живъ Мономахъ, Ярославъ спокойно пользовался своими правами. Спустя два года по кончинѣ Владиміра, онъ остался старшимъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей; но Кіевскій столъ пожеланію гражданъ занимаетъ его племянникъ Мстиславъ Владиміровичь, и Ярославъ необнаруживаетъ никакой попытки присвоить себѣ фактическое старшинство. Онъ совершенно доволенъ своимъ Черниговскимъ удѣломъ, ничего не ищетъ кромѣ спокойствія, и беретъ съ Мстислава только клятву поддерживать его въ Черниговѣ. Если существовала подобная клятва, стало быть существовали и причины, по которымъ ее требовали. Вѣроятно кто нибудь изъ родныхъ племянниковъ Ярослава, Давидовичей или Ольговичей, показывалъ неуваженіе къ правамъ дяди, который по своему личному характеру немогъ пріобрѣсти вліянія на младшихъ князей. Опасенія Ярослава вскорѣ оправдались. Въ 1127 г. Всеволодъ Ольговичь нечаянно напалъ на Черниговъ, захватилъ дядю въ свои руки, а дружину его перебилъ и ограбилъ. Такая удача Всеволода объясняется сочувствіемъ къ нему Черниговскихъ гражданъ, которые, можетъ быть, тяготились княженіемъ невоинственнаго Ярослава. Великій князь изъявилъ намѣреніе наказать Всеволода и возвратить удѣлъ своему дядѣ; поэтому онъ вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Всеволодъ поспѣшилъ отпустить Ярослава въ Муромъ и призвать на помощь Половцевъ. Послѣдніе дѣйствительно пришли въ числѣ 7000 человѣкъ; но отъ рѣки Выря воротились назадъ. Ольговичь прибѣгнулъ къ переговорамъ,

началъ упрашивать Мстислава, подкупалъ его совѣтниковъ и такимъ образомъ протянулъ время до зимы. Когда пришелъ изъ Мурома Ярославъ и сталъ говорить Кіевскому Князю: «ты цѣловалъ мнѣ крестъ; ступай на Всеволода,» Мстиславъ находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны обязанность наблюдать справедливость между младшими родичами и крестное цѣлованіе побуждали его вступиться за дядю; съ другой виновный Всеволодъ приходился ему зятемъ, потому что былъ женатъ на его дочери. За послѣдняго стояли лучшіе Кіевскіе бояре; въ пользу его подалъ голосъ Андреевскій игуменъ Григорій, который пользовался расположеніемъ еще Владиміра Мономаха и былъ почитаемъ всѣмъ народомъ. Великій Князь въ раздумьѣ обратился къ собору священниковъ, такъ какъ послѣ смерти митрополита Никиты мѣсто его оставалось тогда не занятымъ. Нетрудно было предвидѣть рѣшеніе собора, потому что большая часть голосовъ уже заранѣе принадлежала Всеволоду. Къ тому же наше древнее духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязанностей отвращать князей отъ междоусобій и пролитія крови. Такъ оно поступило и теперь: соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Мстиславъ послушался; но дорого стоила ему впослѣдствіи эта несправедливость, «и плакася того вся дни живота своего,» говоритъ о немъ лѣтописецъ. [31] Ярославъ оставилъ всякую попытку поддерживать свои права, съ грустію воротился въ Муромъ, и прожилъ тамъ еще два года. Онъ скончался въ 1129 г.

Между тѣмъ какъ дѣятельность Ярослава главнымъ образомъ сосредоточивалась около Мурома и Чернигова,

[31] Лавр. 130. Ипат. 10. Ник. II. 60.

для насъ замѣчательна та роль, которую приняла на себя въ то время Рязань. Съ тѣхъ поръ, какъ Тмутракань, отрѣзанная Половцами отъ южной Россіи, исчезаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, ея значеніе отчасти перешло къ Рязани, которая также лежала на Русской украйнѣ: младшіе безъудѣльные князья, обиженные старшими, такъ называемые изгои—находятъ здѣсь для себя убѣжище. Подъ 1114 годомъ есть извѣстіе о кончинѣ двухъ такихъ князей въ Рязани: одинъ изъ нихъ былъ Романъ Всеславичь Полоцкій, неизвѣстно какимъ образомъ сюда попавшій; другой Мстиславъ, внукъ Игоря Ярославича и племянникъ извѣстнаго Давида Игоревича; послѣдній являлся вѣрнымъ помощникомъ своего дяди, участвовалъ въ Половецкихъ походахъ, а потомъ грабилъ суда на какомъ то морѣ. Въ Рязани же скончался въ одинъ годъ съ Ярославомъ Михаилъ Вячеславичь, внукъ Мономаха. [32] Кромѣ того есть извѣстіе, что Ярославъ Святославичь, изгнанный въ 1127 г. изъ Чернигова, на пути въ Муромъ оставилъ въ Рязани какого-то Святополка; [33] но потомъ о Святополкѣ болѣе неупоминается. По смерти Ярослава Святославича всѣ Муромо-Рязанскія земли достаются его сыновьямъ Юрію, Святославу и Ростиславу.

Съ Ярославомъ оканчивается тѣсная связь между княжествами Черниговo-Сѣверскимъ и Муромо-Рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на югъ; онъ дѣлаетъ

---

[32] Ник. II. 44. 64. Карам. II прим. 256.

[33] Татищ. называетъ его братомъ Ярослава (II. 233.) Карам. (II прим. 247.) отвергаетъ это извѣстіе, дѣйствительно невѣроятное, потому что ни прежде, ни послѣ невидно, чтобы Ярославъ имѣлъ брата Святополка; достовѣрнѣе, что это былъ одинъ изъ его племянниковъ.

усилiе, чтобы утвердиться въ Приднѣпровьѣ; но сыновья его уже невозобновляютъ никакихъ притязанiй на старшинство въ родѣ Святославичей и недумаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для того, чтобы отыскивать невѣрныя земли на югѣ. Съ того времени среднее теченiе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы удѣловъ. и начинаетъ жить своею собственною жизнiю, подобно княжеству Полоцкому и Галицкому.

ГЛАВА II.

1129—1237.

Сыновья Ярослава. Начало борьбы съ Суздалемъ. Ростиславъ Ярославичь два раза изгнанъ изъ Рязани. Набѣги Половцевъ. Построеніе новыхъ городовъ. Глѣбъ Ростиславичь. Отношенія къ Андрею Боголюбскому. Участіе Глѣба въ событіяхъ Суздальскаго княжества по смерти Боголюбскаго. Примиреніе съ Михаиломъ Юрьевичемъ. Война со Всеволодомъ III. Пораженіе на Колакшѣ. Плѣнъ и кончина Глѣба. Зависимость Рязани отъ Владимірскаго Князя. Первое междоусобіе Глѣбовичей. Вмѣшательство Всеволода III и Черниговцевъ. Муромскіе князья. Походъ на Камскихъ Болгаръ. Вторая усобица и война со Всеволодомъ. Отдѣленіе Рязанской епископіи отъ Черниговской. Третья война со Всеволодомъ. Осада Пронска. Плѣнъ Рязанскихъ князей и освобожденіе. Второе поколѣніе Глѣбовичей. Братоубійство. *

* Имѣя въ виду собрать всѣ лѣтописныя извѣстія о Рязанскомъ Княжествѣ, мы посвящаемъ эту главу преимущественно описанію многочисленныхъ, хотя и невсегда интересныхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; незабудемъ что эти лѣтописныя извѣстія о войнахъ служатъ намъ почти единственнымъ источникомъ для исторіи Рязани до самаго XIV вѣка.

Сыновья Ярослава размѣстились на отцовской землѣ такимъ образомъ: Юрій сѣлъ въ Муромѣ, а Святославъ и Ростиславъ въ Рязани.[34] Здѣсь подъ словомъ Рязань надобно разумѣть названіе цѣлой области, въ которой кромѣ собственной Рязани были въ то время и другіе города; такъ, два года спустя послѣ смерти Ярослава, читаемъ слѣдующее извѣстіе: «Того же лѣта (1131) князи Рязанстіи и *Пронстіи* и Муромстіи много Половець побиша.» Слѣдовательно, Пронскъ уже существовалъ и имѣлъ своихъ князей. Нельзя необратить вниманія на множественное число, употребленное при этомъ случаѣ; оно показываетъ, что Ярославъ оставилъ довольно многочисленное семейство; что при трехъ упомянутыхъ братьяхъ надобно подразумѣвать ихъ сыновей и племянниковъ. Далѣе изъ того же общаго предпріятія мы заключаемъ, что эти князья въ то время жили въ согласіи между собою и дружно дѣйствовали противъ внѣшнихъ непріятелей. Борьба съ степными варварами на Рязанской украйнѣ продолжалась непрерывно до позднѣйшихъ временъ; лѣтопись по обыкновенію упоминаетъ только о столкновеніяхъ наиболѣе значительныхъ. Такъ въ 1136 г., во время набѣга на Рязанскую землю, былъ убитъ Печенѣжскій богатырь Темирхозя.[35] Печенѣги, какъ видно, далеко небыли истреблены въ половинѣ XI ст.; разсѣянные остатки ихъ перемѣшались съ Половцами и долго еще грабили сосѣднія земли. Въ 1143 г. скончался Юрій Ярославичь Муромскій, неоставивъ дѣтей. Старшій столъ перешелъ къ слѣдующему брату Святославу, который до того времени сидѣлъ въ Рязани. На его мѣсто пересаживается младшій

Сыновья Ярослава. Ростиславъ Ярославичь 1129—1153 г.

---

[34] Воскр. Лѣт. 242. (По нов. изд.).
[35] Ник. II. 65, 136.

братъ Ростиславъ (вѣроятно изъ Пронска). Спустя два года Святославъ скончался въ Муромѣ, и Ростиславъ, надобно полагать, опять занялъ или хотѣлъ занять, его мѣсто, а въ Рязани посадилъ своего меньшаго сына Глѣба. [36] Но у Святослава былъ сынъ Владиміръ; онъ или совсѣмъ неполучилъ волости отъ дяди, или хотѣлъ наслѣдовать отцовскій удѣлъ. Какъ бы то нибыло миръ и согласіе недолго существовали въ семьѣ Муромо-Рязанскихъ Ярославичей, и въ этомъ углу Россіи открывается борьба между дядею и племянникомъ. Послѣдній находитъ помощь и покровительство у двухъ сосѣднихъ съ Рязанью князей Святослава Ольговича Сѣверскаго и Юрія Владиміровича Суздальскаго. Можетъ быть, это то обстоятельство и послужило поводомъ къ первому столкновенію между княжествами Суздальскимъ и Рязанскимъ. Впрочемъ такое столкновеніе кромѣ личныхъ отношеній было неизбѣжно и по другимъ причинамъ. Около половины XII вѣка на сѣверовостокѣ, между Волгою и Клязьмою, усиливается Суздальское княжество, благодаря своему выгодному положенію и умной дѣятельности Юрія Долгорукаго на поприщѣ славянской колонизаціи; сюда, на свѣжую дѣвственную почву, начинаютъ отливать съ югозапада жизненные соки древней Россіи. Сосѣднія волости вскорѣ немогли, хотя инстинктивно, непочувствовать опасенія за свою самостоятельность, и каждая по мѣрѣ своихъ силъ готовится противодѣйствовать слишкомъ быстро возраставшему могуществу сосѣда.

Начало борьбы съ Суздалемъ. 1146 г.

Извѣстно, что въ 1146 г. занятіе Кіевскаго стола Изяславомъ Мстиславичемъ и несчастная судьба Игоря Ольговича повлекли за собою цѣлый рядъ междоусобныхъ

---

[36] Ипат. 21.

войнъ, которыя отозвались почти во всѣхъ Русскихъ княжествахъ. Святославъ Ольговичь Сѣверскій пригласилъ Давидовичей соединиться съ нимъ для освобожденія изъ плѣна злополучнаго Игоря. Но Давидовичи болѣе заботились объ удержаніи за собою Черниговскихъ волостей, нежели объ участи двоюроднаго брата; поэтому они вступили въ союзъ съ Мстиславичами противъ Ольговичей. Святославъ обратился тогда къ Юрію Суздальскому, и за освобожденіе Игоря предложилъ ему помощь, если онъ захочетъ добывать себѣ Кіева, которымъ Изяславъ не по праву завладѣлъ мимо своихъ дядей. Юрій, разумѣется, былъ радъ случаю вмѣшаться въ дѣла Южной Руси и овладѣть завѣтнымъ Кіевскимъ столомъ. Пока Долгорукій готовился лично предпринять походъ на югъ, въ станѣ Сѣверскаго князя явился племянникъ Ростислава Рязанскаго Владиміръ Святославичь. Въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ онъ принимаетъ участіе, какъ усердный союзникъ Святослава и Юрія, очевидно стараясь пріобрѣсть ихъ расположеніе и покровительство, и его нельзя сравнивать съ извѣстнымъ Галицкимъ изгнанникомъ Иваномъ Берладникомъ, который сначала служитъ Ольговичамъ, а потомъ оставляетъ ихъ и переходитъ къ Мстиславичамъ.

Между тѣмъ и дѣятельный Кіевскій Князь съ своей стороны приготовилъ всѣ средства для успѣшной борьбы съ Юріемъ и его союзниками. Кромѣ собственной дружины Изяславъ могъ располагать силами своего брата Ростислава Смоленскаго, Черниговскихъ Давыдовичей и Новгородцевъ; мало того, къ нему же примкнули и Рязанцы. Общіе враги соединили интересы князей и привели къ союзу Мстиславичей съ Ростиславомъ Рязанскимъ. Когда Долгорукій двинулся на помощь къ Святославу, осажденному въ Новгородѣ Сѣверскомъ,

Изяславъ, въ надеждѣ отвлечь Юрія, послалъ степью гонца въ Рязань съ просьбою, чтобы Ростиславъ напалъ на Суздальскую землю. Ростиславъ поспѣшилъ исполнить его желаніе, и дѣйствительно, Юрій, получивъ о томъ извѣстіе отправилъ на югъ только сына Ивана, а самъ отъ Козельска повернулъ назадъ. Рязанской князь дорого поплатися за свое смѣлое нападеніе; борьба съ Суздальцами пришлась ему не по силамъ. Онъ нетолько долженъ былъ спасаться отступленіемъ; но немогъ держаться въ самой Рязани противъ Юрьевичей Ростислава и Андрея, и принужденъ былъ бѣжать къ одному изъ сосѣднихъ Половецкихъ хановъ Ельтуку. [37] Такъ неудачно было начало долговременной вражды Рязанскихъ князей съ родомъ Долгорукаго. Изгнавъ Ростислава изъ его волости, Юрій безъ сомнѣнія воспользовался случаемъ наградить Владиміра Святославича за его вѣрную службу и посадилъ его въ Муромѣ. Въ 1147 г. Владиміръ былъ въ числѣ гостей Юрія, когда послѣдній угощалъ союзника своего Святослава Ольговича въ знаменитомъ помѣстьѣ боярина Кучка. На Рязанскомъ столѣ около того времени является Давидъ Святославичь. [38].

Ростиславъ Ярославичь два раза изгнанъ изъ Рязани.

---

[37] Ипат. 26, 29.

[38] Ник. лѣт. подъ 1147 г. упоминаетъ о двухъ довольно загадочныхъ Рязанскихъ князьяхъ. «Того же лѣта преставился князь Давыдъ Святославичь въ Рязани, и сяде по немъ братъ его Игорь Святославичь на великомъ княженіи въ Рязани.» 11. 95. И потомъ подъ 1149 г. «приде изъ Рязани въ Кіевъ къ великому князю Юрью Владиміричю князь Игорь Давыдовичь.» стр. 115. Карамзинъ (11. прим. 300) отвергаетъ первое извѣстіе и говоритъ, что такихъ князей небывало. Мы неможемъ голословно повторить такое рѣшеніе

Между тѣмъ Давидовичи Черниговскіе измѣняютъ Изяславу и намѣрены обманомъ захватить его на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Кіевлянинъ Улѣбъ спѣшитъ къ Великому Князю съ вѣстію, что противъ него соединились всѣ Черниговскіе князья, и Рязанскіе, и Суздальскіе; хотятъ его убить. О какихъ Рязанскихъ князьяхъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ? Вѣроятно это были: во первыхъ Владиміръ Святославичь Муромскій (въ лѣтописи неразъ подъ именемъ Рязанскихъ князей упоминаются собственно Муромскіе); во вторыхъ Игорь Давидовичь, который сѣлъ въ Рязани послѣ Давида Святославича. Наконецъ мы имѣемъ прямое извѣстіе, что даже одинъ изъ сыновей Ростислава Ярославича Андрей изъ Ельца прибылъ въ Черниговъ и соединился съ Давидовичами. [39] Узнавъ объ измѣнѣ Давидовичей, Изяславъ посылаетъ сказать брату Ростиславу: «ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть удерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ (ротникамъ) своимъ пошли въ Рязань и всюду.» [40] Слѣ-

Очень можетъ быть, что Давидъ Святославичь былъ братъ Владиміра, другой племянникъ Ростислава, занявшій мѣсто послѣдняго послѣ его изгнанія; а по смерти Давида Рязанскій столъ перешелъ къ его брату или сыну Игорю (смотря потому, что вѣрнѣе Святославичь или Давидовичь). Пришествіе Игоря въ Кіевъ къ Юрію Долгорукому совпадаетъ со временемъ появленія Ростислава въ Рязани. Вообще, эпизодъ о князьяхъ Давидѣ и Игорѣ довольно правдоподобно наполняетъ промежутокъ въ исторіи Рязанскаго княжества между изгнаніемъ Ростислава и его возвращеніемъ.

[39] Ник. 11. 97.

[40] Ипат. 32.

дѣйствительно Рязанскіе князья въ этой прѣ раздѣлились между двумя сторонами, также какъ Мономаховичи. Нѣтъ сомнѣнія, что Изяславъ главнымъ образомъ говоритъ о Ростиславѣ Ярославичѣ. Но послѣдній на этотъ разъ ничего не сдѣлалъ въ пользу Кіевскаго князя, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Покрайней мѣрѣ въ слѣдующемъ 1148 г. Рязанскія дружины являются на театрѣ войны только въ лагерѣ Ольговичей и Давыдовичей.

Не ранѣе 1149 г.[41] удалось Ростиславу воротить свою наслѣдственную волость, конечно при помощи союзныхъ Половцевъ. Обстоятельства въ это время ему благопріятствовали. Хотя Долгорукій и овладѣлъ Кіевомъ; но все вниманіе его и всѣ силы были заняты борьбою съ племянникомъ, такъ что онъ не могъ оказать дѣятельной помощи своимъ отдаленнымъ союзникамъ. Пока Суздальскій князь и его сыновья оставались на югѣ, Ростиславъ могъ не только спокойно княжить въ Рязанскомъ удѣлѣ, но и удержать въ повиновеніи своихъ младшихъ родичей, какъ можно заключить изъ слѣдующаго извѣстія. Когда Юрій, лишившись Кіева, въ 1151 г, изъ Остерскаго городка началъ собирать силы, чтобы снова идти на племянника, и посылалъ за помощью въ Рязань, то «небѣ ему отуду ничтоже,» говоритъ лѣтописецъ.[42] Обстоятельства перемѣнились, когда Суздальскій князь воротился на Сѣверъ. Уступая необходимости, Ростиславъ долженъ былъ измѣнить прежнимъ союзникамъ и признать себя подручникомъ Юрія. Въ 1152 г., услыхавъ о разореніи своего

---

[41] Въ этомъ году пришелъ въ Кіевъ изъ Рязани Игорь Давыдовичъ.

[42] Ник. II. 123.

Городка, Долгорукій послалъ за помощью къ Рязанскимъ князьямъ; Ростиславъ Ярославичь явился на его призывъ съ полками Муромскими и Рязанскими[43]. Походъ, какъ извѣстно, кончился неудачною осадою Чернигова, и незамѣтно вообще, что бы Рязанцы отличились тогда усердіемъ къ дѣлу Суздальскаго князя. Что это временное подчиненіе было вынуждено обстоятельствами, доказываетъ дальнѣйшее поведеніе Ростислава. Спустя два года, Юрій предпринялъ свой послѣдній походъ на племянника. Сильный конскій падежъ заставилъ его воротиться отъ Козельска. Вслѣдъ за тѣмъ произошло враждебное столкновеніе съ Рязанскимъ княземъ. Ясно, что Ростиславъ нехотѣлъ помириться съ ролью подручника и отказался участвовать въ походѣ Суздальцевъ; а можетъ быть, какъ и въ 1146 г., онъ произвелъ диженіе въ пользу Мстиславичей. Какъ бы то ни было, новая борьба съ сосѣдомъ опять кончилась изгнаніемъ Ростислава изъ Рязани, которую Долгорукій теперь отдалъ своему знаменитому сыну Андрею. Но Рязанскій князь гораздо болѣе походилъ на своего дядю Олега, нежели на отца Ярослава. Онъ ни въ какомъ случаѣ недумалъ отказаться отъ своихъ правъ, тѣмъ болѣе, что средства для борьбы въ тѣ времена обиженные князья легко могли найти въ южныхъ степяхъ Россіи. Ростиславъ незамедлилъ воротиться съ Половцами, и ночью въ расплохъ напалъ на Андрея. Юрьевичь, явившійся такимъ храбрымъ и предусмотрительнымъ вождемъ въ войнѣ съ Изяславомъ II, на этотъ разъ неуберегся отъ нечаянности, и едва имѣлъ время спастись бѣгствомъ, столь поспѣшнымъ, что неуспѣлъ даже надѣть другаго сапога. Дружина его подверглась

---

[43] Ibid. 131. Илат. 69.

совершенному истребленію: часть ея утонула въ Окѣ во время бѣгства; остальные засыпаны были въ ямѣ по приказанію Ростислава. Андрей убѣжалъ въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль. [44] Подобный успѣхъ внезапнаго нападенія заставляетъ насъ предполагать, что Рязанскій Князь пользовался содѣйствіемъ населенія, которое, хотя рѣдко и неохотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ, однако нелюбило вообще подчиняться чужимъ князьямъ.

Такимъ образомъ при жизни Юрія Долгорукаго съ одной стороны и Ростислава Ярославича съ другой окончился первый актъ борьбы между Суздальскимъ и Рязанскимъ княжествомъ. Неговоря уже о личномъ превосходствѣ Суздальскихъ князей, перевѣсъ матеріальныхъ средствъ очевидно былъ на ихъ сторонѣ. При этомъ ненадобно упускать изъ вида нераздѣльность Суздальско-Ростовской волости во времена Юрія и сына его Боголюбскаго, тогда какъ Муромо-Рязанское княжество было подѣлено между потомками Ярослава, недолго сохранявшими свое единодушіе. Если дѣлать заключеніе о характерѣ Ростислава по его поведенію, то, очевидно, ему нельзя отказать въ настойчивости и какой то суровой энергіи. При такихъ свойствахъ князя борьба, какъ мы видѣли, приняла подъ конецъ ожесточенный характеръ. Ростиславъ замѣчателенъ для насъ особенно въ типическомъ отношеніи, потому что онъ вмѣстѣ съ дядею Олегомъ начинаетъ цѣлый рядъ Рязанскихъ князей, отмѣченныхъ общею печатью жосткаго, безпокойнаго характера.

---

[44] Арц. кн. II. стр. 148. Онъ неуказываетъ, откуда взялъ это извѣстіе.

Набѣги Половцевъ.

Теперь посмотримъ на другія стороны дѣятельности первыхъ Ярославичей. На югѣ шла обычная вражда съ кочевниками. Мы видѣли, что изгнанный Ростиславъ два раза находилъ убѣжище у Половецкихъ хановъ и получалъ отъ нихъ помощь. Но такіе союзы дорого обходились русскимъ областямъ и нисколько немѣшали набѣгамъ другихъ сосѣднихъ ордъ. Изъ временъ Ростислава лѣтопись упоминаетъ о слѣдующихъ столкновеніяхъ съ варварами. Подъ 1148 г. сказано, что въ княженіе Игоря Давидовича тысяцкій Константинъ побилъ многихъ Половцевъ въ загонѣ. На другой годъ Половцы опять сдѣлали набѣгъ, и уже съ награбленною добычей возвращались домой, когда Рязанскіе князья, собравшись вмѣстѣ, догнали ихъ на рѣкѣ Большой Воронѣ и жестоко побили. Въ 1156 г. повторилось тоже самое: варвары поплѣнили окрестности Ельца; князья погнались за ними въ степи, ночью напали на спящихъ Половцевъ и отняли полонъ, а самихъ избили [45].

На востокѣ время отъ времени повторялась вражда съ Камскими Болгарами. Есть извѣстіе, что въ 1155 г. они сдѣлали нападеніе на Муромскія и Рязанскія земли [46] Вѣроятно дѣло необходилось безъ непріязненныхъ столкновеній и съ Мордовскими дикарями.

---

[45] Ник. II. 106. 119. 155. Объ Игорѣ Давидовичѣ прибавлено въ Ряз. Дост. Подъ 1155 г. встрѣч. довольно странное извѣстіе: «Того же лѣта приходиша Татарове въ Резань и на Хапорть, и много зла сотвориша, овехъ избиша, а другихъ въ плѣнъ отведоша.» Ник. 11. 151. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣло идетъ также о Половцахъ; а Хапорть испорченное названіе Хоперъ.

[46] Тат. III. 98.

Построеніе новыхъ городовъ.

Между тѣмъ Славянская колонизація шла своимъ чередомъ. Посреди лѣсовъ и степей на крутыхъ берегахъ рѣкъ являлись укрѣпленные пункты или такъ называемые города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи для юго-восточной Руси XII в. особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 гг. Темная зелень лѣсовъ, скрывавшая до того времени отъ вниманія исторіи землю Вятичей и западную часть Рязанскаго княжества, проясняется; мы открываемъ здѣсь присутствіе довольно густаго населенія и многочисленные города, а именно: Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдославль, Колтескъ, Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобынскъ, Тѣшиловъ и Нериньскъ. [47].

Построеніе новыхъ городовъ конечно было дѣломъ князей; но лѣтописи рѣдко указываютъ намъ на эту сторону ихъ дѣятельности. Объ Ростиславѣ Ярославичѣ напримѣръ лѣтописецъ только одинъ разъ, подъ 1153 г. замѣтилъ, что онъ построилъ на берегу Оки крѣпость и назвалъ ее своимъ именемъ, т. е. Ростиславль. [48].

Отношенія къ Андрею Боголюбскому.

Къ 1155 г. мы относимъ смерть Ростислава Ярославича, основываясь на слѣдующемъ извѣстіи. Въ этомъ году Рязанскіе князья возобновили оборонительный союзъ съ Мстиславичами и цѣловали крестъ Ростиславу Смоленскому на всей любви, при чемъ они всѣ смотрѣли на Ростислава и имѣли себѣ его отцемъ. [49] Если обратить вниманіе на самый тонъ этаго извѣстія, то нельзя непритти къ тому заключенію, что онъ болѣе идетъ къ дѣтямъ Рязанскаго князя, нежели къ нему

[47] Ник. II. 93. 95. Ипат. 28. 29.

[48] Ник. II. 137.

[49] Ипат. 79.

самому: послѣднiй приходился дядею Смоленскому Ростиславу въ цѣломъ родѣ Ярослава I. Но союзъ съ Смоленскимъ княземъ неизбавилъ Рязанскихъ Ростиславичей отъ подчиненiя Суздалю. При Андреѣ Боголюбскомъ они постоянно играютъ роль его подручниковъ. Въ 1160 г. Боголюбскiй, подражая своему великому дѣду въ защитѣ Русской земли, хотѣлъ нанести сильный ударъ степнымъ варварамъ, и послалъ на нихъ своего сына Изяслава съ суздальскою дружиною. Къ Изяславу присоединилось много другихъ князей, между прочимъ Муромскiе, Рязанскiе и Пронскiе. Дружины переправились за Донъ и далеко углубились въ степи; Половцы хотѣли дать отпоръ но были побѣждены и разсыпались во всѣ стороны; Русскiе ихъ преслѣдовали. Но Ржавцахъ варвары собрались и въ другой разъ ударили на наши войска; побѣда очень дорого стоила Русскимъ, и князья съ немногими людьми воротились домой. [50] Въ слѣдующемъ году скончался Владимiръ Святославичь Муромскiй. [51] Въ Муромѣ садится сынъ его Юрiй; а Рязанскiй столъ занимаетъ младшiй Ростиславичь Глѣбъ; о его братѣ Андреѣ лѣтописи болѣе неупомянаютъ.

Съ этихъ поръ вниманiе наше преимущественно сосредоточивается на дѣятельности Глѣба. Къ несчастiю, лѣтописцы слишкомъ скупы на извѣстiя о событiяхъ Рязанскаго княжества. Только изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ намековъ мы узнаемъ кое что объ отношенiяхъ его къ сосѣдямъ. Такъ въ 1167 г. Владимiръ Мстиславичь во время распри съ племянникомъ своимъ Вели-

Глѣбъ Ростиславичь 1155–1177.

[50] Ник. II. 178.

[51] Ibid. 189 Въ лѣтописи онъ названъ при этомъ случаѣ Великимъ княземъ Рязанскимъ.

кимъ Княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ отправился въ Суздальскую землю къ Андрею. Послѣдній велѣлъ ему сказать: «ступай (пока) въ Рязань къ Глѣбу Ростиславичу; я надѣлю тебя.» Владиміръ дѣйствительно пошелъ въ Рязань, оставивъ жену и дѣтей въ Глуховѣ. О подчиненіи Рязанцевъ Андрею свидѣтельствуютъ знаменитые походы его дружинъ; Муромскіе и Рязанскіе князья почти постоянно принимаютъ въ нихъ участіе. Въ 1164 году Юрій Муромскій ходилъ съ Андреемъ на Болгаръ. Только въ первомъ походѣ его войскъ на югъ, когда Кіевъ былъ взятъ приступомъ, о Рязанцахъ и Муромцахъ неупоминается. При неудачной осадѣ Новгорода, въ 1169 г. встрѣчаются сыновья Глѣба Рязанскаго и Юрія Муромскаго. Въ 1170 г. тѣже князья съ Мстиславомъ Андреевичемъ громили Волжскихъ Болгаръ: воинамъ однако очень непонравился этотъ походъ, «понеже неудобно зимѣ воевати Болгары,» говоритъ лѣтописецъ. Далѣе, Муромо-Рязанскія дружины участвовали во второмъ походѣ на Кіевъ, столь несчастливомъ для войскъ Боголюбскаго. [52].

Участіе Глѣба въ событіяхъ Суздал. княжества по смерти Боголюбскаго.

29 Іюня 1174 г. погибъ Андрей подъ ударами заговорщиковъ. По видимому настала пора освобожденія для всѣхъ слабѣйшихъ князей, которые должны были смиряться предъ его непреклонною волею; мало того, имъ представлялся теперь удобный случай отомстить Суздальцамъ за прежнія обиды. Опасеніе такого возмездія ясно обнаружилось во Владимірѣ, куда съѣхались всѣ дружинники Андрея. «За какимъ княземъ мы пошлемъ?» говорили они, «сосѣдями у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе; боимся ихъ мести, какъ вдругъ придутъ на насъ войною; а князя у насъ нѣтъ. Пош-

[52] Лѣт. Пер. Сузд. 75. 79. Ник. II. 216. Ипат. 109.

лемъ къ Рязанскому Глѣбу и скажемъ ему: хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ.»[53] (Глѣбъ былъ женатъ на дочери Ростислава, старшаго брата Боголюбскаго). Слова: «боимся ихъ мести.» заставляютъ предполагать, что въ княженіе Андрея Рязанцы и Муромцы немало терпѣли отъ насилія Суздальцевъ, хотя лѣтописи умалчиваютъ объ этомъ обстоятельствѣ. Но Глѣбъ Ростиславичь, кажется, думалъ нестолько о мести, сколько о томъ, что бы пріобрѣсти вліяніе на дѣла Суздальскаго княжества, и такимъ образомъ предупредить опасность съ этой стороны. Безъ сомнѣнія неслучайно явились на Владимірскомъ съѣздѣ Рязанскіе бояре Дѣдилецъ и Борисъ Куневичь. [54] Лѣтопись прямо говоритъ, что Суздальцы, забывши клятву, данную Юрію Долгорукому, неимѣть у себя князьями младшихъ его сыновей Михаила и Всеволода, послушались Рязанскихъ бояръ, и отправили къ Глѣбу посольство изъ знатнѣйшихъ людей: они просили его послать своихъ мужей вмѣстѣ съ Суздальскими въ Черниговъ за двумя Ростиславичами. Слѣдовательно, Дѣдилецъ и Куневичь дѣйствовали искусно: они умѣли застращать Андрееву дружину и привести ее къ упомянутому рѣшенію. Надобно полагать, что ихъ поддерживала цѣлая боярская партія, которая имѣла свои причины устранять братьевъ Андрея. Дѣло принимало такой оборотъ, будто Суздальцы получали себѣ князей изъ рукъ Глѣба Ростиславича. Послѣдній, разумѣется, поспѣшилъ исполнить просьбу и призвать своихъ шурьевъ. Нельзя незамѣтить при этомъ, что извѣстія лѣтописей объ участіи, которое въ то время пришлось на долю Глѣба въ событіяхъ

---

[53] Ипат. 116.

[54] Тат. 111. 201.

сосѣдняго княжества, далеко неполны и оставляютъ еще довольно мѣста предположеніямъ. Ростиславичи поѣхали на Сѣверъ; но не одни, а вмѣстѣ съ своими дядьями Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами. Не совсѣмъ вѣроятнымъ кажется извѣстіе о томъ, будто Ростиславичи по собственному желанію пригласили съ собой Юрьевичей и дали старшинство Михаилу. Такая уступка конечно была вынуждена обстоятельствами, т. е. борьбою партій въ Суздальской области или враждою старыхъ и новыхъ городовъ, и вліяніемъ Черниговскаго князя Святослава Всеволодовича, который держалъ сторону Юрьевичей. Можетъ быть опасеніе, что Владимірцамъ будутъ помогать Черниговцы, именно и заставило партію Ростовскихъ бояръ искать поддержки въ Рязанскомъ Князѣ. Какъ бы то нибыло междоусобія незамедлили обнаружиться, лишь только Михаилъ Юрьевичь и Ярополкъ Ростиславичь прибыли на сѣверъ На первый разъ Ярополкъ при помощи Муромскихъ и Рязанскихъ полковъ заставилъ Михаила покинуть Владиміръ и воротиться въ южную Русь.

Глѣбъ, казалось, достигъ своей цѣли, и за свою дѣятельную помощь имѣлъ полное право расчитывать, на благодарность шурьевъ. Но въ этомъ случаѣ Рязанскій князь обнаружилъ недостатокъ дальновидности, непринявъ никакихъ мѣръ для того, что бы упрочить въ Суздальской землѣ господство своихъ союзниковъ, которые не отличались ни благоразуміемъ, ни мужествомъ. Онъ помогъ имъ только ограбить богатый Владимірскій соборъ, и съ большою добычею воротился въ Рязань. Можетъ быть, онъ ошибся въ расчетѣ подчинить своему вліянію молодыхъ Суздальскихъ князей, которые стали слушаться болѣе Ростовскихъ бояръ. Покрайней мѣрѣ Глѣбъ остается въ сторонѣ при вторич-

номъ столкновеніи дядей съ племянниками. Мстиславь и Ярополкъ несъумѣли отразить соперниковъ, и въ 1176 г. постыднымъ образомъ уступили имъ свое мѣсто. Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань. Такимъ образомъ обстоятельства, благопріятныя Глѣбу, миновались очень скоро; съ этихъ поръ начинается для него цѣлый рядъ неудачь, которыя приводятъ за собою неизбѣжную катастрофу.

Олегъ Святославичь, сынъ Черниговскаго князя, возвращаясь изъ Москвы, куда онъ провожалъ двухъ княгинь, женъ Михаила и Всеволода, задумалъ увеличить свою Лопастенскую волость, и отнялъ у Рязанцевъ городъ Свирѣльскъ, принадлежавшій прежде къ Черниговскому княжеству. Глѣбъ отрядилъ противъ него своего племянника Юрьевича; но послѣдній проигралъ битву на рѣкѣ Свирѣли [55] Въ томъ же году Михаилъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ пошелъ на Рязань, что бы отмстить Глѣбу за его союзъ съ Ростиславичами, и воротить всѣ драгоцѣнности, похищенныя имъ изъ Владиміра. Глѣбъ, незадолго потерпѣвшій неудачу противъ такого слабаго противника, какъ Олегъ Святославичь, конечно не имѣлъ никакой охоты вступать въ борьбу съ Михаиломъ, который велъ на него соединенные полки всей Суздальской земли. На рѣкѣ Нерской (впад. въ Москву) встрѣтили Михаила Рязанскіе послы и сказали отъ имени своего князя: «Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ я во всемъ виноватъ; а теперь возвращу все что взялъ у шурьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, все до послѣдняго золотника.» [56] Добродушный Михаилъ охотно согласился на миръ съ Рязанцами, которые дѣйствительно отдали ему назадъ всю добычу Глѣба. Она

Миръ съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ 1176 г.

[55] Ипат. 118.

[56] Лѣт. Пер. Суз. 78. Ник. II. 228.

состояла изъ золота, серебра, оружія и рукописей; особенно важно было для Владимірцевъ возвращеніе знаменитаго образа Богоматери; между прочими вещами находился и мечь Св. Бориса, тотъ самый, который составлялъ любимое оружіе Андрея Боголюбскаго и котораго онъ напрасно искалъ въ часъ своей гибели. При этомъ Глѣбъ долженъ былъ дать клятву въ томъ, что не будетъ помогать своимъ шурьямъ противъ Михаила и Всеволода. [57].

Война со Всеволодомъ III. 1177 г.

Но извѣстно, какъ часто наши древніе князья грѣшили противъ крестнаго цѣлованія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ Михаилъ Юрьевичь, и Ростиславичи снова въ союзѣ съ Глѣбомъ дѣлаютъ попытку занять Суздальскія волости. Первый Мстиславъ изъ Новгорода пошелъ на Всеволода, но былъ побѣжденъ на Юрьевскомъ полѣ, и, непринятый опять Новгородцами, отправился къ Глѣбу Рязанскому. Вѣсть о несчастіи шурина застала Глѣба посреди военныхъ приготовленій; вѣроятно онъ расчитывалъ напасть на Владимірскую область между тѣмъ, какъ Всеволодъ былъ занятъ войною съ Мстиславомъ и Ростовцами. Когда Мстиславъ прибылъ въ Рязань, Глѣбъ, наученный опытомъ, уже неохотно слушалъ воинственныя рѣчи своихъ шурьевъ; и сначала совѣтовалъ имъ отправить пословъ во Владиміръ, что бы мирнымъ образомъ уладиться со Всеволодомъ. Прежнія неудачи однако неисправили Ростиславичей; побуждаемые Ростовскими боярами, они непремѣнно хотѣли рѣшить дѣло оружіемъ, и увлекли Рязанскаго Князя въ бѣдственную для него войну. Она началась осенью 1177 г. нападеніемъ Глѣба на Москву; онъ сжегъ ее и опустошилъ окрестныя селенія. Всево-

---

[57] Татищ. III. 215.

лодъ пошелъ было на него съ своими дружинами; но на походѣ узналъ, что противникъ его воротился въ Рязань; въ тоже время къ нему явились Новогородцы и совѣтовали подождать своихъ согражданъ. Владимірскій Князь послушался ихъ и отъ Ширинскаго лѣса воротился назадъ. Онъ рѣшилъ однимъ могучимъ ударомъ уничтожить своего безпокойнаго сосѣда и началъ собирать огромныя силы. Святославъ Ольговичь Черниговскій, союзникъ Юрьевичей, прислалъ къ нему на помощь сыновей Олега и Владиміра; вмѣстѣ съ ними прибылъ Князь Русскаго Переяславля Владиміръ Глѣбовичь, племянникъ Всеволода; кромѣ того къ войскамъ Всеволода присоединилась дружина Новогородцевъ. [58] Съ такими то грозными силами Всеволодъ выступилъ въ походъ зимою того же года и вошелъ въ Рязанскіе предѣлы. Глѣбъ, какъ видно, недремалъ, и съ своей стороны собралъ также значительную рать для борьбы съ Владимірскимъ Княземъ. Кромѣ тѣхъ Ростовцевъ, которые держали сторону его шурьевъ, онъ повелъ съ собою толпы Половцевъ, и прямымъ путемъ черезъ лѣса устремился къ Владиміру. Всеволодъ достигъ Коломны, когда пришла къ нему вѣсть, что Рязанскій Князь, уже разграбилъ богатую соборную церковь въ Боголюбовѣ, щедро украшенную Андреемъ, и опустошаетъ окрестности его столицы, при чемъ особенно свирѣпствуютъ степные варвары. Поспѣшивъ воротиться назадъ, Все-

---

[58] Въ Ник. 11. 233. сказано «и съ Новогородци.» Можетъ быть это была таже самая Милонѣжкова чадь, о которой говорится выше. Мы думаемъ, что именно объ этой битвѣ вспоминали Новогородцы передъ Липецкимъ сраженіемъ въ 1216 г. говоря «мы нехочемъ измрети на конѣхъ, но якоже отци наши билися на Колакши пѣши.» П. С. Р. Л. IV. 24.

володъ на берегу Колакши встрѣтилъ Рязанцевъ и Половцевъ, которые возвращались со множествомъ добычи и плѣнниковъ. Въ то время случилась оттепель, ледъ на рѣкѣ сдѣлался очень тонокъ и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца оба войска стояли другъ противъ друга въ ожиданіи болѣе удобной переправы. Между тѣмъ какъ происходили мелкія стычки и перестрѣлка, Глѣбъ предложилъ миръ противнику; но тотъ непринялъ предложенія, потому что сильно сердился на Глѣба за опустошеніе своей земли.

Пораженіе Рязанцевъ на Колакшѣ.

Настала масляная недѣля. 20 Февраля Юрьевичь приготовилъ полки къ битвѣ и послалъ на другую сторону Колакши обозъ съ дружиною Переяславцевъ подъ начальствомъ своего племянника Владиміра Глѣбовича. Глѣбъ отрядилъ противъ Владиміра Мстислава Ростиславича; а самъ съ сыновьями своими Романомъ и Игоремъ, съ шуриномъ Ярополкомъ и со всѣмъ остальнымъ войскомъ перешелъ рѣку, думая, что Всеволодъ остался на той сторонѣ съ немногими людьми. Рязанцы подошли къ Прусковой горѣ, за которою стоялъ Великокняжескій полкъ, и были уже отъ него въ одномъ перелетѣ стрѣлы, когда Глѣбъ увидалъ, что Мстиславъ Ростиславичь, постоянный бѣглецъ съ поля битвы, и на этотъ разъ оборотилъ тылъ передъ Владиміромъ Глѣбовичемъ. Рязанскій князь поспѣшилъ отступить; но уже было поздно. Окруженные войсками Всеволода, Рязанцы вступили въ жестокую, но непродолжительную сѣчу. Пораженіе ихъ было совершенное. Самъ Глѣбъ, сынъ его Романъ, шуринъ Мстиславъ попались въ плѣнъ съ большею частію дружины и со множествомъ знатныхъ бояръ или думцевъ Рязанскаго Князя; между ними находились: знаменитый воевода Боголюбскаго Борисъ Жидиславичь, сторонникъ Ростиславичей; потомъ

Яковъ Деденковъ, Олстинъ и разъ уже встрѣчавшійся намъ Дѣдилецъ. Половцы, плохіе воины въ рукопашной битвѣ, дорого поплатились за свои разбои. Сѣверный лѣтописецъ смотритъ на это пораженіе какъ на справедливое наказаніе Божіе за грѣхи Глѣба, т, е. за то зло, которое онъ причинилъ Владимірской землѣ; «внюже мѣру мѣрите, говоритъ онъ, возмерится вамъ; судъ безъ милости несотворшему милости».

Въ чистый понедѣльникъ побѣдители съ торжествомъ вступили во Владиміръ. [59] Велика была радость граждан при видѣ плѣнныхъ князей; въ соборномъ храмѣ Богородицы принесена благодарность Богу; потомъ нѣсколько дней продолжалось въ городѣ шумное веселіе. Всеволодъ обошелся съ побѣжденными довольно милостиво: Глѣбъ съ сыномъ и шуриномъ отданы были подъ стражу, но непосажены въ темницу; имъ опредѣлено содержаніе изъ княжескаго дома; даже Суздальцы и Ростовцы нелишены были полной свободы. Владимірскимъ гражданамъ сильно ненравилось то, что ихъ князь держитъ своихъ плѣнныхъ какъ гостей. На третій день они подняли мятежъ и съ оружіемъ пришли на княжій дворъ, требуя большей строгости въ обращеніи съ врагами. Всеволодъ, нежелая подвергнуть плѣнниковъ оскорбленію со стороны народа, велѣлъ поса-

---

[59] «Владимірцы слыша сіе, вышли всѣ въ стрѣтеніе побѣдителю враговъ своихъ съ великою радостію. Всеволодъ же учредя полки, пошелъ во Владиміръ: на переди Олегъ и Владиміръ Святославичи съ ихъ полки, за ними Глѣбъ Рязанскій съ сыномъ, шуриномъ и со многими его плѣнники ведены связаны, за ними Всеволодъ на конѣ со своими, таже Владиміръ Глѣбовичь съ Переяславцы.» Тат. III. 225.

дить ихъ въ порубъ. [60] Въ тоже время онъ послалъ своихъ людей въ Рязань съ требованіемъ, чтобы Рязанцы выдали ему Ярополка Ростиславича, въ противномъ случаѣ грозилъ явиться съ войскомъ въ ихъ землѣ. Ярополкъ вмѣстѣ съ Игоремъ Глѣбовичемъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во время роковой битвы. Онъ удалился въ пограничныя степи куда то на рѣку Воронежъ, и тамъ, гонимый страхомъ, переходилъ изъ одного мѣста въ другое. [61] Рязанцы, подумавъ между собою, сказали: «князь нашъ и братія наша погибли за чужаго князя;» пошли на Воронежъ, взяли Ярополка, и выдали Владимірцамъ, которые посадили его также въ порубъ.

Между тѣмъ нашлись князья, которые приняли участіе въ бѣдственномъ положеніи Глѣба. Мы уже говорили о союзѣ Ростислава Смоленскаго съ Рязанскими Ярославичами въ 1155. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ кромѣ того и родственными отношеніями: знаменитый Ростиславичь Мстиславъ Храбрый женился на дочери Глѣба. Мстиславъ незамедлилъ обратиться къ Святославу Всеволодовичу Черчиговскому, прося его заступиться у своего союзника Всеволода за плѣнныхъ князей и склонить его къ ихъ освобожденію. Съ тою же просьбою присылала въ Черниговъ Рязанская княгиня жена Глѣбова. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ во Владиміръ Черниговскаго епископа Порфирія съ игуменомъ Ефремомъ. Извѣстно, что духовенство преимущественно брало на себя священную обязанность ми-

---

[60] Замѣчательно при этомъ случаѣ, что народъ, роптавшій на снисхожденіе къ плѣнникамъ, обвинялъ Глѣба Рязанскаго между прочимъ и въ смерти Андрея Боголюбскаго, которая будто бы учинилась по его наущенію. ibid. 227.

[61] Ник. II. 235, 236.

ротворцевъ во времена княжескихъ усобицъ. Всеволодъ неостался глухъ къ ходатайству Черниговскаго князя, которому онъ многимъ былъ обязанъ; но исполнилъ его желаніе только въ половину. Ростиславичи послѣ вторичнаго мятежа Владимірскихъ граждан были отпущены въ Смоленскъ. Очевидно Всеволодъ несчиталъ для себя опасными своихъ племянниковъ и легко согласился дать имъ свободу; но иначе онъ думалъ о Рязанскомъ князѣ. Онъ зналъ, какъ ненадежно спокойствіе его княжества, если Глѣбъ опять явится во главѣ Рязанскихъ дружинъ, и предложилъ ему самыя тягостныя условія мира. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояли эти условія. Святославъ Черниговскій просилъ отпустить Глѣба въ Южную Россію. «Лучше умру здѣсь ,а непойду въ Русь,» отвѣчалъ упрямый Глѣбъ. Слѣдовательно ему предлагали свободу безъ княжества. По другому извѣстію Всеволодъ требовалъ отъ него уступки Коломны и ближнихъ волостей; Глѣбъ нехотѣлъ согласиться и на это условіе. [62] Рязанскій Князь, какъ видно съ твердостію переносилъ свое несчастіе и вполнѣ обнаружилъ при этомъ свой. гордый, непреклонный характеръ. 30 Іюня того же 1177 г. Глѣбъ умеръ въ темницѣ. [63] Послы Святослава Всеволодовича по смерти Глѣба продолжали хлопотать за его сына Романа, который въ свою очередъ приходился зятемъ Черниговскому князю. Цѣлые два года тянулись переговоры, и нeранѣе 1179 г. согласился Всеволодъ отпустить Романа на Рязанское княженіе. Объ условіяхъ, на кото-

Кончина Глѣба Ростиславича.

[62] Ипат. 119. Тат. III. 228.

[63] Въ лѣтописи, какъ замѣтилъ С. М. Соловьевъ (И. Р. II. Прим. 342) употреблено при этомъ довольно странное выраженіе: «Тогда же князь Глѣбъ мертвъ биеть.» Ипат. 120.

рыхъ послѣднiй долженъ былъ цѣловать крестъ, лѣтописцы неговорятъ прямо; но для насъ многозначительны ихъ короткiя выраженiя въ родѣ слѣдующихъ: «а Романа сына его едва выстояша, цѣловавше крестъ,» или «а князя Романа укрѣпивше крестнымъ цѣлованiемъ, и смиривше зѣло отпустиша въ Рязань.» [64] Очевидно здѣсь дѣло идетъ о совершенной покорности Всеволоду Юрьевичу.

Зависимость Рязани отъ Всеволода III. Сыновья Глѣба Ростиславича 1177—1212 г.

Такимъ образомъ окончился второй актъ борьбы Рязанскихъ князей съ Владимiро-Суздальскими и на этотъ разъ еще болѣе рѣшительнымъ торжествомъ послѣднихъ. Мы видѣли, что Глѣбъ съ успѣхомъ могъ вмѣшаться въ дѣла сосѣдняго княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить Владимiрцевъ, Суздальцевъ, Ростовцевъ и Переяславцевъ, борьба съ ними опять становилась неподъ силу Рязанскому князю. Притомъ же, неотказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ благоразумiя и проницательности. Онъ несъумѣлъ оцѣнить ни Ростиславичей, ни Юрьевичей, и, нерасчитавъ средства, довелъ борьбу до крайности. Поколѣнiе Рязанскихъ Ярославичей по характеру своему конечно стояло ближе къ князьямъ южной Россiи, нежели къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ: подобно первымъ они предпочитали рѣшать споры судомъ Божьимъ, и непридерживались осторожной, расчетливой политики послѣднихъ.

Пораженiе на Колакшѣ и плѣнъ князей кромѣ уни-

---

[64] Ипат. 120. Ник. II. 236.

женія и подчиненія Рязанской земли Владимірскому Князю влекли за собою другое обычное явленіе того времени. Степные варвары, узнавъ о несчастіи сосѣдей незамедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы пограбить Рязанскія волости. По этому первымъ дѣломъ Романа Глѣбовича по возвращеніи въ свою отчину, былъ походъ на хищниковъ, которымъ онъ нанесъ пораженіе на рѣкѣ Большой Воронѣ.

Съ 1180 г. уже начинаются усобицы между братьями. Глѣбъ оставилъ послѣ себя довольно многочисленную семью, намъ извѣстны имена шестерыхъ его сыновей: Романъ, Игорь, Святославъ, Всеволодъ, Владиміръ и Ярославъ. Поводъ къ неудовольствіямъ подалъ старшій Глѣбовичь Романъ. Зависимость отъ Всеволода III конечно была тягостна для Рязанскаго Князя. При однѣхъ собственныхъ силахъ онъ немогъ начать новую борьбу съ могущественнымъ сосѣдомъ; отсюда понятенъ тѣсный союзъ Романа съ его тестемъ Черниговскимъ княземъ Святославомъ Всеволодичемъ. Въ то время еще несовсѣмъ ослабла связь Рязани съ Черниговымъ, какъ съ метрополіею; въ отношеніи церковной іерархіи оба княжества составляли еще одну епископію. Очень можетъ быть при этомъ, что Святославъ, принимавшій дѣятельное участіе въ освобожденіи зятя, и, будучи доселѣ въ дружскихъ отношеніяхъ со Всеволодомъ, безъ особенныхъ препятствій надѣялся утвердить свое вліяніе на дѣла Рязанскаго княжества и быть тамошнимъ князьямъ въ отца мѣсто.

Первое междоусобіе Глѣбовичей. 1180 года.

Романъ затѣялъ споръ о волостяхъ съ младшими братьями Всеволодомъ и Владиміромъ, которые княжили на Пронѣ. Дѣло дошло до войны. Тѣснимые старшимъ братомъ, съ которымъ соединились Игорь и Святославъ Глѣбовичи, Пронскіе князья обратились къ Всеволоду.

Можетъ быть и самая ссора произошла въ слѣдствіе того, что младшіе братья предпочитали Владимірское вліяніе и нехотѣли подчиниться Черниговскому. «Ты нашъ господинъ и отецъ.» посылаютъ они сказать Всеволоду: «братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь своего тестя Святослава, а тебѣ онъ цѣловалъ крестъ и нарушилъ клятву». Великій Князь сначала хотѣлъ уладить дѣло мирнымъ образомъ, и велѣлъ сказать Роману, что бы онъ необижалъ братьевъ. Встрѣтивъ неповиновеніе своей волѣ, онъ собралъ полки и выступилъ въ походъ. Между тѣмъ Романъ успѣлъ извѣстить Святослава Всеволодовича о своей опасности; тесть немедленно отправилъ къ нему на помощь Черниговскую дружину подъ начальствомъ своего сына Глѣба, который занялъ Коломну, какъ передовой Рязанскій постъ со стороны Суздальнаго княжества. Великій Князь осадилъ Коломну, и, заставивъ Святославича вытти изъ города, отослалъ его съ бывшими при немъ боярами во Владиміръ, а Черниговскую дружину велѣлъ развести по своимъ городамъ. [65] Романъ, осаждавшій въ то время своихъ братьевъ въ Пронскѣ, при вѣсти о приближеніе Всеволода снялъ осаду и по-

Вмѣшательство Всеволода III. и Черниговцевъ.

---

[65] Лѣтописи темно выражаются на счетъ того, какимъ образомъ Глѣбъ попался въ руки Всеволода. Лавр. 164: «Ту въ Коломнѣ Святославича Глѣба я князь Всеволодъ.» Ипат. 122: «Слышавъ же Всеволодъ, еже прислалъ Святославъ сына своего, помогая зяти своему, и позва и къ себѣ: Глѣбъ же Святославичь нехотѣ ѣхати, но и волею неволею ѣха къ нему, *за не бяшеть въ его рукахъ.*» Ник. 11. 240: «Ему же оплошившемуся, и всѣмъ пьянымъ бывшимъ, и тако стражей его поимаша, сице же и самого князя Глѣба Святославича изымаша.»

шёлъ къ нему на встрѣчу. Младшіе Глѣбовичи поспѣшили соединиться съ Владимірскими полками.

Передовая Рязанская дружина, переправившись за Оку предалась безпечности и пьянству; въ слѣдствіе чего она подверглась нечаянному нападенію; большая часть ея, притиснутая къ рѣкѣ, была избита или взята въ плѣнъ; а многіе потонули въ Окѣ, стараясь достигнуть другаго берега. Романъ, услыхавъ о пораженіи сторожевыхъ отрядовъ, побѣжалъ въ степь мимо Рязани, въ которой затворилъ братьевъ Игоря и Святослава. Всеволодъ пошелъ по его слѣдамъ, взялъ мимоходомъ Борисовъ—Глѣбовъ и осадилъ Рязань. Побѣжденные прислали просить Великаго Князя о мирѣ, на который онъ охотно согласился. Романъ и братья снова цѣловали крестъ Всеволоду на всей его волѣ; при чемъ клялись необижать другъ друга и невступаться въ чужіе предѣлы. Устроивъ Рязанскія дѣла и раздѣливъ волости между братьями по старшинству, Всеволодъ воротился во Владиміръ.

Вмѣшательство Святослава Черниговскаго и плѣнъ его сына необошлись безъ открытой войны между имъ и Владимірскимъ княземъ. Извѣстна ихъ встрѣча на крутыхъ берегахъ рѣчки Влены. Осторожный Всеволодъ уклонялся отъ рѣшительной битвы и берегъ Суздальскую дружину; но онъ небылъ такъ бережливъ въ отношеніи къ своимъ подручникамъ, и приказалъ Рязанскимъ князьямъ сдѣлать нападеніе. Ночью Рязанцы перешли Влену, ворвались въ лагерь Святослава и произвели тамъ смятеніе. Но за минутную удачу они поплатились довольно дорого, когда на помощь къ Черниговцамъ подоспѣлъ Всеволодъ Святославичь, рьяное мужество котораго въ послѣдствіи такими живыми красками очерчено въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Рязанцы обратились въ бѣгство, потерявъ много убитыми и

плѣнными; между послѣдними находился ихъ воевода Иворъ Мирославичь, котораго на разсвѣтѣ привели къ Святославу Всеволодовичу. Тѣмъ и кончились на этотъ разъ военныя дѣйствія между Всеволодомъ и Святославомъ. Но въ томъ же году Рязанскія князья вмѣстѣ съ Владимірцами должны были итти въ новый походъ, къ Торжку, противъ своего дяди Ярополка Ростиславича, которому такъ усердно помогалъ ихъ отецъ. [66]

Муромскіе Князья.

Въ послѣднемъ походѣ участвовали и Муромскіе князья. Лѣтописи еще не совсѣмъ теряютъ изъ виду Рязанскій край, и по временамъ посвящаютъ ему нѣсколько строкъ; но о Муромѣ онѣ почти забываютъ. Только изрѣдка намъ удается встрѣтить Муромскихъ князей гдѣ нибудь въ дальнемъ походѣ въ качествѣ подручниковъ. Объ ихъ внутренней дѣятельности, объ отношеніяхъ между собою мы рѣшительно ничего незнаемъ. На молчаніи источниковъ развѣ можемъ основать только то предположеніе, что здѣсь было болѣе внутренней тишины и согласія, нежели въ Рязани; что Муромскія событія были слишкомъ незначительны и немогли обратить на себя вниманіе лѣтописцевъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы лѣтописцы совсѣмъ незнали о томъ, что дѣлается въ Муромѣ; напротивъ ихъ немногія извѣстія о Муромскихъ князьяхъ отличаются иногда удивительною точностію. Таково извѣстіе о смерти Юрія Владиміровича: онъ скончался 19 Генваря 1174 г. и положенъ въ Муромской церкви Христа Спасителя, которая была имъ самимъ построена. [67] Послѣ него осталось нѣсколько сыновей: намъ извѣстны Давидъ, Владиміръ и Игорь. Гибель Андрея Боголюбска-

[66] Ипат. 124. Ник. II. 241.
[67] Лавр. 156

го, кажется, и Муромскимъ князьямъ внушила надежду освободить свою волость отъ подчиненія сосѣднему княжеству. Покрайней мѣрѣ Суздальская дружина на извѣстномъ соборѣ во Владимірѣ изъявляетъ опасеніе подвергнуться нападенію неоднихъ Рязанцевъ, но и Муромцевъ. Въ борьбѣ Юрьевичей съ Ростиславичами Муромскіе полки дѣйствительно помогаютъ послѣднимъ. Но тѣмъ и кончилось это стремленіе къ самостоятельности, если оно въ самомъ дѣлѣ существовало. Въ княженіе Всеволода III Муромскіе князья постоянно являются его усердными подручниками, и по первому требованію ведутъ къ нему на помощь свои немногочисленныя дружины.

Походъ на Камскихъ Болгаръ въ 1184.

Между интересами Муромской волости одно изъ главныхъ мѣстъ безспорно занимали отношенія къ Волжскимъ Болгарамъ Извѣстно, какъ важна была для сѣверовосточной Россіи торговая дѣятельность этого народа; извѣстно и то, что мирная торговля нерѣдко прерывалась враждебными столкновеніями. Зачинщиками въ такомъ случаѣ являлись обыкновенно жители Русскихъ княжествъ, именно тѣ разбойничьи шайки, которыя старались поживиться на счетъ богатыхъ сосѣдей и грабили ихъ суда по Окѣ и по Волгѣ. Особенно сильные были грабежи, производимые Рязанцами и Муромцами въ 1183 г. Болгары два раза присылали къ Всеволоду III съ жалобами на разбои. Всеволодъ хотя и отдалъ приказаніе ловить грабителей; но неупотребилъ противъ нихъ ни какихъ энергическихъ мѣръ. Дерзость шаекъ простерлась до того, что они начали ходить въ самую землю мусульманъ, нападать на ихъ города и селенія. Ожесточенные Болгары собрались въ значительныхъ силахъ, сѣли на суда, опустошили окрестно-

сти Мурома, доходили до самой Рязани, и, набравъ много плѣнниковъ и скота, воротились назадъ. [68].

Подобное вторженіе въ свою очередь немогло остаться безъ наказанія со стороны Всеволода Юрьевича. По своимъ отношеніямъ къ Рязани и Мурому онъ считалъ обязанностію защищать ихъ земли отъ внѣшнихъ враговъ. Впрочемъ мы нерѣдко видимъ въ нашей древней исторіи, что Русскіе князья на войну съ сосѣдними народами смотрятъ какъ на дѣло народное, и, забывая собственные счеты, предпринимаютъ походы соединенными силами. Такъ случилось и теперь. Всеволодъ неограничился тѣми средствами, которыя у него были подъ руками, онъ послалъ просить помощи въ Кіевъ къ Святославу Всеволодовичу и приглашалъ его принять участіе въ оборонѣ Русскихъ земель отъ иноплеменниковъ. Не только Святославъ, но и другіе южнорусскіе князья отозвались на этотъ призывъ. Весною 1184 г. полки изъ Кіевской, Черниговской, Смоленской и Сѣверской земель сошлись на берегахъ Оки. Оставивъ свои дружины въ Рязанскихъ городахъ Коломнѣ, Ростиславлѣ и Борисовѣ, союзные князья велѣли готовить суда, а сами поѣхали во Владиміръ на Клязьмѣ. Число князей простиралось до 8, а именно: три южныхъ Изяславъ Глѣбовичь Переяславскій; Владиміръ, сынъ Кіевскаго Святослава, и Мстиславъ, сынъ Давида Смоленскаго; четверо Рязанскихъ Глѣбовичей Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ, и одинъ Муромскій, Владиміръ Юрьевичь. Великій Князь пять дней весело пировалъ съ своими гостями, и потомъ 20 Мая выступилъ съ ними въ походъ. Владимірскіе полки по Клязьмѣ отправились въ Оку и здѣсь соединились съ союзными дружинами; кон-

[68] Татищ. III. 248.

ница пошла полемъ мимо Мордовскихъ селеній; а судовая рать спустилась внизъ по Волгѣ; Рязанцы составляли заднiй отрядъ. 8 Іюня князья достигли устья Цивили, оставили здѣсь свои суда подъ прикрытіемъ Бѣлозерской дружины и съ конными полками вступили въ землю Серебряныхъ Болгаръ. Съ ближними Мордовскими племенами Великій Князь заключилъ миръ, и дикари охотно продавали Русскимъ войскамъ съѣстные припасы. [69] Для насъ очень интересны сохранившіеся подробности этаго похода; онѣ даютъ намъ довольно ясное представленіе о предпріятіяхъ подобнаго рода и въ особенности объ образѣ веденія войны нашихъ князей съ Волжскими Болгарами. Результатъ похода въ 1184 г. нельзя назвать вполнѣ удачнымъ; хотя Русскіе одержали верхъ надъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, набрали много плѣнниковъ и добычи; но Великій Князь, сильно огорченный смертію своего храбраго племянника Изяслава Глѣбовича, заключилъ миръ съ Серебряными Болгарами, и, невзявши ни однаго города, воротился назадъ тѣмъ же порядкомъ, т. е. на судахъ; а конницу послалъ черезъ земли Мордвы, съ которыми на этотъ разъ необошлось безъ непріятельскихъ столкновеній.

Вторая усобица и война со Всеволодомъ III. 1186 г.

Мы видѣли, что при сыновьяхъ Глѣба Ростиславича начинаются усобицы между Рязанскими и Пронскими князьями-усобицы, которыя ослабляли ихъ силы и много содѣйствовали униженію цѣлаго Княжества. Великій Князь ненадолго примирилъ братьевъ; несогласіе и вражда незамедлили обнаружиться опять. Посылая въ Кіевъ къ Святославу съ просьбою помочь ему войскомъ противъ Болгаръ, Всеволодъ между прочимъ писалъ къ нему, что «Рязанскіе князья, хотя братья род-

---

[96] Тат. III. 250.

ные, но между собою воюють, о Русской же земле и отечестве мало радеють.»[70]

Въ 1186 г. Глебовичи произвели новый дележъ волостей: Романъ, Игорь и Владиміръ сели на Рязани, а Всеволодъ и Святославъ на Проне.[71] Въ следъ за темъ Романъ посылаетъ звать къ себе Пронскихъ князей на советъ для того, чтобы разобрать ихъ вражду съ Игоремъ и Владиміромъ. Но меньшіе братья узнали отъ бояръ, что старшіе хотятъ ихъ схватить. Разумеется, Пронскіе князья вместо того, что бы ехать на съездъ, начали укреплять свой городъ и готовиться къ обороне; а старшіе братья собрали войско и начали разорять Пронскую волость. Всеволодъ, узнавъ о распре, послалъ двухъ бояръ въ Рязань уговаривать Глебовичей, что бы они прекратили вражду. «Что вы делаете!» велелъ онъ сказать имъ.» Удивительно ли, что поганые воевали насъ; вы вотъ теперь хотите убить своихъ братьевъ.» «Укоризны Всеволода и соединенныя съ ними угрозы только раздражили Рязанскихъ князей и воздвигли еще большую вражду между ними. Всеволодъ и Святославъ просили помощи у Великаго Князя, и онъ отправилъ къ нимъ 300 человекъ Владимірской дружины, которые съ радостію были приняты въ Пронске. Старшіе Глебовичи осадили городъ. На помощь къ осажденнымъ Всеволодъ послалъ новое войско подъ начальствомъ своего родственника Ярослава Владиміровича, съ которымъ соединились Муромскіе князья Владиміръ и Давидъ Юрьевичи. Слухъ о приближеніи северныхъ князей заставилъ Романа съ братьями снять осаду и воротиться въ Рязань. Всеволодъ Глебовичъ, оставивъ въ

---

[70] Тат. III. 241.

[71] Ряз. Дост. (изъ родосл.)

Пронскѣ брата Святослава, самъ поѣхалъ на встрѣчу къ полкамъ В. Князя, нашелъ ихъ въ Коломнѣ и увѣдомилъ объ освобожденіи своего города. Муромцы воротились домой; а Всеволодъ съ Ярославомъ отправился во Владиміръ, чтобы посовѣтоваться съ В. Княземъ. Рязанцы спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и снова осадили Пронскъ. Но Святославъ защищался мужественно. Непріятели переняли у жителей воду, и тѣ начали изнемогать отъ жажды. Тогда братья велѣли сказать Святославу: «немори себя и дружину голодомъ и гражданъ немори; иди къ намъ; вѣдь ты нашъ братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ; только неприставай къ брату Всеволоду.» Послѣдніе слова намекаютъ на то, что главнымъ зачинщикомъ распри былъ Всеволодъ, который встрѣчается въ Пронскѣ и во время войны 1180 г. Вѣроятно опираясь на помощь изъ Владиміра, Всеволодъ стремился къ обособленію своей волости и къ освобожденію себя отъ вліянія старшихъ Рязанскихъ князей. Святославъ Глѣбовичь началъ думать съ своими боярами. Тѣ сказали ему: «братъ твой ушелъ во Владиміръ, а тебя оставилъ,» и совѣтовали отворить городъ. Святославъ послушался своей дружины. Братья поцѣловали съ нимъ крестъ и посадили его въ Пронскѣ; но дружину Всеволода Глѣбовича, перевязавши, отвели въ Рязань вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми; взяли себѣ также все имѣніе его бояръ. Многіе Владимірцы, присланные В. Княземъ на помощь городу, были также задержаны плѣнниками.

Въ то время Всеволодъ Глѣбовичь возвращался изъ Владиміра въ Пронскъ. Дорогою онъ узналъ о случившемся и сильно опечалился измѣною брата Святослава и плѣномъ своего семейства. Теперь ему оставалось только думать о мщеніи. Онъ захватилъ Коломну, извѣ-

стилъ обо всемъ В. Князя и началъ дѣлать набѣги на волости братьевъ. [72] В. Князь особенно былъ недоволенъ тѣмъ, что Святославъ выдалъ его людей и позволилъ ихъ перевязать. «Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты ее у меня взялъ,» послалъ онъ сказать Пронскому князю; «если ты миришься съ братьями, зачѣмъ же выдаешь мою дружину. Я послалъ ихъ къ тебѣ по твоему же челобитью; когда ты былъ ротенъ и они ротные; ты сталъ миренъ и они мирны.» Глѣбовичи спѣшили отклонить войну съ Великимъ Княземъ и отправили къ нему посольство съ такими словами: «ты отецъ, ты господинъ, ты братъ; за твою обиду мы прежде тебя сложимъ свои головы; а теперь несердись на насъ; мы воевали съ братомъ своимъ *за то, что онъ насъ неслушаетъ*; а тебѣ кланяемся и отпускаемъ твоихъ мужей.» В. Князь хотя и отложилъ походъ; но нехотѣлъ согласиться на миръ, и Рязанское посольство воротилось безъ успѣха. Тогда Глѣбовичи обратились къ посредству Черниговскихъ князей и духовенства. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1187 г. послы Святослава и Ярослава Всеволодичей вмѣстѣ съ Порфиріемъ епископомъ Черниговскимъ и Рязанскимъ отправились во Владиміръ на Клязьмѣ ходатайствовать о мирѣ. Порфирій уговорилъ и Владимірскаго епископа Луку поддержать его въ этомъ дѣлѣ. Всеволодъ наконецъ согласился на миръ и отправилъ вмѣстѣ съ Порфиріемъ и Черниговскими послами своихъ бояръ въ Рязань для окончательныхъ переговоровъ, отпустивъ въ тоже время многихъ рязанскихъ плѣнниковъ. Далѣе лѣтописи намекаютъ на какое то коварство со стороны епископа Порфирія; но неговорятъ прямо, въ чемъ оно заключа-

[72] Тат. 273–276.

лось. Изъ ихъ расказовъ можно понять только слѣдующее. Посольство прибыло въ Рязань къ Роману, Игорю, Владиміру, Святославу и Ярославу Глѣбовичамъ. Здѣсь Порфирій вступилъ въ переговоры съ князьями тайно отъ другихъ пословъ, и повелъ дѣло совсѣмъ не такъ, какъ желалъ Всеволодъ Юрьевичь; за тѣмъ онъ поспѣшно уѣхалъ въ Черниговъ. Епископъ навлекъ на себя гнѣвъ В. Князя, такъ что тотъ хотѣлъ послать за нимъ въ погоню; но уже было поздно. Порфирій по словамъ лѣтописи поступилъ «не по святительски, но какъ перемѣтчикъ, человѣкъ ложный; онъ исполнился срама и безчестья.» [73] Но мы должны быть осторожны въ этомъ случаѣ, и неможемъ сложить всю вину на коварство Черниговскаго епископа. Сѣверные лѣтописцы очевидно пристрастны къ своему князю и смотрятъ на дѣло только съ Владимірской точки зрѣнія. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что для насъ остались неизвѣстны переговоры Всеволода съ Рязанскими князьями и тѣ условія, на которыхъ онъ соглашался дать имъ миръ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія были очень тяжелы, и Порфирій несовѣтовалъ князьямъ ихъ принимать; ему естественнѣе было стоять за интересы своей епископіи, нежели содѣйствовать видамъ Владимірскаго князя. И притомъ какая же могла быть у Порфирія цѣль ссорить обѣ стороны въ то время, когда онъ былъ посланъ именно съ тѣмъ, чтобы ихъ помирить? Наконецъ самая темнота лѣтописи, восклицанія и изрѣченія, которыми сопровождается это извѣстіе, заставляютъ подозрѣвать многое недосказанное.

Какъ бы то ни было начатые переговоры неповели къ миру; Владимірскіе послы воротились назадъ, и бѣд-

---

[73] Лавр. 170.

ный Рязанскій край жестоко поплатился за упорство своихъ князей. Главнымъ виновникомъ новой войны безъ сомнѣнія былъ Всеволодъ Глѣбовичь, которому братья нехотѣли возвратить Пронска. Въ томъ же году В. Князь отправился на Рязань съ Ярославомъ Всеволодичемъ; на пути присоединился къ нему Владиміръ Юрьевичь изъ Мурома и Всеволодъ Глѣбовичь изъ Коломны. Переправившись за Оку, они сожгли много селеній и набрали большое число плѣнниковъ. [74] Почти одновременно съ этимъ несчастіемъ, которое пришло съ сѣвера, Половцы нагрянули съ юга и много зла причинили сельскимъ жителямъ. Рязанскіе князья на этотъ разъ нерѣшились вытти изъ своихъ укрѣпленій, чтобы встрѣтить въ полѣ того или другаго непріятеля, и получили миръ отъ В. Князя неиначе, какъ согласившись на всѣ его требованія. Несмотря на молчаніе лѣтописей нельзя сосмѣваться въ послѣднемъ, потому что вскорѣ Глѣбовичи опять являются подручниками Всеволода III въ его походахъ, а въ Пронскѣ опять находимъ княземъ ихъ брата Всеволода.

Наказывая младшихъ князей за непокорность, Всеволодъ III въ тоже время строго исполнялъ обязанности В. Князя въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ онъ былъ вмѣсто отца; защищалъ ихъ отъ иноплеменниковъ и недавалъ въ обиду другимъ русскимъ князьямъ. Между Черниговымъ и Рязанью происходили нерѣдко споры

---

[74] Въ Лавр. 171 при этомъ случаѣ сказано «идоша Копонову.» въ Л. Пер. Суз. 100 «идоша къ Попову.» у Татищ. III. 284: «къ Опакову.» Ни одно изъ этихъ названій невыдерживаетъ критики.. См. Изсл. и Лекц. Погод. IV. 249. Мы принимаемъ извѣстіе Ник. II. 254; здѣсь говорится только о разореніи волостей и селъ.

по поводу границъ, которыя еще неопредѣлились; Ярославичи, кажется, заняли нѣкоторыя волости, принадлежавшія прежде Ольговичамъ. Святославъ Всеволодовичь, представитель послѣднихъ и въ тоже время В. Князь Кіевскій, вступился за интересы своего дома; въ 1194 онъ собралъ Черниговскихъ и Сѣверскихъ князей въ Карачевъ для совѣта, и положилъ итти съ ними на Рязанцевъ. Опасаясь встрѣтить помѣху со стороны сѣвернаго Владиміра, Святославъ предварительно хотѣлъ получить оттуда согласіе; но встрѣтилъ отказъ, и воротился назадъ изъ Карачева.

Въ послѣднее десятилѣтіе XII столѣтія господствовало совершенное согласіе межму Всеволодомъ III и Рязанскими князьями. Мы находимъ даже болѣе, чѣмъ мирныя отношенія. Осенью 1196 г. В. Князь женилъ сына Константина на дочери Мстислава Романовича Смоленскаго. Свадьба совершилась 15 Октября, и съ большимъ веселіемъ была отпразднована во Владимірѣ. Въ числѣ гостей встрѣчаемъ трехъ Рязанскихъ Глѣбовичей: Романа, Всеволода и Владиміра—послѣдняго съ сыномъ Глѣбомъ,—также и троихъ Юрьевичей Муромскихъ: Владиміра, Давида и Игоря. [75] Спустя 10 дней послѣ свадьбы происходили постриги Всеволодова сына Владиміра, которыя подали поводъ къ новымъ пирамъ и забавамъ. Князья веселились болѣе мѣсяца, и разъѣхались по домамъ, богато одаренные отъ хозяина конями, золотыми и серебряными кубками, платьемъ и паволоками; неодни князья, и свита ихъ также щедро одѣлена была подарками. Нельзя не пожалѣть при этомъ

---

[75] *Л.* Пер. Сузд. 102; а въ Ник. (11. 261.) Муромскіе князья названы: Владиміръ, Давидъ и Юрій.

случаѣ о томъ, что наши лѣтописцы слишкомъ скупы на подобныя извѣстія.

Уже въ слѣдующемъ году Рязанцы и Муромцы вмѣстѣ съ В. Княземъ должны были принять участіе въ междоусобіяхъ южнорусскихъ князей. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что теперь князья Рязанскіе шли на югъ безъ принужденія; они охотно поддерживали своихъ давнишнихъ союзниковъ и родственниковъ Ростиславичей Смоленскихъ противъ враждебныхъ имъ Ольговичей. Еще прежде нежели самъ В. Князь съ своими подручниками предпринялъ походъ, Рязанскій княжичь Глѣбъ Владиміровичь, зять Давида Ростиславича, уже ратовалъ въ войскахъ своего тестя.[76] Замѣчательно при этомъ извѣстіе лѣтописи о томъ, что Всеволодъ заключилъ міръ съ Ярославомъ Ольговичемъ противъ желанія Рязанскихъ князей.[77]

Отдѣленіе Рязанской епископіи отъ Черниговской. 1198 г.

Дружескія отношенія Ростиславичей и Глѣбовичей время отъ времени подкрѣплялись брачными союзами. Въ 1198 г. В. Князь Кіевскій отдалъ дочь свою Всеславу за младшаго изъ братьевъ Ярослава Глѣбовича.[78] За этимъ бракомъ послѣдовало очень важное событіе для Рязанской области. До сихъ поръ она вмѣстѣ съ Муромскимъ, Сѣверскимъ и Черниговскимъ княжествомъ составляла одну епископію, и въ церковномъ отношеніи была подчинена Черниговскому епископу, который, разумѣется, всегда находился подъ вліяніемъ своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что потомки Ярослава Рязанскаго уже

---

[76] Ипат. 147.

[77] Ibid. 150. См. противуположное извѣстіе у Арц. I. 2. прим. 1631.

[78] Ипат. 152 подъ 1199 г. мы принимаемъ хронологію Татищева. III. 329.

давно стремились освободить свою волость отъ подобнаго вліянія Ольговичей; но для этого требовалось согласіе Кіевскаго Митрополита, а слѣдовательно и Кіевскаго князя. Въ послѣднихъ годахъ XII в. представился къ тому удобный случай: Кіевскимъ княземъ былъ въ то время Рюрикъ Ростиславичь, союзникъ Рязанцевъ. По просьбѣ своего зятя Ярослава Глѣбовича онъ изъявилъ согласіе на раздѣленіе Черниговской епископіи, и склонилъ къ тому митрополита Іоанна. 26 Сентября 1198 г. Митрополитъ поставилъ первымъ Рязанскимъ епископомъ игумна Арсенія.

Слѣдующій 1199 годъ ознаменованъ однимъ изъ великихъ походовъ на Половцевъ, безпокоившихъ Рязанскіе предѣлы. Походъ былъ предпринятъ по просьбѣ Рязанскихъ князей подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Всеволода. Идя берегомъ Дона, онъ углубился далеко въ степи; но воротился, не встрѣтивъ Половцевъ. Варвары сдѣлались очень робки, и уходили на югъ по мѣрѣ приближенія княжескихъ полковъ. Спустя семь лѣтъ, Рязанцы опять ходили въ степи и побрали Половецкія вежи; освободили изъ неволи многихъ христіанъ; захватили большое количество плѣнниковъ, коней, воловъ и овецъ [79].

Третья война со Всеволодомъ. 1207—1210 г.

Съ 1186 г. наружное согласіе между Рязанскими князьями и Всеволодомъ III повидимому не нарушалось въ продолженіи 20 лѣтъ. Если и были какіе поводы къ неудовольствію, по крайней мѣрѣ они непроизводили явнаго разрыва, и лѣтописцы о нихъ умалчиваютъ. Но нельзя сказать, чтобы въ этотъ періодъ времени господствовали миръ и согласіе въ самомъ домѣ Глѣба Ростиславича. Изъ сыновей его къ концу означеннаго періода оставались въ живыхъ только двое Романъ и Свято-

[79] Лавр. 179. Л. Пер. Суз. 108.

славъ. Въ 1194 г. скончался Игорь Глѣбовичъ; онъ оставилъ сыновей: Ингваря, Юрія, Романа, Глѣба и Олега. Около 1207 г. умеръ въ Пронскѣ Всеволодъ, послѣ котораго остался одинъ только сынъ Киръ Михаилъ. Неизвѣстно, когда сошли въ могилу Владиміръ и Ярославъ; они уже болѣе не встрѣчаются въ исторіи, и мѣсто ихъ заступаютъ четыре Владиміровича: Глѣбъ, Константинъ, Олегъ, Изяславъ.

Смерть Глѣбовичей влекла за собою новый раздѣлъ волостей, слѣдовательно новыя распри. Недовольными оказались теперь двое Владиміровичей Глѣбъ и Олегъ, которые не замедлили обратиться къ Великому Князю съ жалобами на своихъ дядей; но вѣроятно неполучили удовлетворенія и до перваго удобнаго случая затаили въ своей душѣ желаніе мести. Случай незамедлилъ представиться. Въ 1207 г. Великій Князь отправлялся въ походъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго и по обыкновенію послалъ звать съ собою князей Рязанскихъ и Давида Муромскаго (братъ его Владиміръ скончался 1203 г. 18 Декабря). Въ Москвѣ Всеволодъ соединился съ своимъ сыномъ Константиномъ, который привелъ къ нему на помощь Новогородскую дружину. Отсюда они отправились къ устью Оки, гдѣ должны были соединиться съ Рязанскими полками. Во время пути къ Великому Князю пришло извѣстіе, что Глѣбовичи замышляютъ измѣну, и что они уже вступили въ тайныя сношенія съ Ольговичами. Обвинителями явились тѣже самые Глѣбъ и Олегъ; они посредствомъ своихъ бояръ увѣдомили Всеволода объ опасности. Трудно рѣшить, какую долю правды заключало въ себѣ подобное обвиненіе. Лѣтописи въ этомъ случаѣ несогласны: Никоновская (II. 298) и Новогородская (П. С. Р. Л. III. 30.) прямо называютъ Глѣба и Олега клеветниками; а

Лаврентьевская (181.) выдаетъ обвиненіе за извѣстную истину; но мы знаемъ ея пристрастіе къ Владимірскимъ князьямъ и въ особенности къ Всеволоду III. Кромѣ того за несчастныхъ Глѣбовичей передъ потомствомъ говоритъ самая личность обвинителей: если характеръ Олега Владиміровича еще не вполнѣ извѣстенъ; за то братъ его Глѣбъ встрѣтится съ нами опять, въ качествѣ гнуснаго злодѣя. Впрочемъ обстоятельства были не въ пользу обвиненныхъ и дѣйствительно могли бросить тѣнь на ихъ поведеніе въ отношеніи къ Великому Князю. Киръ Михаилъ, занявшій Пронскъ по смерти отца, былъ зятемъ Всеволода Чермнаго, и потому отказался принять участіе въ походѣ на Кіевскаго князя. При этомъ очень вѣроятно извѣстіе, что Всеволодъ Чермный пересылался и съ прочими Рязанскими князьями; что онъ, неуспѣвши склонить ихъ совершенно на свою сторону, уговорилъ по крайней мѣрѣ способствовать къ примиренію съ Владимірскимъ княземъ. Какъ бы то нибыло послѣдній былъ сильно встревоженъ сношеніями Глѣбовичей съ Ольговичами, которыя могли быть представлены ему въ превратномъ видѣ. Великій Князь долго разсуждалъ съ своими совѣтниками, какъ поступить ему въ такомъ случаѣ, и рѣшился, скрывъ до времени свое неудовольствіе, захватить въ плѣнъ обвиненныхъ въ измѣнѣ.

Когда полки Всеволода разбили шатры по отлогому берегу Оки, на другой сторонѣ уже дожидались Рязанскіе отряды подъ начальствомъ осьми князей, именно; Романа и Святослава Глѣбовичей—послѣдній съ двумя сыновьями Мстиславомъ и Ростиславомъ; - потомъ Ингворя и Юрія Игоревичей, Глѣба и Олега Владиміровичей; при нихъ находилась и Муромская дружина съ Давидомъ Юрьевичемъ. Всеволодъ послалъ звать всѣхъ

князей къ себѣ въ лагерь, принялъ ихъ очень радушно и пригласилъ къ обѣду. Однако въ одномъ шатрѣ съ собою Великій Князь посадилъ только Олега и Глѣба; а остальные шестеро Рязанскихъ князей сѣли обѣдать въ другомъ шатрѣ. Ясно, что доносы объ измѣнѣ начались еще прежде; а теперь Всеволодъ хотѣлъ только привести дѣло въ ясность. Онъ послалъ Давида Муромскаго и своего тысяцкаго Михаила Борисовича уличать обвиненныхъ. Послѣдніе клятвами стали увѣрять въ своей невинности и просили назвать клеветниковъ. Князь Давидъ Муромскій и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ однаго шатра въ другой, пока Всеволодъ непослалъ вмѣстѣ съ ними Глѣба и Олега. Неизвѣстно, какія доказательства представили племянники въ изобличеніе дядей; знаемъ только результатъ переговоровъ, Всеволоду донесли наконецъ, что истина обнаружилась; тогда онъ велѣлъ схватить шестерыхъ князей вмѣстѣ съ ихъ боярами и отвести во Владиміръ. [80] Это происшествіе случилось 22 Сентября въ субботу. На другой день Всеволодъ переправился за Оку; отрядилъ судовую дружину съ съѣстными припасами внизъ по рѣкѣ къ Ольгову; а самъ съ остальными войсками пошелъ къ Пронску, огнемъ и мечемъ опустошая Рязанскую землю.

Осада Пронска.

Киръ Михаилъ, услыхавъ о приближеніи грозы, нерѣшился дожидаться ее въ своемъ городѣ, и, оставивъ Пронскъ, удалился къ тестю Всеволоду Черному. Граждане однако неупали духомъ, взяли къ себѣ третьяго Владиміровича Изяслава и рѣшились защищаться до крайности. Въ слѣдующую субботу Великій Князь подошелъ къ Пронску, и послалъ боярина Михаила Бо-

---

[80] Лавр. 182.

рисовича склонять граждан къ покорности безъ кровопролитія. Но Проняне надѣялись на твердость своихъ стѣнъ и отвѣчали гордымъ отказомъ. Великокняжескіе полки со всѣхъ сторонъ оступили городъ и отняли воду. Граждане бились храбро; по ночамъ они выходили изъ города и крали воду. Всеволодъ велѣлъ день и ночь караулить смѣльчаковъ, и разставилъ отряды у всѣхъ воротъ: сынъ его Константинъ сталъ на горѣ съ восточной стороны города; у другихъ воротъ помѣстился Ярославъ съ Переяславцами, у третьихъ Давидъ съ Муромцами; а самъ Великій Князь съ остальными войсками расположился за рѣкою на Половецкомъ полѣ. Граждане упорно защищались, и дѣлали частыя вылазки, чтобы достать воды. Интересный эпизодъ этой войны составляетъ битва у Ольгова. Всеволодъ отрядилъ съ своимъ полкомъ Олега Владиміровича за съѣстными припасами къ лодкамъ, которые стояли у однаго острова Оки противъ городка Ольгова. Когда Олегъ былъ у Ожска, пришла вѣсть, что Рязанцы вышли изъ города подъ начальствомъ третьяго Игоревича Романа и напали на Владимірскую судовую дружину. Великокняжескій отрядъ вовремя подоспѣлъ къ ней на помощь. Рязанцы, очутившись между двумя непріятелями, были разбиты; Романъ бѣжалъ въ Рязань; а Олегъ воротился назадъ съ побѣдою и съѣстными припасами. Около трехъ недѣль Проняне выдерживали осаду; наконецъ изнемогли отъ жажды, и 18 Октября въ день св. Ап. и Ев. Луки отворили ворота. Укрѣпивши ихъ крестнымъ цѣлованіемъ, Великій Князь оставилъ здѣсь Давида Муромскаго и своего посадника Ослядюка, [81] и, взявъ съ

[81] Въ Лавр. 182. сказано, что Великій Князь посадилъ въ Пронскѣ Олега Владиміровича. Но мы слѣдуемъ въ этомъ

собою супругу Киръ Михаила Вѣру Всеволодовну, его бояръ и все ихъ имущество, самъ пошелъ къ Рязани, сажая по городамъ своихъ посадниковъ. Недоходя 20 верстъ до города, онъ остановился возлѣ села Добрый Сотъ и готовился къ переправѣ черезъ Проню. Тутъ явились къ нему Рязанскіе послы съ повинною головою, и стали просить его, чтобы онъ неходилъ къ ихъ городу. Епископъ Арсеній къ своей стороны нѣсколько разъ присылалъ сказать Всеволоду: «Господинъ, Великій Князь, ты христіанинъ; непроливай же крови христіанской, неопустошай честныхъ мѣстъ, нежги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить всю твою волю.» Всеволодъ согласился даровать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы они выдали ему остальныхъ князей. За тѣмъ онъ повернулъ къ Окѣ и переправился черезъ нее подъ Коломною. Слѣдомъ за нимъ спѣшилъ епископъ Рязанскій. Сильный дождь, сопровождаемый бурею, взломалъ ледъ на Окѣ. Несмотря на опасность, Арсеній въ лодкѣ переѣхалъ рѣку, и догналъ Всеволода около устья Нерской. [88] Епископъ отъ имени всѣхъ Рязанцевъ пріѣхалъ просить Великаго Князя объ освобожденіи князей и окончательномъ примиреніи. Просьба его на этотъ разъ неимѣла успѣха. Всеволодъ повторилъ прежнее требованіе, чтобы присланы были остальные князья, и велѣлъ епископу слѣдовать за собою во Владиміръ, куда онъ воротился 21 Ноября. Рязанцы собрались, подумали, и рѣшили на время покориться необходимости,

Плѣнъ Рязанскихъ князей.

случаѣ извѣстію Лѣт. Пер. Суз. 108. тѣмъ болѣе, что Олегъ умираетъ вскорѣ не въ Пронскѣ, а въ Бѣлгородѣ. См. Ист. Р. Солов. IV. 375.

[88] Ник. II. 302. Лавр. 182.

т. е. взяли остальныхъ князей съ княгинями и отослали ихъ во Владиміръ. Впрочемъ далеко невсѣ Рязанскіе князья потеряли свободу. Владиміровичи Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ—замѣчательно, что послѣдній не былъ задержанъ,—недовольные тѣмъ, что Всеволодъ отдалъ Пронскъ не имъ, а Муромскому князю, въ слѣдующемъ 1208 г. съ Половцами явились подъ стѣнами города, и послали сказать Давиду, что Пронскъ приходится имъ отчина, а не ему. Послѣдній несталъ спорить и отвѣчалъ имъ: «братья, я не самъ набился на Пронскъ; посадилъ меня здѣсь Всеволодъ; теперь городъ вашъ, а я пойду въ свою волость.» Князья уладились между собою. Давидъ отправился въ Муромъ; въ Пронскѣ однако сѣлъ Киръ Михаилъ, а Олегъ Владимировичъ въ слѣдъ за тѣмъ скончался въ Бѣлгородѣ. [83]

Въ томъ же году Всеволодъ III отправилъ въ Рязань сына своего Ярослава, отпустивъ съ нимъ епископа Арсенія; а по другимъ городамъ разослалъ своихъ посадниковъ. Недолго однако Рязанцы смирялись передъ могуществомъ Великаго Князя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они нарушили крестное цѣлованіе; въ нѣкоторыхъ городахъ начались явныя возмущенія; многіе изъ Владимірцевъ были заключены въ оковы, а иные засыпаны въ погребахъ или повѣшены. Очень можетъ быть, что сами дружинники Великаго Князя были причиною новыхъ смутъ; они вѣроятно позволяли себѣ слишкомъ многое въ покоренныхъ городахъ и притѣсненіями вывели изъ терпѣнія жителей, и безъ того неотличавшихся мягкимъ характеромъ. Въ этомъ движеніи принималъ участіе и Глѣбъ Владиміровичь, ожидавшій безъ сомнѣ-

---

83 Л. Пер. Суд. 109.

нія получить отъ Великаго Князя болѣе, нежели онъ получилъ на самомъ дѣлѣ. Повидимому онъ расчитывалъ на Рязанскій столъ, и теперь съ неудовольствіемъ видѣлъ на немъ Ярослава Всеволодовича. Лѣтопись прямо говоритъ, что граждане Рязанскіе вошли въ сношенія съ Пронскими князьями Глѣбомъ и Изяславомъ Владиміровичами, и хотѣли выдать имъ Ярослава. Ярославъ, свѣдавъ о заговорѣ, сдѣлался очень остороженъ, и послалъ извѣстить обо всемъ отца. Всеволодъ немедленно пришелъ съ войскомъ къ Рязани и расположился подлѣ города. Ярославъ вышелъ къ нему на встрѣчу; явились и Рязанскіе послы; но вмѣсто изъявленія покорности они начали говорить Великому Князю «по своему обыкновенію дерзкія рѣчи.» [84] Тогда Всеволодъ приказалъ жителямъ вытти изъ города съ женами, дѣтьми, и съ имуществомъ, которое они могли унести. Рязань была отдана въ жертву пламени. Такой же участи подверглись Бѣлгородъ и нѣкоторые другіе города, вѣроятно тѣ самые, въ которыхъ сдѣлано насиліе Великокняжескимъ посадникамъ. За тѣмъ Всеволодъ пошелъ назадъ; жителей разоренныхъ Рязанскихъ городовъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества, а лучшихъ людей и епископа Арсенія взялъ съ собою во Владиміръ. Однако и теперь, послѣ такихъ жестокихъ уроковъ, князья, остававшіеся на свободѣ, все еще нехотѣли смиряться передъ могуществомъ Все-

---

[84] Ник. 11. 305. Лавр. 183. Извѣстіе о томъ, что Всеволодъ позвалъ Рязанцевъ за Оку *на ряды* и захватилъ ихъ, (Карам. III. прим. 130; а въ П. С. Р. Л. I. 211. сказано, что Всеволодъ позвалъ ихъ *на миръ*) вѣроятно относится къ Рязанскимъ боярамъ, къ лучшимъ людямъ, безъ которыхъ граждане немогли защищаться.

волода. Зимою 1209 г. Киръ Михаилъ и Изяславъ Владиміровичь, думая воспользоваться войною Всеволода съ Новогородцами, напали на его собственное княжество, и произвели грабежи около Москвы; но они незнали того, что Великій Князь и Новогордцы уже помирились. Всеволодъ послалъ противъ нихъ сына Юрія, который на рѣкѣ Тростнѣ уничтожилъ дружину Изяслава. Послѣдній едва успѣлъ спастись бѣгствомъ; а Киръ Михаилъ, недожидаясь непріятелей, бросился поспѣшно за Оку, и потерялъ много людей во время переправы. Въ слѣдующемъ 1210 г. Всеволодъ еще разъ послалъ войско въ Рязанскую землю подъ начальствомъ воеводы (меченоши) Козьмы Родивиновича, который завоевалъ берега рѣки Пры и съ большою добычею воротился во Владиміръ. [85]

Такимъ образомъ третій актъ борьбы Рязани съ Владиміро-Суздальскимъ княжествомъ кончился совершеннымъ покореніемъ первой. О Рязанскихъ князьяхъ болѣе неслышно до самой смерти Всеволода III. Рязанскіе города лишены были чести управляться хотя чужимъ княземъ и должны были опять подчиниться Владимірскимъ посадникамъ и тіунамъ. Униженіе было полное. Митрополитъ Матвей, пріѣзжавшій во Владиміръ мирить Ольговичей со Всеволодомъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи Рязанскихъ князей. Ему удалось только выпросить свободу княгинямъ. [86]

Освобожденіе Рязанскихъ князей.

Завоеваніе однако немогло быть прочнымъ. Причина успѣховъ главнымъ образомъ заключалась въ соединеніи

---

[85] Ник. 11. 306, 307 Тат. III. 353—366.

[86] Извѣстіе Татищева, будто Всеволодъ III по просьбѣ Матвея освободилъ всѣхъ Рязанскихъ князей и возвратилъ имъ княжество, очевидно невѣрно. 111. 366.

еніемъ съ одной стороны и въ разъединеніи съ другой; а потомъ и въ самой личности Великаго Всеволода, который безспорно былъ умнѣе всѣхъ современныхъ князей; хотя онъ уступалъ своему знаменитому брату въ величавости политическихъ стремленій; но также какъ и Андрей вѣрно умѣлъ разчитывать средства и ловко пользоваться обстоятельствами. Онъ однако немогъ стать выше узкихъ волостныхъ понятій своего времени, и непринялъ никакихъ мѣръ, чтобы упрочить свои пріобрѣтенія. Мало того, Всеволодъ самъ своимъ завѣщаніемъ приготовилъ неминуемыя усобицы между сыновьями, предоставивъ старшинство не Константину, а Юрію. 14 Апрѣля 1212 г. умеръ Великій Князь. Юрій Всеволодовичь, занявшій Владимірскій столъ, почти немедленно долженъ былъ вступить въ борьбу съ братомъ Константиномъ Ростовскимъ; а при такомъ условіи отцовскія завоеванія были для него только лишнимъ бременемъ. Рязанцы, недавно покоренные, безъ сомнѣнія еще несвыклись съ новымъ порядкомъ, и тяготились зависимостію отъ посадниковъ и тіуновъ чуждаго князя, тѣмъ болѣе, что оставались еще на свободѣ нѣкоторые Рязанскіе князья, какъ напримѣръ храбрый Изяславъ Владиміровичь и Киръ Михаилъ, которые всегда могли явиться въ своихъ отчинахъ съ дружинами Ольговичей или съ толпами Половцевъ. Отсюда понятно, почему Юрій послѣ первой же усобицы съ Константиномъ рѣшился освободить Рязанскихъ плѣнниковъ, по совѣту младшихъ братьевъ и бояръ. Онъ одарилъ князей и дружину ихъ золотомъ, серебромъ, копями; утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ на родину. [87] Этимъ добродушнымъ поступкомъ Юрій

[87] Л. Пер. Суз. 111.

за одинъ разъ избавлялъ себя отъ лишнихъ заботъ удерживать въ покорности Рязанцевъ и могъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ для борьбы съ Ростовскимъ княземъ. Послѣднее условіе по всей вѣроятности было одною изъ статей крестнаго цѣлованія. Однако въ послѣдствіи незамѣтно, чтобы Рязанцы помогали Юрію противъ Константина, между тѣмъ какъ Муромская дружина постоянно сопровождала его въ походахъ. Напротивъ, судя по словамъ однаго боярина передъ Липецкою битвою, можно подумать, что Рязанскіе князья держали сторону Константина. [88]

Второе поколѣніе Глѣбовичей. 1212—1237 г.

Не всѣ князья, плѣненные Всеволодомъ, воротились въ свою землю. Романъ Глѣбовичь скончался во Владимірской темницѣ; братъ его Святославъ, если и дожилъ до освобожденія, то немного времени пользовался своимъ старшинствомъ, и вѣроятно вскорѣ умеръ, потому что имя его потомъ уже ни разу невстрѣчается въ Рязанскихъ событіяхъ. Такимъ образомъ первое поколѣніе Глѣбовичей сошло со сцены во второмъ десятилѣтіи XIII ст. и уступило мѣсто своимъ сыновьямъ.

Въ 1216 г., послѣ Липецкой битвы, Константинъ возвратилъ свое старшинство, утраченное на время въ слѣдствіе отцовскаго завѣщанія. Незамѣтно однако, чтобы онъ имѣлъ значительное вліяніе на дѣла Рязанской области, и для насъ остаются совершенно неизвѣстными его отношенія къ сосѣднимъ князьямъ. Великій Князь по видимому предоставилъ Рязанцевъ самимъ себѣ и не хотѣлъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшиваться въ ихъ внутренніе раздоры. Такое поведеніе со стороны Константина мы объясняемъ во первыхъ дробленіемъ Суздальскаго Княжества; а во вторыхъ кроткимъ, миролюби-

---

[88] П. С. Р. Л. I. 213.

вымъ характеромъ Великаго Князя, который свою дѣятельность исключительно посвящаетъ на устроеніе собственныхъ волостей.

Братоубійство въ 1217 г.

Источники особенно скупы на извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ между смертію Всеволода и нашествіемъ Татаръ. Только одинъ случай обратилъ на себя вниманіе сѣверныхъ лѣтописцевъ (Ипат. л. совсѣмъ о немъ неупоминаетъ) и довольно подробно расказанъ ими. Но и тутъ передъ нами одни результаты предъидущихъ обстоятельствъ, которыя закрыты густымъ туманомъ. Это было въ 1217 г. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Глѣбъ Владиміровичъ, уже знакомый намъ съ темной стороны по событіямъ 1207 г. Онъ княжитъ по видимому въ самой Рязани; но недовольствуется старшимъ столомъ; а замышляетъ избить родичей вѣроятно для того, чтобы захватить ихъ волости. Глѣбъ дѣйствуетъ въ соединеніи съ братомъ Константиномъ. Ихъ злодѣйскій планъ задуманъ и приведенъ въ исполненіе довольно искусно. Глѣбъ приглашаетъ князей съѣхаться на рядъ, т. е. дружескимъ образомъ за чаркой крѣпкаго меду уладить на время безконечные споры объ удѣлахъ; подобные съѣзды, какъ мы знаемъ, не были рѣдкостію въ древней Руси. Шестеро внуковъ Глѣба, неподозрѣвая западни явились на его призывъ. Одинъ изъ нихъ Изяславъ Владиміровичъ, мужественный защитникъ Пронска, былъ родной братъ заговорщикамъ; остальные пять приходились имъ двоюродными, именно: Киръ Михаилъ Всеволодовичъ, Ростиславъ и Святославъ Святославичи, Романъ и Глѣбъ Игоревичи. Князья съ своими боярами и слугами приплыли въ лодкахъ и высадились на берегу Оки верстахъ въ 6 отъ столицы на мѣстѣ, называемомъ Исады. Здѣсь подъ тѣнью густыхъ вязовъ разбиты были шатры. 20 Іюля, въ день

Пр. Иліи, Глѣбъ пригласилъ въ свой шатеръ остальныхъ князей и съ видомъ радушія принялся угощать своихъ гостей; а между тѣмъ подлѣ шатра были скрыты вооруженные слуги обоихъ заговорщиковъ вмѣстѣ съ Половцами, и ожидали только знака, чтобы начать кровопролитіе. Когда веселый пиръ былъ въ самомъ разгарѣ и головы князей уже порядочно отуманились отъ паровъ, Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажили мечи и бросились на братьевъ... Всѣ шестеро были убиты; вмѣстѣ съ князьями погибло множество бояръ и слугъ. [89].

Конечно главную роль въ этой кровавой, возмутительной драмѣ играла самая личность братоубійцъ; но многое объясняется въ ней и характеромъ времени. Надобно представить себѣ ту отдаленную эпоху, когда волости и старшинство составляли главные интересы князей и поддерживали ихъ страсти въ постоянномъ напряженіи; надобно вспомнить о той грубости и дикости нравовъ, которыя еще упорно сопротивлялись благотворному вліянію христіанства и оставались вѣрны своимъ языческимъ началамъ, особенно по сосѣдству съ такими дикарями, какъ Половцы. Не въ одной Россіи, въ цѣлой Европѣ господствовала тогда грубая физическая сила; въ Германіи XIII вѣкъ представляетъ полное развитіе кулачнаго права. Незамѣтно однако, чтобы эта черная страница Рязанской исторіи произвела особенное впечатлѣніе на современниковъ. Лѣтописецъ начинаетъ свой расказъ обычнымъ воспоминаніемъ о Каинѣ, о Святополкѣ, о діавольскомъ прельщеніи и пр. потомъ, едва успѣвши передать самый фактъ, онъ обращается къ другимъ событіямъ, такъ что мы остаем-

---

[89] Лавр. 186. П. С. Р. Л. III. 36. Ник. II. 334.

точники. Въ жизни каждаго народа встрѣчаются грани, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ себѣ права гражданства въ исторической литтературѣ; слѣдуя обычаю, необходимо останавливаться передъ ними для того, чтобы оглянуться назадъ, вывести результаты изъ пройденнаго періода, и на описаніи мирной, домашней дѣятельности народа нѣсколько отдохнуть послѣ утомительной пересиективы безконечныхъ войнъ. Къ такимъ рубежамъ въ нашей исторіи принадлежитъ начало Татарскаго ига, важное вліяніе котораго на послѣдующее развитіе Русской жизни неможетъ быть подвержено сомнѣнію. Нѣтъ нужды прибавлять, что оно имѣло особенную важность въ исторіи Рязанскаго Княжества, которое должно было выдержать первый и самый сильный ударъ дикихъ завоевателей.

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА ВЪ КОНЦѢ XII И НАЧАЛѢ XIII В. В.

Природа края. Города по Окѣ и Пронѣ. Основное ядро Княжества. Границы. Муромскій удѣлъ. Сосѣдство съ Мордвою и Половцами. Христіанскій элементъ населенія. Характеристика князей и народа. Рязанскіе бояре. Средства пропитанія. Торговыя сношенія.

Географическое положеніе Рязанской области вообще можно обозначить среднимъ теченіемъ Оки вмѣстѣ съ ея протоками. Распредѣленіе пространства и населенія по обѣ стороны было неравное; южная часть далеко преобладала надъ сѣверною. Природа края непредставляетъ большаго разнообразія въ формахъ своей поверхности. Сѣверная т. е. Мещерская сторона Оки есть низменная, болотистая полоса съ тощею, печаною почвою. Въ старину она сплошь покрыта была лѣсами, значительные остатки которыхъ сохранились до нашихъ временъ. Бѣдное Финское населеніе, затерявшееся въ этихъ лѣсахъ, долго удерживало свою первобытную физіономію, и только въ недавное время его можно назвать обрусѣвшимъ. Не такъ бѣдна и однообразна природа на лѣвой Природа края.

или собственно Рязанской сторонѣ Оки. Здѣсь поверхность замѣтно поднимается; пригорки и углубленія сообщаютъ ей волнообразный характеръ: почва, сначала глинистая, чѣмъ далѣе идетъ къ югу, тѣмъ болѣе и болѣе переходитъ въ черноземную. Въ старину и эта полоса была богата лѣсами; но они оставляли довольно пространства лугамъ и нивамъ, и придавали мѣстности болѣе живописные виды, нежели на сѣверѣ. На югѣ эта полоса ограничивалась тою кривою линіею, которая обозначаетъ водораздѣлъ притоковъ Оки и Дона между верховьями Упы и Воронежа. Далѣе къ югу лѣса болѣе и болѣе рѣдѣли и уступали мѣсто кустарникамъ, которые переходили въ открытую степь.

Города по Окѣ и Пронѣ.

Первое славянское поселеніе первое зерно русской цивилизаціи, брошенное на финскую почву средней Оки, какъ извѣстно, былъ городъ Рязань. Онъ лежалъ на крутомъ берегу рѣки версты четыре ниже устья Прони. Судя по остаткамъ Старо-Рязанскихъ валовъ, площадь города представляла форму прямоугольника, и имѣла въ длину немного болѣе $\frac{3}{4}$ версты, а въ ширину немного менѣе. Изъ внутреннихъ построекъ города положительно извѣстенъ только каменный соборъ во имя Бориса и Глѣба, сооруженный, если неошибаемся, Глѣбомъ Ростиславичемъ. Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ храмѣ подъ 1194 г. потому, что въ немъ похороненъ былъ Игорь Глѣбовичъ.[92] Новѣйшія археологическія излѣдованія неоставляютъ сомнѣнія въ томъ, что до XIV в. онъ служилъ мѣстомъ погребенія для княжеской фамиліи.[93] Мы уже говорили, что основаніе Рязани,

---

[92] Ник. II. 260.

[93] Въ 1836 г. одинъ купеческій сынъ изъ города Спасска, по имени Дмитрій Тихоміровъ, молодой ревностный археологъ

какъ Черниговской колоніи, удовлетворяло современнымъ стратегическимъ и административнымъ потребностямъ. Потомъ, когда этотъ городъ сдѣлался центромъ особеннаго княжества, то естественно онъ послужилъ исходнымъ пунктомъ, откуда Славянскія поселенія мало по малу распространились по окрестнымъ землямъ. Князья Рязанскіе, какъ и всѣ другіе, старались увеличивать число городовъ въ своихъ волостяхъ. Этимъ числомъ измѣрялось въ то время могущество князей; города лучше всего закрѣпляли за ними туземныя племена и служили защитою для края. Судя по незначительнымъ размѣрамъ дошедшихъ до насъ городковъ и городищъ, построеніе такихъ укрѣпленій непредставляло большихъ трудностей, и для нихъ всегда можно было найти нѣсколько десятковъ или сотенъ людей отъ излишка населенія, накопившагося въ другихъ мѣстахъ, потомъ изъ туземныхъ жителей, изъ плѣнныхъ и т. д.

производилъ цѣлое лѣто раскопки на Старо-Рязанскомъ городищѣ, и снесъ одинъ изъ двухъ холмовъ, который по преданію заключалъ въ себѣ остатки собора. Дѣйствительно здѣсь открыты были основаніе церкви, полъ изъ каменныхъ плитъ, большое количество гробовъ изъ тесанаго камня со скелетами внутри, остатки одеждъ и пр. Подробности открытій см. въ статьѣ того же Тихомірова: «Историч. свѣд. объ археологич. изслѣд. въ Старой Рязани.» М. 1844. г. Другой холмъ, который по преданію образовался на мѣстѣ княжескаго терема, къ сожалѣнію до сихъ поръ остается нетронутымъ. Г. Ходаковскій, въ опроверженіе г. Калайдовича (Письма къ А. Ѳ. Малиновскому), доказывалъ, что предположеніе о княжескомъ дворцѣ невѣроятно, потому что въ XIII ст. еще не было въ обыкновеніи у Русскихъ князей жить въ каменныхъ дворцахъ. Оба холма по его мнѣнію заключаютъ остатки церквей. Ист. сборн. Погод. Т. I.

Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе Рязанской колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ Славянской гражданственности въ Мещерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ борьба между Рязанскимъ и сосѣднимъ Суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI ст.; слѣдовательно являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи Рязанской области господствуетъ надъ лѣвымъ; мѣстами онъ довольно высокъ, обрывистъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно въ концѣ XII и въ началѣ XIII вв. мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое гдѣ уцѣлѣвшіе по окрайнамъ крутаго берега: другія напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы: Городецъ, Городище, Городецкая и пр.; были и такія, которыя неоставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Если отъ Рязани пойдемъ вверхъ по Окѣ, то первый извѣстный городъ на правомъ берегу встрѣчается намъ Ожскъ. Далѣе за нимъ находимъ Ольговъ, [94] который занималъ высокій обрывистый уголъ, образуемый впаденіемъ въ Оку рѣчки Гусевки. Слѣды крѣпости замѣтны до сихъ поръ. Между двумя упомянутыми городами лежалъ третій Козарь, но только на противуположномъ берегу рѣ-

[94] Лавр. 182. Судя по расказу лѣтописи Ожскъ былъ недалеко отъ Ольгова внизъ по Окѣ, можетъ быть, на мѣстѣ однаго изъ теперешнихъ селъ Вышгорода или Половскаго; первое обращаетъ на себя вниманіе своимъ именемъ, а второе слѣдами осыпей со стороны рѣки.

ки. Объ немъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1147 г. «Того же лѣта въ Резани во градѣ Козари отъ иконы святыя Пятницы быша чудеса и исцѣленія многа.» [95] Верстахъ въ 12 повыше Ольгова возникалъ Переяславль Рязанскій. Происхожденіе этаго города связано съ религіознымъ началомъ. Подъ 1095 г. упомянуто о заложеніи его около церкви св. Николы Стараго; а потомъ подъ 1198 г. говорится, что при Великомъ князѣ Рязанскомъ Романѣ Игоревичѣ епископъ Арсеній 1-й заложилъ Переяславль у Озера Карасева. [96] Эти два извѣстія объ основаніи того же города нисколько непротиворѣчатъ другъ другу. Если существовала церковь, то подлѣ нея навѣрно было какое нибудь поселеніе. Въ концѣ XI в. положено начало укрѣпленіямъ; ихъ то надобно подразумѣвать въ первомъ извѣстіи о заложеніи города. Въ послѣдствіи явилась потребность увеличить его размѣры, и, спустя столѣтіе, въ Переяславлѣ воздвигаются новыя укрѣпленія по благословенію перваго Рязанскаго епископа съ молитвословіемъ и освященіемъ воды. [97]

---

[95] Ник. 11. 103. Мы предполагаемъ его мѣстность тамъ, гдѣ теперь находится село того же имени. Впрочемъ въ этомъ отношеніи сомнительно полагаться на одну Ник. лѣт., которая неслишкомъ разборчиво придаетъ многимъ мѣстамъ названіе городовъ.

[96] Ряз. Дост.

[97] При этомъ позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующую догадку. Съ XV вѣка положительно извѣстно, что Переяславль Рязанскій состоялъ собственно изъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ города (кремля) и острога, которые стояли рядомъ другъ подлѣ друга. Очень можетъ быть что второе извѣстіе объ основаніи Переяславля относится къ острогу. Самое участіе Епископа въ этомъ дѣлѣ становится понятно, если вспом-

верстахъ въ 30 повыше Переяславля лежалъ городъ Борисовъ-Глѣбовъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1180 г.[98] На рѣкѣ Москвѣ близь ея устья стояла знаменитая Коломна.[99] Въ первый разъ въ лѣтописи она является подъ 1177 г. по случаю похода Всеволода на Глѣба Рязанскаго; послѣднему можно приписать ея построеніе. Этотъ городъ немного выдавался за естественную границу Рязанскаго княжества и долженъ былъ служить ему оплотомъ со стороны сосѣдняго Суздаля. Коломна, какъ мы видѣли, была первою преградою на томъ водномъ пути, которымъ обыкновенно Суздальскіе князья отправлялись на Рязанскую землю; тотъ же водный путь связывалъ Суздальскую область съ волостями Сѣверскихъ князей или собственно съ землею Вятичей, что было невыгодно для Рязанцевъ въ случаѣ одновременной вражды съ тѣми и другими сосѣдями; примѣръ тому мы уже видѣли во время войнъ Юрія Долгорукаго

нимъ, что внутри острога помѣщалась соборная Борисо-Глѣбская церковь; тутъ же находились архіерейскій домъ и владычняя слобода.

[98] Лавр. 164. По смыслу лѣтописнаго расказа этотъ городъ стоялъ на дорогѣ отъ Коломны къ Старой Рязани. Вѣроятно онъ находился на правомъ берегу Оки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ запустѣлое *Романово* городище съ значительными остатками укрѣпленій. По туземному преданію городище запустѣло отъ того, что жители его переведены въ нынѣшній уѣздный Ярославской губ. городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ; а городищенская церковь Бориса и Глѣба перенесена въ близь лежащее село Вакино. Изсл. и Лек. Погод. IV. 248.

[99] «*Коломень* ближайшій округъ; *околомень* подлѣ.» Чт. Об. И. и Д. Л. 3. Опытъ рус. прост. слов. Макарова.

съ Ростиславомъ Рязанскимъ. Слѣдовательно, положеніе Коломны въ стратегическомъ отношеніи было очень важно; отсюда понятно, почему оно становится постояннымъ яблокомъ раздора между двумя княжествами. Близъ впаденія Осетра, по лѣвую сторону, возвышались укрѣпленія Ростиславля. Это единственный Рязанскій городъ, за исключеніемъ Переяславля, объ основаніи котораго упоминаютъ лѣтописи: Ростиславъ Ярославичъ построилъ его въ 1153 г. [100] Если неошибаемся, это былъ крайній сѣверозападный пунктъ собственно Рязанскихъ поселеній. Здѣсь онѣ сталкивалась съ городами Вятичей, которыхъ построеніе шло на встрѣчу Рязанскимъ, т. е. отъ верховьевъ Оки.

Въ одно время съ своимъ главнымъ направленіемъ Рязанская колонизація, исходя отъ того же пункта, пошла еще вверхъ по Пронѣ, и составила другую линію укрѣпленій, обращенную на югъ. Какъ тамъ представлялась потребность огородить княжество со стороны Суздальцевъ, такъ здѣсь необходимо было воздвигнуть рядъ крѣпостей въ защиту отъ Половцевъ, которые со второй половины XI в. изъ своихъ степей сильно напирали на юговосточныя украйны. Лѣвый берегъ Прони, также какъ правый Оки, возвышенный и холмистый, довольно хорошо соотвѣтствовалъ своему назначенію. Къ сожалѣнію источники сохранили намъ слишкомъ мало именъ, которыя можно было бы размѣстить въ этомъ направленіи. Въ эпоху до татарскую мы знаемъ здѣсь только одинъ городъ Пронскъ. О Пронскихъ князьяхъ лѣтопись упоминаетъ еще подъ 1131 г.; какъ о городѣ о немъ въ первый разъ говорится подъ 1146

[100] Теперь на мѣстѣ его находится погостъ Ращиловъ и видны остатки крѣпости.

г. [101] Онъ стоялъ тамъ же, гдѣ и теперь: на крутомъ берегу Прони, окруженный глубокими лощинами и оврагами. Изъ двукратной осады города въ 1186 и 1207 г. г. можно заключить, что положеніе его было довольно крѣпкое и неприступное, что онъ имѣлъ трое воротъ; но что главное неудобство для жителей состояло въ недостаткѣ воды, рыть колодцы вѣроятно было затруднительно по высотѣ площади; и непріятели обыкновенно перехватывали сообщеніе съ рѣкою; а граждане должны были сдаваться отъ жажды. По другую сторону рѣки разстилалось низменное, открытое пространство, которое носило многозначительное названіе Половецкаго поля. Далѣе намъ извѣстно еще одно поселеніе на берегахъ Прони ближе къ ея устью, верстахъ въ 30 отъ Рязани, по имени Добрый Сотъ. Лѣтопись неназываетъ его городомъ, и все убѣждаетъ въ томъ, что это было простое село. [102] Противъ него лежала переправа на пути изъ Пронска въ Рязань. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Пронска были и другіе города по лѣвому берегу Прони; на это указываютъ съ одной стороны слѣдующее выраженіе лѣтописи по поводу извѣстныхъ событій въ 1207 г: «а самъ (Всеволодъ) поиде къ Рязаню (отъ Пронска), посадники посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ;» съ другой, значительное количество городищъ, разсѣянныхъ по тому же берегу.

Основное ядро Княжества.

Пространство земли, заключенное между Пронею и тою частію Оки, которую мы прослѣдили, составляло неизмѣнное, основное ядро княжества, около котораго Рязанскіе предѣлы въ разныя времена то сжимались, то

---

[101] Нак. 11. 93.

[102] Лавр. 182. Оно существуетъ и теперь подъ тѣмъ же именемъ и неимѣетъ никакихъ слѣдовъ старинныхъ укрѣпленій.

расширялись. Оно имѣло подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За третью сторону треугольника приблизительно можно принять линію, проведенную отъ истоковъ Прони къ устью Осетра, т. е. къ городу Ростиславлю. Рѣка Осетръ, если не на всемъ протяженіи, то по крайней мѣрѣ въ среднемъ и нижнемъ теченіи своемъ составляла здѣсь естественную границу Рязанской области. На пограничное значеніе рѣки Осетра указываетъ походъ Святослава Ольговича, который спасался отъ преслѣдованія Давыдовичей въ 1146 г. Этотъ походъ имѣетъ такое же географическое значеніе для земли Вятичей, какое позднѣйшіе походы Всеволода для Рязанской. Особенно замѣчательно самое направленіе пути Святослава. Изъ Козельска онъ пошелъ въ Дѣдославль, т. е. къ верховьямъ Упы; а отсюда двинулся на сѣверъ, перешелъ рѣку Осетръ, и направился къ Колтеску, который по всей вѣроятности лежалъ на правомъ берегу Оки противъ устья рѣчки Лопасни. Нѣтъ сомнѣнія, что путь отъ Дѣдославля въ Колтескъ проходилъ близъ западныхъ границъ Рязанскаго княжества. Впрочемъ въ половинѣ XIII в. едва ли эти границы уже опредѣлились. Нижнее теченіе Осетра закрѣплено было за Рязанью основаніемъ Ростиславля и Зарайска. Съ началомъ послѣдняго города связано интересное сказаніе «О приходѣ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града въ предѣлы Резанскіе ко князю Ѳедору Юрьевичу Резанскому во второе лѣто по Калкскомъ побоищѣ.» [103] Первое осно-

---

[103] Вотъ содержаніе этаго сказанія:

Въ 1224 г. великій чудотворецъ Николай Корсунскій и Зарайскій явился въ городѣ Херсонѣ своему служителю Евста-

ваніе Зарайска можно отнести къ концу XII в. т. е. къ тому времени, когда возникли споры Рязанскихъ князей съ Черниговскими за границы. Хотя построеніемъ Ростиславля заключилось движеніе Рязанской колонизаціи вверхъ по Окѣ, потому что оно сталкива-

---

фію во снѣ, и сказалъ ему: «Евстафій возьми образъ мой, супругу свою Феодосію, сына Евстафія и ступай въ Рязанскую землю.» Видѣніе повторилось и въ слѣдующую ночь. Евстафій пришелъ въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что онъ *никогда неслыхалъ* о Рязанской землѣ, и незналъ, въ какой сторонѣ она находится. Святитель является въ третій разъ, толкаетъ Евстафія въ ребра, и велитъ немедлено итти, какъ будто (яко) на востокъ, самъ обѣщаясь проводить его до Рязанской земли. Евстафій впалъ еще въ большій трепетъ и уныніе; но продолжалъ медлить, потому что ему нехотѣлось разстаться съ прекраснымъ городомъ Корсунемъ. Наконецъ на него напала слѣпота, и очи покрылись будто чешуею. Тогда Евстафій раскаялся въ своемъ непослушаніи, въ слезахъ припалъ къ чудотворному образу и получилъ исцѣленіе. Собравшись въ путь, онъ сначала думалъ отправиться вверхъ по Днѣпру, надѣясь съ Божіею помощію пройти землю Половцевъ, о которыхъ расказывали ему знающіе люди. Но угодникъ указалъ другой путь: онъ велѣлъ ему сѣсть на корабль въ Днѣпровскомъ устьѣ, и Чернымъ моремъ плыть до моря Варяжскаго; потомъ сухимъ путемъ черезъ Нѣмецкія области итти до Новгорода и оттуда до Рязанской земли. Евстафій все это исполнилъ. Когда онъ остановился на нѣкоторое время въ Новгородѣ, послѣдній такъ понравился его женѣ, что она нехотѣла болѣе слѣдовать за мужемъ и рѣшилась отъ него скрыться: за это ее постигла тяжкая болѣзнь, отъ которой она избавилась только по молитвѣ мужа. Путники наконецъ достигли Рязанской земли. Между

лось съ городами Вятичей, которые были довольно часты въ этомъ мѣстѣ, какъ показываетъ походъ Святослава. (Колтескъ, Неринскъ, Тѣшиловъ и Лобынскъ); тѣмъ неменѣе мы рано замѣчаемъ попытки Рязанцевъ занять пограничныя Черниговскія волости. Въ 1176 г. Олегъ Святославичь Лопастенскій отнялъ у нихъ назадъ Свирѣлескъ; а въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичь собираетъ Черниговскихъ и Сѣверскихъ князей, чтобы итти съ ними на Рязанскихъ, вѣроятно въ слѣдствіе

тѣмъ какъ Евстафій недоумѣвалъ, гдѣ именно ему остановиться, св. угодникъ явился юному Рязанскому князю Θедору Юрьевичу и велѣлъ ему итти на встрѣчу своего чудотворнаго образа; «хочу быть здѣсь,» говорило видѣніе, «творить чудеса и прославить это мѣсто; буду молить Бога чтобы онъ сподобилъ небеснаго царствія тебя вмѣстѣ съ твоею женою и сыномъ.» Θедоръ былъ устрашенъ видѣніемъ; особенно его удивляли слова о женѣ и сынѣ, потому что онъ еще невступалъ въ бракъ. Однако князь отправился немедленно на встрѣчу Корсунцамъ и узналъ чудотворный образъ по лучезарному сіянію. Взявши икону, онъ принесъ ее въ свой удѣлъ и послалъ вѣсть о ея приходѣ къ своему отцу Великому князю Рязанскому Юрію Игоревичу. Послѣдній прибылъ къ сыну вмѣстѣ съ епископомъ Евфросиномъ Святогорцемъ. Они создали храмъ во имя чудотворца Николая Корсунскаго и воротились въ свой городъ. Немного лѣтъ спустя, Θедоръ Юрьевичь вступилъ въ бракъ и взялъ супругу изъ царскаго рода, по имени Евпраксію, которая родила ему сына Іоанна Постника. Когда же князь Θедоръ былъ убитъ по повелѣнію Батыя, и вѣсть о томъ дошла до княгини Евпраксіи, она бросилась изъ высокаго терема на землю и заразилась (убилась) вмѣстѣ съ сыномъ. Тѣла супруговъ и сына были погребены возлѣ храма Николая Кор-

подобныхъ же попытокъ. Такимъ образомъ центральная область Рязанскаго княжества, тщательно огороженная съ сѣвера и юга, только на западѣ представляла не ясную и мало защищенную границу. Конечно съ этой стороны ему негрозила такая опасность, какъ съ двухъ другихъ, и небыло надобности ее огораживать. Восточный уголъ треугольника, опиравшійся на городъ Рязань, уже нѣсколько выдавался за естественные предѣлы; являлась потребность огородить столицу княжества отъ нечаяннаго нападенія съ той стороны. Дѣйствительно въ окрестностяхъ древней Рязани внизъ по Окѣ можно встрѣтить теперь до 10 мѣстъ, носящихъ названіе городовъ и городищъ; но отъ древней эпохи намъ извѣстно только два имени: Бѣлгородъ и

сунскаго, который по этой причинѣ сталъ называться Зарайскимъ. Врем. (О. И. и Д. №. 15.) «Чудотворная икона Святителя Николая съ тѣхъ поръ до нынѣ хранится, благоговѣйно чествуемая, въ Зарайскомъ соборѣ, который въ нынѣшнемъ видѣ воздвигнутъ на мѣстѣ прежней церкви въ 1681 г. Но еще прежде, именно въ 1608 г. по повелѣнію Царя Василія Ивановича Шуйскаго икона эта окована украшающею ее теперь золотою ризою съ дорогими каменьями.» Надеждинъ. (Ж. М. В. Д. 1848 г. Мартъ). Невходя въ разборъ этого сказанія, мы замѣтимъ только, что оно бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны дотатарской эпохи. Прямое заключеніе, которое изъ него вытекаетъ, состоитъ въ томъ, что на мѣстѣ теперешняго Зарайска въ началѣ XIII в. существовалъ городъ. Княжескій теремъ, погребеніе княжескаго семейства подлѣ храма, подтверждаемое тремя каменными крестами, которые поставлены надъ гробницами-все доказываетъ, что здѣсь было мѣсто пребываніе удѣльнаго князя Ѳедора Юрьевича, слѣдовательно поселеніе болѣе или не-

Ижеславецъ. Первый три раза упоминается въ лѣтописяхъ: подъ 1155 г. по поводу убіенія въ немъ тысяцкаго Андрѣя Глѣбова; въ 1208 г. въ немъ умеръ Олегъ Владиміровичь и положенъ въ церкви св. Спаса; въ томъ же году онъ былъ сожженъ Всеволодомъ. Судя по смыслу послѣдняго извѣстія, Бѣлгородъ находился недалеко отъ Рязани внизъ по Окѣ. Ижеславецъ приводится въ числѣ Рязанскихъ городовъ, разоренныхъ Батыемъ; онъ, надобно полагать, лежалъ къ сѣверо-востоку отъ столицы близъ устья рѣки Пры. [104]

Около описаннаго нами треугольника Рязанскія владѣнія въ разныя времена то сжимались, то расширялись. Но тщетно было бы стараніе назначить имъ точные предѣлы; они никогда небыли строго опредѣлены со всѣхъ сторонъ, особенно въ ту эпоху, на которой мы Границы.

нѣе укрѣпленное. Очень можетъ быть, что позднѣйшее имя Зарайска привело въ забвеніе другое названіе, подъ которымъ этотъ городъ былъ извѣстенъ въ прежнее время. Г. Надеждинъ думаетъ, неназывался ли онъ Новгородъ на Осетрѣ, который упоминается въ числѣ городовъ Рязанскихъ по Воскр. списку. Что касается до имени Зарайскъ (въ Кн. Бол. Черт. Заразескъ), то нельзя утвердительно сказать, чтобы оно произошло отъ глагола заразить есть слово *зарязы*, означающее одну (лѣсистую) мѣстность на крутомъ берегу Москвы. (Мос. Вѣд. 1857. N 63. Село Коломенское). По мнѣнію нѣкоторыхъ Зарайскъ находится въ связи съ словомъ *рясы*; въ такомъ случаѣ происходитъ отъ однаго корня съ Рязанью, Ряжскомъ и пр.

[104] Въ Зап. объ Арх. Из. въ Ряз. губ. 25 — 27. Тихоміровъ предполагаетъ, что Бѣлгородъ былъ на мѣстѣ деревни Городецъ въ 10 верстахъ отъ Рязани, а Ижеславецъ на мѣстѣ села Ижевское; то и другое очень вѣроятно.

остановились. Причины заключались въ малонаселенности края, который мѣстами представлялъ совершенную дичь и глушь; притомъ Рязань лежала на Русской украйнѣ, которая незамѣтно переходила въ безконечныя степи. Впрочемъ попытаемся на основаніи немногихъ данныхъ приблизительно очертить предѣлы княжества во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII в.

Пространство, заключенное между Окою, Клязьмою и Москвою, имѣло болотистую почву и почти сплошь было покрыто лѣсами. Славянская колонизація пока еще непроникала въ эти печальныя дебри. По крайней мѣрѣ мы незнаемъ здѣсь ни одного города, за исключеніемъ прибрежьевъ Оки. На полянахъ посреди лѣсовъ попадались хижины бѣдной Мещеры; кое гдѣ хижины эти собирались въ группы и составляли селенія, особенно по теченію притоковъ Оки. Такъ походъ Кузьмы Родивоновича съ Суздальцами въ 1210 г. указываетъ на присутствіе значительнаго населенія на берегахъ Пры, потому что воевода возвратился назадъ съ большимъ полономъ. Сѣверная граница, отдѣлявшая Рязанскую Мещеру отъ Суздальской, начиналась отъ рѣки Москвы нѣсколько выше Коломны; ее можно провести именно отъ устья рѣки Нерской, если предположить, что послы Рязанскаго князя въ 1176 г. встрѣтили Михаила Юрьевича Суздальскаго на границѣ своей земли. Далѣе она шла приблизительно мимо верховьевъ Цны, Пры и Гуся, и терялась въ земляхъ собственно Муромскихъ.

Муромскій удѣлъ. Свѣденія наши о географіи Муромскаго княжества такъ бѣдны, что мы должны довольствоваться почти одними предположеніями. Границы его на сѣверѣ простирались по крайней мѣрѣ до Клязьмы, а на югѣ до устьевъ Гуся съ одной стороны и Мокши съ другой.

Признаки жизни и дѣятельности въ этомъ углу древней Россіи замѣтны только на берегахъ Оки. Мы рѣшительно невстрѣтили здѣсь ни однаго города за исключеніемъ Мурома; можемъ впрочемъ предполагать, что были и другіе: вѣтвь Муромскихъ Ярославичей уже въ XII в. приняла значительные размѣры; немогла же вся она сосредоточиться только въ одномъ Муромѣ; а древніе князья наши неимѣли обыкновенія жить въ неукрѣпленныхъ селеніяхъ, тѣмъ болѣе по сосѣдству съ воинственными дикарями. Самый городъ Муромъ расположенъ на одномъ изъ высокихъ холмовъ лѣваго берега Оки; съ юговостока къ нему прилегали лѣса, а съ сѣверозапада поле. (Въ 1096 г. на полѣ передъ городомъ сразились дружины Олега Святославича и Изяслава Владиміровича; часть воиновъ Изяславовыхъ послѣ пораженія искала спасенія въ лѣсу). Имѣя довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ Камскими Болгарами, Муромъ очень рано сдѣлался однимъ изъ зажиточныхъ городовъ древней Россіи. Въ стратегическомъ отношеніи онъ до начала XII в. служилъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ Сѣверовосточной Руси и нерѣдко долженъ былъ выдерживать нападенія со стороны Мордвы и Камскихъ Болгаръ; но въ 1221 г. Великій Князь Владимірскій Юрій II заложилъ на устьѣ Оки Нижній Новгородъ, и Муромъ отчасти утратилъ свое прежнее значеніе. Со времени Долгорукаго Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ Суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XIII в. оно сохраняло одну тѣнь самостоятельности, и только безъусловною покорностію сосѣду Муромскіе князья пріобрѣли себѣ право на спокойное владѣніе своими волостями. Связь Мурома съ Рязанью впрочемъ долго непрекращалась, потому что кромѣ родства кня-

жескихъ вѣтвей ее поддерживали церковныя отношенія; сначала оба княжества въ дѣлахъ іерархіи подчинены были Черниговскому епископу, а съ конца XII вѣка составили вмѣстѣ особую епископію. Но самою живою непрерывною связью, разумѣется, служила имъ кормилица Ока; если мы неможемъ указать на города, которые существовали по ея берегамъ между Муромомъ и Ижеславлемъ, по крайней мѣрѣ селенія рыбаковъ небыли тамъ рѣдки. Въ 1228 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ умеръ схимникомъ Давидъ Юрьевичь, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ кончины однаго изъ своихъ сыновей. Отцовскую волость наслѣдовалъ другой сынъ Юрій. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ сестра его, бывшая за мужемъ за Святославомъ, сыномъ Всеволода III, въ томъ же году удалилась въ Муромъ къ братьямъ и постриглась здѣсь въ монастырь. [105] Конечно Юрій Давидовичь не одинъ властвовалъ въ княжествѣ, и долженъ былъ дѣлить ее съ родными и двоюродными братьями.

На востокѣ и югѣ Рязанскіе предѣлы еще менѣе могли имѣть опредѣленный характеръ, нежели на сѣверѣ и западѣ. Въ послѣднемъ случаѣ расиространеніе границъ встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны

---

[105] Лавр. 191. По поводу смерти Давида Юрьевича и его сына Карамзинъ въ видѣ вопроса предложилъ слѣдующую догадку: «не сынъ ли сего Давида признавъ Святымъ подъ Именемъ Петра, коего память бываетъ 25 Іюня? см. Прологъ. Мощи сего князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ соборѣ.» III. пр. 369. Есть другое мнѣніе, которое подъ св. княземъ Петромъ разумѣетъ самаго Давида Юрьевича. «Памят. и пред. Влад. губерніи.» Отеч. Зап. 1857 г. Іюнь. (О. Іоасафъ).

Суздальскихъ и Сѣверскихъ князей, между тѣмъ какъ въ противуположномъ направленіи Рязанская колонизація довольно свободно могла углубляться въ сосѣдніе лѣса и степи. Здѣсь она встрѣчала дикія племена Финновъ и Половцевъ, которые должны были отступать передъ высшею ступенью гражданственности, и дѣйствительно границы княжества незамедлили далеко раскинуться въ эту сторону. На востокѣ онѣ терялись въ Мордовскихъ дебряхъ. Впрочемъ мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, чтобы указать на нихъ приблизительно. Во первыхъ городъ Кадомъ, упоминаемый подъ 1209 г., можно принять за крайній Рязанскій пунктъ по рѣкѣ Мокшѣ; во вторыхъ при нашествіи Батыя говорится, что Татары стали на Онозѣ, а Рязанскіе князья встрѣтили ихъ на границахъ своихъ владѣній и стали на Воронежѣ. Что берега Воронежа были заселены, на это указываетъ эпизодъ о Ярополкѣ Ростиславичѣ, который послѣ битвы на Колокшѣ искалъ убѣжища у здѣшнихъ жителей. [106] Во второй половинѣ XI и въ началѣ XII в. в. все пространство къ югу отъ Прони было занято кочевьями Половцевъ; но въ XII столѣтіи Славянское начало мало по малу начало оттѣснять кочевниковъ далѣе въ степи. Берега верхняго Дона покрылись цвѣтущими городами; впрочемъ дѣйствительно ли они были «красны и нарочиты зѣло,» какъ говорится въ извѣстномъ путешествіи митрополита Пимена, объ этомъ судить трудно; можетъ быть авторъ увлекся тутъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Имена этихъ городовъ остались для насъ неизвѣстны за исключеніемъ однаго или

---

[106] Лавр. 163. Въ Ник. II. 236 г. сказано, что онъ здѣсь переходилъ изъ города въ городъ; но мы уже замѣтили, что ея слова въ этомъ случаѣ нельзя принимать буквально.

двухъ. Недалеко отъ истоковъ Дона, какъ видно, лежалъ Киръ Михайловъ; по названію города можно предположить, что основателемъ его былъ Пронскій князь Киръ Михаилъ; Пронскъ, какъ видно служилъ митрополіею Придонскихъ колоній. Далѣе можно еще назвать Дубокъ на Дону. [107] Самымъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ на Рязанской украйнѣ былъ Елецъ, расположенный на нижнемъ теченіи Быстрой Сосны; онъ упоминается въ первый разъ подъ 1147 г. [108]

Сосѣдство съ Мордвою и Половцами.

Итакъ съ востока и юга Муромо-Рязанское княжество въ видѣ дуги облегало обширныя земли Мордвы и Половцевъ. Сосѣдство дикарей конечно немогло не имѣть значительнаго вліянія на внутреннее и внѣшнее развитіе княжества: отношенія къ нимъ вообще были враждебные. Рѣже лѣтописи упоминаютъ о войнахъ съ Мордвою, чаще о Половцахъ. До XIII в. мы собственно одинъ разъ встрѣтили серьезную войну съ первыми, именно въ 1103 г.; о мелкихъ столкновеніяхъ лѣтописцы умалчиваютъ; слухи изъ этой глухой стороны конечно доходили до нихъ рѣдко. По этому для насъ очень важно описаніе походовъ, которые были совершены въ 20-хъ годахъ XIII ст. войсками Великаго Князя Юрія II. Первый походъ предпринятъ былъ осенью 1228 г. подъ начальствомъ племянника Юрьева Василька и боярина Еремея Глѣбовича Окою и Волгою; но изъ за Нижняго они воротились по случаю ненастной погоды. Зимою того же года, въ генварѣ, самъ Великій Князь съ бра-

---

107 Ник. II. подъ 1146.

108 Гораздо вѣроятнѣе однако, что этотъ городъ въ тѣ времена принадлежалъ Сѣверскому княжеству, а не Рязанскому, какъ показываетъ раздѣлъ волостей между сыновьями Михаила Всеволодовича Черниговскаго въ половинѣ XIII в.

томъ Ярославомъ, двумя племянниками и Юріемъ Давидовичемъ Муромскимъ двинулся въ Мордовскую землю и напалъ на волость Пургаса. Русскіе пожгли и потравили жито, избили скотъ, а плѣнниковъ отослали домой. Мордва укрылась въ лѣса и тверди; а тѣ, которые неуспѣли спастись, были избиты отроками Юрія. Отроки другихъ Суздальскихъ князей, желая также отличиться или расчитывая на добычу, потихоньку углубились въ лѣсную чащу; но попали въ засаду, и были истреблены непріятелями, которые въ свою очередь неизбѣжали мести со стороны Русскихъ. Въ тоже время одинъ изъ Болгарскихъ князей пришелъ на Пуреша, другаго Мордовскаго владѣтеля и притомъ Юрьева присяжника; но, услыхавъ о томъ, что Великій Князь жжетъ Мордовскія села ночью бѣжалъ назадъ. Русскіе князья воротились домой съ полнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году Пургасъ попытался было отомстить за опустошеніе своей волости и напалъ на Нижній Новгородъ; но былъ отбитъ. Потомъ сынъ Пуреша напалъ съ Половцами на Пургаса, истребилъ его войска и Русскихъ, находившихся у него въ службѣ, такъ что Пургасъ едва спасся съ немногими людьми. [109] Въ 1232 г. Великій Князь опять посылалъ свои войска на Мордву съ Муромскою и Рязанскою помощью; Русскіе снова пожгли непріятельскія селенія. Эти войны бросаютъ свѣтъ на географическое состояніе и бытъ Мордовскаго племени въ тѣ времена и приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Страна ихъ была покрыта дремучими лѣсами; Мордвины вели жизнь осѣдлую, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, жили въ селеніяхъ. Хотя городовъ невстрѣчаемъ; но слово тверди,

---

[109] Лавр. 191, 192.

употребленное лѣтописцемъ, заставляетъ предполагать какіе то особенныя мѣста, вѣроятно укрѣпленныя самою природою. Можно также предположить существованіе торговой дѣятельности по сосѣдству съ Болгарами и Русскими. Въ политическомъ отношеніи Мордва непредставляла никакого единства и управлялась туземными князьями. Эти князья часто находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою; таковы Пургасъ и Пурешъ. Усобицы, ослабляя силы Мордовскаго племени, заставляли владѣтелей искать себѣ союзниковъ, и такимъ образомъ облегчали сосѣднимъ народамъ доступъ въ глубину Мордовскихъ земель: такъ Пурешъ прибѣгъ къ покровительству Великаго Князя Владимірскаго; а Пургасу помогаютъ Болгары. Мѣстные владѣтели настолько богаты, что могутъ нанимать иноземныхъ ратниковъ: у Пургаса находимъ въ службѣ сбродную русскую дружину; а сынъ Пуреша приходитъ на него съ Половцами. Все это показываетъ, что въ XII в. Мордвины начинаютъ группироваться въ значительныя массы, во главѣ которыхъ становятся туземные князья, вѣроятно соединявшіе въ своихъ рукахъ власть прежнихъ сельскихъ старшинъ. Такое соединеніе въ массы дало имъ возможность съ большимъ успѣхомъ тѣснить сосѣдей, что безъ сомнѣнія и вызвало походы въ такихъ значительныхъ силахъ со стороны Великаго Князя Владимірскаго, который въ свою очередь воспользовался междоусобіями мѣстныхъ владѣтелей.

Не такимъ осѣдлымъ какъ Мордва, но еще болѣе дикимъ и безпокойнымъ народомъ являются Половцы. Южная часть Рязанской украйны была охвачена ими съ трехъ сторонъ; русскія города на берегахъ Дона и поселенія на Воронежѣ, кажется, немѣшали варварскимъ ордамъ иногда раскидывать свои кочевья внутри угла,

который образуютъ эти двѣ рѣки. Борьба Рязанцевъ съ Половцами шла непрерывно до самаго появленія Татаръ. Съ половины XII в. перевѣсъ замѣтно склоняется на сторону первыхъ; Половцамъ удаются внезапные набѣги; но лишь только варвары заслышатъ, что Рязанскіе князья собираются вмѣстѣ, они немедленно бѣгутъ въ степи. Въ преслѣдованіяхъ своихъ князья все болѣе и болѣе углубляются въ Половецкія земли; напр. въ 1150 г. они побили ихъ на рѣкѣ Великой Воронѣ, а въ 1199 г. вмѣстѣ со Всеволодомъ III прогнали Половцевъ къ берегамъ моря и прошли вдоль всѣ Придонскія степи. Но такіе походы немогли прекратить набѣговъ; княжескія усобицы по прежнему давали поводъ варварамъ опустошать русскіе поля и селенія то въ видѣ разбойниковъ, то въ качествѣ союзниковъ; Князья дружились съ ханами, вступали съ ними въ родство, искали у нихъ убѣжища и войска въ случаѣ своихъ неудачъ.

Такое сосѣдство какъ Мордва и въ особенности Половцы, разумѣется, могло только задерживать внутреннее развитіе Рязанскаго княжества и положило своего рода печать на формы быта. Оно вредило благосостоянію края и поддерживало въ постоянномъ напряженіи грубыя физическія силы народа.

Трудно опредѣлить, на сколько Славянскій элементъ въ продолженіи перваго періода въ исторіи Муромо-Рязанскаго княжества проникъ массу туземнаго населенія; но, вообще говоря, въ началѣ XIII в. онъ не былъ еще значителенъ. Къ чему принадлежало конечно большинство городскаго сословія и часть сельскихъ жителей между Окою и Пронею; особенно скоро разросталось Славянское племя по берегамъ Оки. Отъ начала XIII в. до насъ дошли названія пяти погостовъ, расположен-

ныхъ по близости городка Ольгова; во первыхъ всѣ они звучатъ по Славянски, а во вторыхъ представляютъ довольно значительную цифру населенія, именно: Песочна съ 300 семей, Холохолна со 150, Заячины съ 200, Вепрія съ 220 и Заячковъ со 160 семей. [110] Пространство на сѣверъ и востокъ отъ этой полосы было обитаемо почти сплошнымъ Финскимъ населеніемъ, т. е. Мерею, Мещерою и Мордвою, за исключеніемъ городовъ.

Христіанскій элементъ населенія.

Постепенная славянизація Рязанскаго края тѣсно была связана съ успѣхами христіанства. Эти два явленія шли постоянно рука объ руку въ отдаленныхъ концахъ древней Руси и взаимною помощью облегчали свое движеніе. До насъ недошли имена проповѣдниковъ и подвижниковъ христіанской религіи на Рязанской украйнѣ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь; но вообще можно замѣтить, что успѣхи христіанства совершались здѣсь тихо, медленно, безъ особенной борьбы. Нѣтъ возможности опредѣлить границы между крещенымъ и языческимъ населеніемъ; знаемъ только, что первое сосредоточивалось въ той же центральной области, преимущественно по берегамъ Оки. Умножавшееся количество храмовъ служитъ лучшимъ признакомъ распространенія святой религіи. Кромѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, въ источникахъ встрѣчаются общія выраженія, которыя намекаютъ на значительное число храмовъ въ древней Рязанской области. Въ 1207 г. епископъ Арсеній посылаетъ сказать Всеволоду: «Князь великій! неопусти мѣстъ честныхъ; непожги церквей святыхъ, въ нихъ же жертва Богу и мольба створяется за тя;» въ 1237 г. Татары на пути своемъ къ Рязани «много святыхъ церквей огневи предаша и монастыри и села пожго-

[110] Ак. Ист. I. № 2. Грамота Олега Ольгову монастырю.

ша.» Въ 1132 г., по извѣстію лѣтописи, принялъ крещеніе въ Рязани Половецкій князь Амуратъ; а въ сказаніи о нашествіи Батыя говорится въ похвалу Рязанскихъ князей, что они своею ласкою привлекали къ себѣ многихъ дѣтей и братьевъ отъ невѣрныхъ царей и обращали ихъ къ истинной вѣрѣ.» Здѣсь подъ именемъ невѣрныхъ царей конечно надобно разумѣть половецкихъ хановъ, родственники которыхъ вступали иногда въ службу сосѣднихъ русскихъ князей и принимали крещеніе. Тѣмъ неменѣе въ началѣ XIII в. христіанство еще неуспѣло проникнуть въ глубь Мещерскихъ и Мордовскихъ лѣсовъ, разумѣется за исключеніемъ городовъ и ихъ ближайшихъ окрестностей. Распространеніе и утвержденіе церкви въ этомъ краю получило новую силу со времени отдѣленія Муромо-Рязанской области отъ Чернигова въ епархіальномъ отношеніи, въ 1198 г. [111] Мы видѣли, какое дѣятельное участіе принималъ первый Рязанскій епископъ Арсеній въ событіяхъ княжества при Всеволодѣ III; дѣятельность его совсѣмъ непохожа на вѣроломный, по лѣтописямъ, поступокъ Порфирія. По случаю принесенія Корсунска-

[111] Время этаго событія опредѣляли различнымъ образомъ. См. сводъ разныхъ мнѣній въ Ряз. Вѣд. 1854 г. №. 38. Мы принимаемъ хронологію Татищева, который говоритъ, что Рязанская епископія учреждена въ 1198 г. по просьбѣ князя Ярослава Глѣбовича, соизволеніемъ его тестя Великаго князя Кіевскаго Рюрика Ростиславича и митрополита Іоанна. Епископомъ ея поставленъ былъ изъ игуменовъ Арсеній, 26 Сентября того же года. (III. 329.) Неизвѣстно откуда Татищевъ заимствовалъ такое точное показаніе; но самая точность ручается за то, что онъ его невыдумалъ. Послѣдующія событія совершенно съ нимъ согласны.

го образа мы узнаемъ, что въ 1225 г. Рязанскимъ епископомъ былъ Ефросинъ Святогорецъ, т. е. пришлецъ съ Афонской горы. Тотъ же Ефросинъ, кажется, управлялъ епархіею въ эпоху Татарскаго нашествія. Постоянное присутствіе и непосредственный надзоръ епископа, разумѣется, много способствовали благоустройству Рязанской церкви и поощряли усердіе христіанскихъ проповѣдниковъ.

Извѣстно, какіе глубокіе корни въ древней Россіи пустило монашество и какъ быстро съ XI столѣтія начало возрастать повсюду число монастырей. Въ Рязанскомъ краю было также много обителей, какъ и въ другихъ мѣстахъ; но очень немногіе изъ нихъ возводятъ свое происхожденіе къ эпохѣ дотатарской. Источники указываютъ только на одинъ Олеговъ монастырь, который существуетъ до сихъ поръ въ 12 верстахъ отъ губернскаго города на высокомъ обрывистомъ берегу Оки; глубокою лощиною рѣчки Гусенки онъ отдѣляется отъ того мѣста, гдѣ лежалъ городокъ Ольговъ. Основаніе обители положено Великимъ княземъ Рязанскимъ Ингваремъ Игоревичемъ; онъ вмѣстѣ съ братьями Юріемъ и Олегомъ построилъ здѣсь храмъ во имя Богородицы. При заложеніи храма съ князьями находилось 300 бояръ и 600 простыхъ дружинниковъ; князья отдали въ монастырское владѣніе 9 бортныхъ участниковъ и 5 погостовъ со всѣми угодьями. [119] Это тотъ самый Ингварь Игоревичь, который въ 1217 г. спасся отъ бойни, устроенной Глѣбомъ и Константиномъ. Въ 1219 г. онъ окончательно побѣдилъ братоубійцъ; очень можетъ быть, что въ слѣдъ за тѣмъ Ингварь выстроилъ монастырь въ благодарность за свое спасе-

---

[119] Актц. Ист. I. № 2.

ніе. [113] Къ той же эпохѣ надобно отнести начало Богословскаго монастыря, если вѣрить одному преданію, которое съ нимъ связано. [114]

Несмотря на внѣшнія признаки благочестія, нескоро обнаружилось въ Рязанскомъ краю смягчающее вліяніе христіанства на народную нравственность. Этому благодѣтельному вліянію мѣшали многія обстоятельства, при которыхъ складывался характеръ населенія. Мещера составлявшая главную массу населенія, въ теченіе всей Русской Исторіи играетъ страдательную роль, и очень немногими событіями обнаруживаетъ свое существованіе; за то соплеменная съ нею Мордва, жившая далѣе къ востоку, издавна является народомъ съ самостоятельною дѣятельностію и съ воинственнымъ, безпокойнымъ характеромъ. Въ XII и XIII в. финскій элементъ только еще начиналъ проникаться славянскимъ началомъ, разумѣется, переработывая по своему и значительно искажая это начало. Съ другой стороны и господствующая часть населенія неотличалась привлекательными свойствами. На Рязанской украйнѣ характеръ Вятичей, къ которымъ по всей вѣроятности принадлежало большин-

---

[113] Послѣдняя догадка встрѣчается въ статьѣ «Ольговъ Монастырь.» Ряз. Вѣд. 1855 г. №. 9.

[114] Въ монастырѣ находилась икона Іоанна Богослова, написанная въ Царьградѣ какимъ то Гусаремъ. Когда въ 1237 г. Батый приблизился къ обители съ намѣреніемъ расхитить ея сокровища, онъ былъ устрашенъ внезапнымъ видѣніемъ, и удалился, приложивъ къ иконѣ въ знакъ благоговѣнія гербъ и золотую печать. См. разсужденіе объ этомъ преданіи у Тихомірова въ его Ар. Изслѣд, (8-10 стр.). Богословскій монастырь въ настоящее время расположенъ на правомъ берегу Оки верстахъ въ 30 выше Ольгова.

ство Рязанскихъ колонистовъ, нескоро могъ смягчиться при постоянныхъ междоусобіяхъ, при борьбѣ съ сосѣдними княжествами и въ особенности съ степными кочевниками. Послѣдніе также внесли свой варварскій элементъ въ составъ Рязанскаго населенія. Отсутствіе безопасности и безпрерывный страхъ потерять свое имущество, свободу и жизнь конечно оказывали неблагопріятное вліяніе на нравственное и матеріальное благосостояніе народа. Отсюда понятно, почему Рязанское княжество отстало отъ другихъ въ дѣлѣ образованія, и жители его долго отличались дикостію, загрубѣлостію своихъ нравовъ.

Характеристика князей и народа.

Что касается до Рязанскихъ князей, то безспорно это самая воинственная и безпокойная вѣтвь Рюрикова дома, въ тоже время самая жестокая и коварная; нигдѣ небыли такъ часты нарушеніе крестнаго цѣлованія, измѣны и злодѣйства между близкими родственниками. Разительный примѣръ тому представляетъ катастрофа 1817 г. 20 Іюля. Рязанскіе князья болѣе других забываютъ о единствѣ Рюрикова поколѣнія, о цѣлости Русской земли и преслѣдуютъ только свои личные интересы. Совершенно противуположными чертами характеризуетъ сочинитель сказанія о нашествіи Батыя Рязанскихъ князей, побитыхъ Татарами: «бяше бо родомъ христолюбивыи и братолюбивыи, лицемъ красныи и очима свѣтли, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легки, къ боярамъ ласковы, къ пріѣзжимъ привѣтливы и на пированіи тчтивыи, церквамъ прилежны,» и пр. и пр. Конечно въ этомъ панегирикѣ заключено много преувеличенія и похвалъ, которыя внушены автору участіемъ къ плачевной судьбѣ князей а также ихъ щедрымъ покровительствомъ духовному сословію (авторъ былъ священникъ) и заботливостію объ украшеніи храмовъ («о

церквахъ Божіихъ велми печашеся.») Но мы неможемъ отказать ему и въ справедливости до нѣкоторой степени: въ пользу сыновей Игоря Глѣбовича много говоритъ молчаніе источниковъ о Рязанскихъ усобицахъ между 1219 и 1237 гг., и самое поведеніе князей въ бѣдственную годину Татарскаго нашествія.

Тѣ непріятныя свойства, которыя мы замѣтили въ характерѣ князей, отразились и въ характерѣ городскаго сословія на что имѣемъ лѣтописныя свидѣтельства. Такъ въ 1207 г. Всеволодъ III, начиная осаду Пронска, хотѣлъ вступить въ переговоры съ гражданами, но въ отвѣтъ отъ нихъ получилъ *буюю рѣчь*. Въ слѣдующемъ 1208 г., когда онъ подошелъ къ Рязани съ намѣреніемъ наказать гражданъ за вѣроломство противъ его сына Ярослава, Рязанцы прислали ему также буюю рѣчь *по своему обычаю и непокорству*.[115] Хотя такой отзывъ принадлежалъ лѣтописцу враждебнаго Рязанцамъ Суздаля; но мы неможемъ отрицать его справедливость за недостаткомъ противуположныхъ доказательствъ. При всей своей жесткости характеръ Рязанцевъ небылъ лишенъ другихъ болѣе привлекательныхъ качествъ; таковы неукротимая отвага или наклонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ.

Говоря о населеніи Рязанской области, нельзя необратить особеннаго вниманія на княжескую дружину. Рязанскіе бояре. Количество дружинниковъ въ Рязани по видимому было довольно значительное. Князья и въ мирное время нѣсколько разъ являются въ исторіи, окруженные многочисленною свитою: такъ, послучаю происшествія въ Исадахъ, говорится, что вмѣстѣ съ шестью князьями «болярь и слугъ убито безъ числа;» при заложеніи Оль-

[115] Лавр. 182 и 183.

гова монастыря съ тремя князьями присутствовали 300 бояръ и 600 простыхъ мужей. Далѣе, нельзя незамѣтить, что боярское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія Рязанскаго княжества. Это вліяніе особенно проглядываетъ въ усобицахъ, а во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. При раздробленности удѣловъ и частыхъ распряхъ князья естественно старались привязать къ себѣ дружинниковъ разными льготами и милостями; но бояре часто злоупотребляли своимъ правомъ совѣта, и, вѣроятно изъ личныхъ цѣлей, поддерживали раздоры князей. Такъ, по случаю войны между Глѣбовичами въ 1186 г. намекается на бояръ, которые ихъ перессорили; далѣе лѣтопись упоминаетъ о «проклятыхъ думцахъ Глѣба и Константина,» замысливших избіеніе братіи. Незнаемъ, до какой степени простиралось усердіе бояръ къ Рязанскимъ князьямъ во время ихъ борьбы съ Суздалемъ; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что они терпѣливо раздѣляютъ участь послѣднихъ и вмѣстѣ съ ними томятся во Владимірскихъ темницахъ. Припомнимъ тѣ немногія имена рязанскихъ бояръ дотатарскаго періода, которыя сохранились въ источникахъ. Во первыхъ наше вниманіе привлекаютъ нѣсколько тысяцкихъ. Намъ извѣстно четверо: одинъ изъ нихъ Константинъ въ 1148 г. побилъ многихъ Половцевъ, спасавшихся бѣгствомъ; но остальные трое памятны только своею несчастною судьбою. Въ 1135 г. убитъ былъ въ Рязани тысяцкій Иванъ Андреевичь по прозванью Долгій. Двадцать лѣтъ спустя, тоже самое случилось съ Андреемъ Глѣбовымъ въ Рязанскомъ Бѣлгородѣ; его умертвили ночью родственники. Въ 1209 г. убитъ третій тысяцкій Матвѣй Андреевичь въ Кадомѣ. [116] Такое убійство тысяцкихъ

[116] Ник. II. 106, 70, 137. 306.

можетъ намекать на какое нибудь болѣе общее явленіе, нежели просто личная вражда. Очень вѣроятно, что при обособленіи Рязанскаго княжества, дѣло необошлось безъ глухой борьбы между усиливающеюся княжескою властію и такими земскими начальниками, каковы были тысяцкіе. — Далѣе изъ рязанскихъ бояръ упоминаются: Иворъ Мирославичь, воевода, взятый въ плѣнъ на берегахъ Вleны; Дѣдилецъ и Борисъ Куневичь, которые склоняютъ Владимірцевъ по смерти Боголюбскаго призвать на княженіе Ростиславичей. На Колакшѣ вмѣстѣ съ князьями попались въ плѣнъ кромѣ Дѣдильца Яковъ Деденковъ и Олстинъ; послѣднее имя обнаруживаетъ варварское происхожденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что варварскій элементъ былъ въ рязанской дружинѣ сильнѣе, нежели въ другихъ княжествахъ по близкому сосѣдству съ кочевниками. Но кромѣ этихъ блѣдныхъ лицъ рязанская старина можетъ указать и на тѣ образцы русскихъ витязей—богатырей, надъ которыми любитъ останавливаться народная фантазія. Таковъ Рязанскій богатырь Добрыня Златой Поясъ (прозваніе его вѣроятно указываетъ на великолѣпіе доспѣховъ); Ненаходя дома достаточной пищи своему разгулу, онъ подобно витязямъ Владиміра Красное солнце, отправляется искать славы въ другіе концы Руси; является въ станѣ Константина Всеволодовича при Липицахъ, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ и Нефѣдьемъ Дикуномъ; а спустя восемь лѣтъ складываетъ свою голову на Калкѣ, опять вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ. [117] Сказаніе о нашествіи Батыя рисуетъ передъ нами болѣе ясный и поэтическій образъ Евпатія Коловрата, у ко-

---

[117] Ник. 11. 326. Извѣстія. И. А. Н. III. 77 (Обозрѣніе Рус. словес. въ XIII в. С. П. Шевырева.).

тораго необыкновенная доблесть соединена съ трогательною любовью къ родинѣ. Тоже сказаніе рядомъ съ вѣроломнымъ бояриномъ, который извѣстилъ Батыя о рѣдкой красотѣ княгини Евпраксіи, представляетъ образецъ вѣрности и преданности своему князю въ образѣ Аполоницы, дядьки юнаго Ѳеодора Юрьевича.

Средства пропитанія.

Переходя къ матеріальному быту народонаселенія въ данную эпоху, мы ненаходимъ никакихъ точныхъ извѣстій на этотъ счетъ, и должны ограничиться нѣсколькими общими выводами. Занятія сельскихъ жителей конечно опредѣлялись характеромъ страны. Незнаемъ, какіе успѣхи сдѣлало земледѣліе до XIII в.; однако нѣтъ сомнѣнія что оно доставляло главный источникъ пропитанія тамъ, гдѣ между лѣсами залегали тучныя поля. Скотоводство было развито особенно въ южныхъ частяхъ княжества; въ лѣсахъ производились пчеловодство и звѣриная ловля; озера и рѣки доставляли большое количество рыбы.

Торговыя сношенія.

Торговая дѣятельность по Окѣ получила новую силу съ тѣхъ поръ, какъ берега этой рѣки покрылись городками. Ока все болѣе и болѣе становилась главнымъ путемъ сообщенія между Болгаріею и южною Русью.[118] Старинные города Муромъ и Рязань повидимому отличались своею зажиточностію. Читая слова упомянутаго сказанія о томъ, какъ Татары, взявши Рязань, между прочимъ «и все зорочье нарочитое богатство Черниговское и Кіевское поимаша,» можно подумать, что въ этомъ городѣ проживали съ своими товарами купцы изъ южной Руси. Изъ Болгаріи приходили сюда хлѣбъ, металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя тка-

---

[118] Первоначально главный путь изъ Мурома въ Кіевъ шелъ вверхъ по Волгѣ къ верхнему Днѣпру. «Пути Сообщ. въ Др. Рос.» Ист. Сбор. Погод. I. 24.

ни и другіе предметы роскоши; южнорусскіе купцы привозили преимущественно греческіе товары: разнаго рода паволоки, драгоцѣнное оружіе и церковныя украшенія; нѣтъ сомнѣнія, что и Новогородцы посѣщали Оку и привозили нѣмецкія издѣлія: вина, оружіе, полотняныя ткани и пр. Князья конечно покровительствовали торговлѣ, которая доставляла имъ всѣ средства къ изобилію и роскоши, между тѣмъ какъ собственныя ихъ земли были богаты только сырыми матеріалами: мѣхами, воскомъ, скотомъ и пр. Съ XI ст. прекратился одинъ изъ торныхъ путей древней Россіи: изъ Оки по Дону и Сурожскому морю въ богатую Тавриду. Пришли свирѣпые Половцы и заняли всѣ южныя степи. Если Кіевскія князья должны были высылать войска для того, чтобы конвоировать греческія суда по Днѣпру, то на Дону и подавно не было возможности плавать мирнымъ купцамъ. До какой степени этотъ путь пришелъ въ забвеніе къ началу XIII в. можно отчасти заключить изъ расказа о принесеніи Корсунской иконы. Евстафій совсѣмъ неслыхалъ о Рязанской землѣ, и незнаетъ, въ какую сторону она лежитъ; только отъ нѣкоторыхъ опытныхъ людей узнаетъ онъ, что можно достигнуть Рязани, отправившись вверхъ по Днѣпру; но что ему надобно будетъ проходить черезъ землю поганыхъ Половцевъ. Такъ какъ путь между Днѣпромъ и Окою небылъ безопасенъ, онъ выбралъ другой гораздо длиннѣйшій, но за то болѣе спокойный, вокругъ Западной Европы. Впрочемъ тоже самое сказаніе обнаруживаетъ, что Рязань находилась въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ жителями Греческихъ областей и даже съ Византійскимъ дворомъ. Такія сношенія поддерживались преимущественно духовными лицами, которыя всегда находили въ Россіи почетъ и ласковый пріемъ. Еще

прежде Евстафія явился въ Рязани Ефросинъ и поставленъ былъ въ епископы; онъ принесъ съ собою икону Божіей Матери Одигитріи съ Аѳонской горы, почему и названъ Святогорцемъ. Сюда же относится преданіе объ иконѣ Іоанна Богослова, присланной Патріархомъ въ даръ Рязанскому Князю. [119] Далѣе, въ похвальномъ словѣ Рязанскимъ князьямъ говорится, что они «къ Греческимъ царямъ велику любовь имуща и дары отъ нихъ многіи взимаша.» После этаго можно подумать, что супруга Ѳедора Юрьевича Евпраксія, происходившая, пословамъ преданія, изъ царскаго рода, была именно Византійская (если не Половецкая) принцесса. Такія сношенія знакомили отчасти высшее сословіе съ Греческою цивилизаціею; а присутствіе образованнаго духовенства могло оказывать благодѣтельное вліяніе на распространеніе грамотности.

Итакъ около двадцати лѣтъ протекло со времени послѣдней усобицы. Рязань находилась въ мирныхъ, если не въ дружескихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ княжествамъ. Даже Половцы по видимому прекратили свои набѣги и отпустошенія въ большихъ размѣрахъ. Великій Рязанскій князь Юрій умѣлъ пріобрѣсти уваженіе младшихъ родичей и держать ихъ въ согласіи между собою. Княжество замѣтно начинало оправляться послѣ погромовъ Всеволода III, и стремилось превратить недавнее подчиненіе Владиміру въ отношенія, основанныя на равныхъ правахъ. Но кратковременное затишье, которое господствовало тогда на юговосточной украйнѣ Россіи, можно сравнить съ морскимъ штилемъ передъ бурею.

---

[119] Карам. III. пр. 360.

ГЛАВА IV.

НАЧАЛО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

1237—1350.

Источники. Сказаніе о нашествіи Батыя. Юрій Игоревичь приготовляется къ защитѣ. Гибель княжескаго семейства. Разореніе городовъ. Евпатій Коловратъ. Ингварь Игоревичь. Олегъ Игоревичь. Романъ Ольговичъ. Сыновья и внуки Романа. Неудачная борьба съ Москвою. Иванъ-Корополъ и Александръ Михайловичь Пронскій. Сыновья Александра. Новыя границы. Червленый Яръ. Пріобрѣтенія на западѣ и потеря Коломны. Событія въ Муромѣ. Св. епископъ Василій. Христіанскіе князья въ Мещерѣ. Набѣги кочевниковъ. Политика Рязанскихъ князей въ отношеніи къ сосѣдямъ. Новая столица.

Бѣдствія Татарскаго нашествія оставили слишкомъ глубокій слѣдъ въ памяти современниковъ для того, чтобы мы могли пожаловаться на краткость извѣстій. Но это самое обиліе извѣстій представляетъ для насъ то неудобство, что подробности разныхъ источниковъ невсегда согласны между собою; такое затрудненіе встрѣчается именно при описаніи Батыева нашествія на Рязанское княжество. Лѣтописи расказываютъ объ этомъ событіи хотя подробно, но довольно глухо и сбивчиво Источники.

Большая степень достовѣрности конечно за сѣверными лѣтописцами нежели за южными, потому что первые имѣли большую возможность знать Рязанскія происшествія сравнительно со вторыми. Воспоминаніе о борьбѣ Рязанскихъ князей съ Батыемъ перешло въ область народныхъ преданій и сдѣлалось предметомъ расказовъ болѣе или менѣе далекихъ отъ истины. На этотъ счетъ даже есть особое сказаніе, которое можно сравнить, если не съ словомъ о Полку Игоревѣ, то по крайней мѣрѣ съ Повѣданіемъ о Мамаевомъ Побоищѣ. Описаніе Батыева нашествія стоитъ въ связи съ расказомъ о принесеніи Корсунской иконы и очень можетъ быть отнесено къ одному автору. Уже самый тонъ расказа обнаруживаетъ, что сочинитель принадлежалъ къ духовному сословію. Кромѣ того, приписка, помѣщенная въ концѣ сказанія, прямо говоритъ, что это былъ Евстафій, священникъ при Зарайскомъ храмѣ св. Николая, сынъ того Евстафія, который принесъ икону изъ Корсуня. Слѣдовательно, какъ современникъ событій, о которыхъ расказывалъ, онъ могъ передать ихъ съ достовѣрностію лѣтописи, если бы неувлекся явнымъ желаніемъ возвеличить Рязанскихъ князей и своимъ риторическимъ многословіемъ незатемнилъ сущность дѣла. Тѣмъ неменѣе съ перваго взгляда замѣтно, что сказаніе имѣетъ историческую основу и во многихъ отношеніяхъ можетъ служить важнымъ источникомъ при описаніи Рязанской старины. Трудно отдѣлить, то что здѣсь принадлежитъ Евстафію, отъ того, что прибавлено впослѣдствіи; самый языкъ очевидно новѣе XIII столѣтія. Окончательную форму, въ которой оно дошло до насъ, сказаніе вѣроятно получило въ XVI в. [120] Несмотря на

Сказаніе о нашествіи Батыя.

[120] Судя по словамъ приписки, въ которой исчисляется «родъ поповскій Николы Чюдотворца Зараскаго на Резани:» «А

свой реторической характеръ, расказъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышается до поэзіи, на примѣръ эпизодъ о Евпатіи Коловратѣ. Самыя противорѣчія иногда бросаютъ отрадный свѣтъ на событія и даютъ возможность отдѣлить историческіе факты отъ того, что называется цвѣтами воображенія.

Въ началѣ зимы 1237 года Татары изъ Балгаріи направились къ югозападу, прошли сквозь Мардовскія дебри и расположились станомъ на рѣкѣ Онузѣ. [121] Отсюда Батый отправилъ къ Рязанскимъ князьямъ въ видѣ пословъ какую-то вѣдьму съ двумя мужами, которые потребовали у князей десятой части ихъ имѣнія въ людяхъ и въ коняхъ. [122] Калкская битва была еще 1237 г

всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десятъ лѣтъ непремѣнно родъ ихъ. Се написа Еустаѳеи вторыи Еустаѳьевъ сынъ Корсунска. на память послѣднему роду своему.» Взято изъ рукописнаго сборника XVI столѣтія, Врем. И. О. И. и Д. № 15. Сообщ. В. М. Ундольскимъ. Еще прежде это сказаніе было извѣстно изъ Рус. Временника или Костром. лѣтописи; отрывки оттуда приведены у Карамзина. (III прим. 356—360) и въ Исторіи Рус. народа Полеваго. (IV. Дополненія).

[121] Вѣроятнѣе всего предположеніе С. М. Соловьева, что это былъ одинъ изъ притоковъ Суры, именно Уза. III. пр. 274.

[122] «и оттолѣ послаша послы своя, жену чародѣйцу и два мужа съ нею, ко княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: во князѣхъ, и въ людѣхъ, и въ конехъ, десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ.» П. С. Р. Л. I. 221. «и въ доспесехъ» прибавлено въ Ник. II. 371. Подъ именемъ жены чародѣйки «должно разумѣть шаманку, вѣроятно вызвавшуюся итти добровольно въ непріятельскую

свѣжа въ памяти Русскихъ; Болгарскіе бѣглецы незадолго передъ тѣмъ принесли вѣсть о разореніи своей земли и страшной силѣ новыхъ завоевателей. Великій князь Рязанскій Юрій Игоревичь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поспѣшилъ созвать всѣхъ родичей, именно: брата Олега Краснаго, сына Өеодора, и пятерыхъ племянниковъ Ингваревичей: Романа, Ингваря, Глѣба, Давида и Олега; пригласилъ Всеволода Михайловича Пронскаго и старшаго изъ Муромскихъ князей. Въ первомъ порывѣ мужества князья рѣшились защищаться и дали благородный отвѣтъ посламъ: «когда мы не останемся въ живыхъ, то все будетъ ваше.» Изъ Рязани Татарскіе послы отправились во Владиміръ съ тѣми же требованіями. Посовѣтовавшись опять съ князьями и боярами и видя, что Рязанскія силы слишкомъ незначительны для борьбы съ Монголами, Юрій Игоревичь распорядился такимъ образомъ: однаго изъ своихъ племянниковъ, Романа Игоревича, онъ послалъ къ Великому Князю Владимірскому съ прозьбою соединиться съ нимъ противъ общихъ враговъ; а другаго, Ингваря Игоревича, съ тою же прозьбою отправилъ къ Михаилу Всеволодовичу Черниговскому.[122]. Затѣмъ Ря-

Юрій Игоревичь принимаетъ мѣры къ защитѣ.

землю,» говоритъ проф. Березинъ въ своихъ замѣткахъ на расказы Мусульманскихъ историковъ. Ж. М. Н. Пр. 1855 г. Май. Замѣчательно, что въ Сказаніи о чародѣйницѣ неупоминается, а просто говорится: «и посла на Рязань послы бездѣлны.»

[122] Кто былъ отправленъ во Владиміръ лѣтописи неговорятъ; такъ какъ Романъ явился послѣ у Коломны съ Владимірскою дружиною, то вѣроятно это былъ онъ. Тоже самое надобно сказать объ Ингварѣ Игоревичѣ, который въ тоже время является въ Черниговѣ.

занскіе князья соединили свои дружины и направились къ берегамъ Воронежа, вѣроятно съ цѣлію сдѣлать рекогносцировку, въ ожиданіи помощи. Въ тоже время Юрій попытался прибѣгнуть къ переговорамъ и отправилъ сына Ѳедора во главѣ торжественнаго посольства къ Батыю съ дарами и съ мольбою невоевать Рязанской земли. Всѣ эти распоряженія неимѣли успѣха. Ѳедоръ погибъ въ Татарскомъ станѣ: если вѣрить преданію, онъ отказался исполнить желанія Батыя, который хотѣлъ видѣть его супругу Евпраксію, и былъ убитъ по его приказанію. [125] Помощь ни откуда не являлась.

---

[125] «Князь Ѳедоръ Юрьевичь вскоре пріиде къ царю Батыю и моли его утоляя дары, чтобы невоевалъ Рязанскіе земли; безбожный же царь Батый, лстивъ бо есть и немилосердъ, пріа дары лестію и охабись воевати Резанскіе земли, и начаша Князей Резанскихъ потѣхою тѣшити, и начаша у нихъ просити сестры или дщери на ложе на блудъ. И нѣкій отъ вельможъ Резанскихъ наученъ бѣсомъ, и сказа безбожному царю Батыю, яко благовѣрный князь Ѳедоръ Юрьевичь Резанскій имѣетъ у себя Княгиню отъ царска рода, а тѣломъ и лѣпотою красна бѣ зѣло, безбожный царь Батый лукавъ бо есть и немилостивъ въ невѣріи своемъ, пореваемъ въ похоти плоти своеа, и рече Князю Ѳедору Юрьевичу: даждь ми Князь видѣти жены своее красоты. Благовѣрный же Князь Ѳедоръ Юрьевичь посмѣяся и рѣче царю: неполезна бо есть намъ крестьяномъ тебѣ нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блудъ, аще насъ преодолѣешь, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный же царь Батый возярися зѣло и горчися, и повѣле вскоре убити благовѣрнаго Князя Ѳедора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверемъ и птицамъ на растерзаніе, и иныхъ Князей нарочитыхъ побилъ, и единъ отъ пѣстунъ Князя Ѳедора

Князья Черниговскіе и Сѣверскіе отказались притти на томъ основаніи, что Рязанскіе не были на Калкѣ, когда ихъ также просили о помощи. [124] Недальновидный Юрій Всеволодичь, надѣясь въ свою очередь однѣми собственными силами управиться съ Татарами, нехотѣлъ присоединить къ Рязанцамъ Владимерскіе и Новогородскіе полки; напрасно епископъ и нѣкоторые бояре умоляли его неоставлять въ бѣдѣ сосѣдей. Огорченный потерею единственнаго сына, предоставленный только собственнымъ средствамъ, Юрій Игоревичь видѣлъ невозможность бороться съ Татарами въ открытомъ полѣ, и поспѣшилъ укрыть Рязанскія дружины за укрѣпленіями городовъ. [125]

Юрьевича именемъ Аполоница, зря на блаженное тѣло честнаго своего Государя горько плачющися, и видя его никимъ брегома, и взя тѣло возлюбленнаго своего Государя, и тайно сохрани его на мало время, и ускори ко благовѣрной Княгинѣ Еупраксіи, каза ей яко нечестивый царь Батый убилъ блаженнаго Князя Θеодора Юрьевича. Блаженная же Княгини Еупраксея царевна, стоя въ превысоцемъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое Князя Ивана Θеодоровича постника, услыша таковы смертоносныя глаголы и горести исполнены, и абие ринувся съ превысокаго храма своего на среду земли и з сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и заразися до смерти.»

[124] Объ этомъ говоритъ Татищ. 111. 468.

[125] Мы невѣримъ существованію битвы, о которой упом. Ник. л. 11. 371. и которую сказаніе описываетъ съ поэтическими подробностями. Другія лѣтописи ничего о ней неговорятъ, упоминая только, что князья вышли на встрѣчу Татарамъ. Самое описаніе битвы въ сказаніи очень темно и невѣроятно; оно изобилуетъ многими поэтическими подробностями, напр:

Многочисленные Татарскіе отряды разрушительнымъ потокомъ хлынули на Рязанскую землю. Извѣстно, какого рода слѣды оставляло послѣ себя движеніе кочевыхъ ордъ средней Азіи, когда онѣ выходили изъ своей обычной апатіи. Мы небудемъ описывать всѣхъ ужасовъ разоренія. Довольно сказать, что многія селенія и го- Разореніе рязанскихъ городовъ.

«и видя Князь Великій Юрій Игоревичь убіена брата своего Князя Давыда Игоревича и тѣхъ князей и сродникъ своихъ, и воскреча въ горести душа своея: братіа моя милая, и дружина ласкова, узорочье и возпитаніе Резанское, мужайтеся и крѣпитеся; братъ нашъ Давыдъ прежде насъ чашу испилъ и мы ли ее непьемъ; удальцы же и резвецы Резанскіа тако бьяшеся крѣпко и нещадно яко и земли постонати. Батыевы полки сильные вси смятошася. Князь Великій Егоргій Ингоревичь зъ братіею тако мужественно и крѣпко бьяшеся, многіе полки сильныа проѣзжая храбро бьяшеся, яко всѣмъ полкомъ Татарскимъ подивитися крѣпости и мужеству Резанскому господству, и едва одолѣша ихъ сильныа полки Татарскіа. И ту убіенъ бысть благовѣрный Князь Великій... и многія Князи мѣстные, и воеводы крѣпкіа, и удальцы, и узорочье и воспитаніе Резанское, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни единъ отъ нихъ возвратися вспять, вси вкупе мертвіи лежаша.» Изъ лѣтописей извѣстно, что Юрій Игоревичь былъ убитъ при взятіи города Рязани. Рашидъ Эддинъ, изъ Мусульманскихъ историковъ наиболѣе подробный повѣствователь Батыева похода, неупоминаетъ о большой битвѣ съ Рязанскими князьями; по его словамъ Татары прямо подступили къ городу Янъ (Рязань) и въ три дня его взяли. Березинъ. Ж. М. Н. П. 1855 г. Май 28 стр. прим. 60. Впрочемъ отступленіе князей вѣроятно необошлось безъ сшибокъ съ передовыми Татарскими отрядами, которые ихъ преслѣдовали.

рода были совершенно стерты съ лица земли. Бѣлгородъ, Ижеславецъ, Борисовъ-Глѣбовъ послѣ того уже невстрѣчаются въ исторіи. Въ XIV в. путешественники, плывя по верхнему теченію Дона, на холмистыхъ берегахъ его видѣли только развалины и пустынныя мѣста тамъ, гдѣ стояли красивые города и тѣснились живописныя селенія. 16 Декабря Татары обступили городъ Рязань и огородили его тыномъ. Граждане, ободряемые Великимъ Княземъ, въ продолженіе пяти дней отражали нападенія. Они стояли на стѣнахъ, неперемѣняясь и невыпуская изъ рукъ оружія; наконецъ стали изнемогать, между тѣмъ какъ непріятель постоянно дѣйствовалъ свѣжими силами. На шестой день Татары сдѣлали общій приступъ; бросали огонь на кровли, громили стѣны бревнами и наконецъ вломились въ городъ. Послѣдовало обычное избіеніе жителей. Въ числѣ убитыхъ находился Юрій Игоревичъ. Великая Княгиня съ своими родственницами и многими боярынями напрасно искала спасенія въ соборной Борисо-Глѣбской церкви. Все, что немогло быть разграблено, сдѣлалось жертвою пламени. Покинувъ разоренную столицу княжества, Татары продолжали подвигаться въ сѣверозападномъ направленіи. Въ сказаніи слѣдуетъ за тѣмъ эпизодъ о Коловратѣ. Одинъ изъ Рязанскихъ бояръ, по имени Евпатій Коловратъ, находился въ Черниговской землѣ съ княземъ Ингваремъ Игоревичемъ, когда пришла къ нему вѣсть о Татарскомъ погромѣ. Онъ спѣшитъ въ отечество, видитъ пепелище роднаго города и воспламеняется жаждою мести. Собравъ 1700 ратниковъ, Евпатій нападаетъ на задніе непріятельскіе отряды, низлагаетъ Татарскаго богатыря Таврула, и, подавленный многолюдствомъ, гибнетъ со всѣми товарищами; Батый и его воины удивляются необыкновенному мужеству Рязан-

Евпатій Коловратъ.

скаго витязя.[126] Лѣтописи Лаврентьевская, Никоновская и Новогородскія ни слова неговорятъ о Евпатіѣ; но мы неможемъ на этомъ основаніи отвергнуть совершенно достовѣрность Рязанскаго преданія, освященнаго вѣками, наравнѣ съ преданіемъ о Зарайскомъ князѣ Ѳедорѣ Юрьевичѣ и его супругѣ Евпраксіѣ. Событіе очевидно невыдуманное; только трудно опредѣлить насколько народная гордость участвовала въ изобрѣтеніи поэтическихъ подробностей. Великій Князь Владимірской поздно убѣдился въ своей ошибкѣ, и спѣшилъ изготовиться къ оборонѣ только тогда, когди туча надвинула уже на его собственную область. Неизвѣстно зачѣмъ онъ выслалъ на встрѣчу Татарамъ сына Всеволода съ Владимірскою дружиною, какъ будто она могла загородить имъ дорогу. Со Всеволодомъ шелъ Рязанскій князь Романъ Игоревичь, до сихъ поръ почему-то медлившій во Владимірѣ; сторожевымъ отрядомъ начальствовалъ знаменитый воевода Еремей Глѣбовичь. Подъ Коломною велико-княжеское войска было разбито на голову; Всеволодъ спасся бѣгствомъ съ остатками дружины; Романъ Игоревичь и Еремей Глѣбовичь остались на мѣстѣ. Коломна была взята и подверглась обычному разоренію. Послѣ того Батый оставилъ Рязанскіе предѣлы и направилъ путь къ Москвѣ.

Кромѣ Всеволода Пронскаго и князя Муромскаго семеро Рязанскихъ князей—все потомки Игоря Глѣбовича—

---

[126] «Татарови же возбояшася видя Еупатіа крѣпка исполина, и наводиша на Еупатіа множество саней съ нарядомъ и едва одолѣша.» Замѣчателенъ способъ, которымъ Татары одолѣли Евпатія. Мнѣ случилось слышать преданіе о какомъ-то Рязанскомъ богатырѣ—разбойникѣ, который былъ убитъ точно такимъ же способомъ.

погибло отъ Татарскаго меча. Это были: Великій Князь Юрій Игоревичь, его сынъ Ѳедоръ, внукъ Иванъ Постникъ, братъ Олегъ Красный; племянники: Глѣбъ, Давидъ и Романъ Ингваревичи. Четвертый братъ послѣднихъ Олегъ попался въ руки Батыя и отведенъ въ Орду.

Ингварь Ингваревичь 1237—1252 г. На свободѣ уцѣлѣлъ только пятый братъ Ингварь, который воротился изъ Чернигова уже послѣ нашествія. На родинѣ его ожидала печальная картина смерти и запустѣнія. [127] Въ слѣдъ за княземъ прибылъ и епископъ Евфросинъ; онъ также спасся отъ гибели, потому что находился гдѣ-то въ отсутствіи (можетъ быть въ Муромѣ). Предстояла трудная задача уничтожить слѣды Монгольскихъ ордъ. Князь и епископъ прежде всего позаботились отдать послѣдній долгъ погибшимъ. Собраны были священники и діаконы, уцѣлѣвшіе отъ избіенія; принялись за погребеніе мертвыхъ. Столица

[127] Вотъ какъ сказаніе рисуетъ эту картину: «и вскоре прииде (князь Ингварь) во градъ Резань, видя братія своя побіенны отъ нечестиваго царя Батыя и снохи своя и сродники своя и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, земля пуста, церкви пожены, святыхъ образы ободраны и переколоты, и все узорочье взято Резанское и Черниговское, и жалошно кричаша яко труба рати гласъ пущающи, и отъ великаго кричанія лежаше на земли яко мертвъ, и едва отлiаше его, и носяше по вѣтру, едва отдохну душа его въ немъ... градъ и земля Резанская изменися добртоа ея, и отыде слава ея, и небе что въ ней благо видети токмо дымъ и земля и пепелъ; а церкви вся погорѣша, а сама соборная церковь внутри погорѣ и почерне, не единъ бо сій градъ плѣненъ бысть, но ини мнози, и не бѣ бо во градѣ пѣнія, ни звона, въ радости мѣсто плачь всегда творяще и рыданія»

была очищена отъ гніющихъ труповъ и опять освящены обгорѣлые храмы. Города и селенія мало по малу стали наполняться жителями, которые возвращались изъ лѣсовъ. Съ горькимъ плачемъ и стономъ началъ народъ поминать убитыхъ родственниковъ, возобновляя разоренные храмы и хижины. Впрочемъ не все Рязанское княжество подверглось опустошенію; Татары прошли преимущественно по берегамъ Оки, Прони и Дона. Сѣверная часть княжества осталась нетронутой, благодаря непроницаемой чащѣ своихъ лѣсовъ; сюда-то спасались обыкновенно жители лѣваго берега Оки. Этой стороны Татары коснулись отчасти въ 1239 г., когда они завоевали Мордовскую землю, сожгли Муромъ и разорили города по Клязьмѣ. Съ особенными почестями преданы были погребенію тѣла убитыхъ князей. Отыскавъ трупъ Юрія Игоревича, Ингварь отправился въ Пронскъ, собралъ тамъ разсѣченные члены Олега Краснаго, принесъ ихъ въ Рязань и положилъ обоихъ дядей въ одной гробницѣ, въ соборной церкви Бориса и Глѣба; а возлѣ нихъ въ другую гробницу положилъ тѣла двухъ братьевъ Глѣба и Давида. Потомъ онъ послалъ людей на Воронежъ взять останки Ѳедора Юрьевича и принести въ удѣлъ покойнаго ко храму Николая Корсунскаго. Здѣсь Ѳедоръ похороненъ былъ вмѣстѣ съ супругою и сыномъ; надъ гробами ихъ поставлено три каменные креста. Вся дѣятельность Ингваря Ингваревича до конца его княженія исключительно направлена была на возобновленіе городовъ и внутреннее устроеніе княжества. [128] О военныхъ предпріятіяхъ Ингваря и

[128] «Благовѣрный Великій Князь Ингварь Ингоревичь, обнови землю Резанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеши, и люди многи собра, и бысть радость

его ближайшихъ преемниковъ въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину. О борьбѣ съ Татарами Ингварь конечно непомышлялъ; онъ безъусловно подчинился необходимости и по примѣру другихъ князей являлся въ Орду съ изъявленіемъ покорности. [129]

Олегъ Ингваревичь 1252–1258 г. Въ 1252 г. отпущенъ былъ изъ Орды Олегъ Ингваревичь на Рязанское княженіе, вѣроятно упразднившееся по смерти его брата. Изъ событій его шестилетняго княженія извѣстно только, что въ 1257 г. пріѣхали Татарскіе численники и перечислили всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую за исключеніемъ духовенства. Въ слѣдующемъ году Олегъ скончался, въ среду на страстной недѣлѣ чернецомъ и схимникомъ; лѣтопись замѣтила при этомъ, что онъ былъ погребенъ въ церкви Св. Спаса [130] (слѣдовательно, противъ обыкновенія, не въ Борисоглѣбскомъ соборѣ).

Романъ Ольговичь 1258–1270 г. Олегу наслѣдовалъ сынъ его Романъ. Онъ княжилъ 12 лѣтъ. Дѣятельность его намъ неизвѣстна; съ нимъ, какъ и со многими князьями древней Руси лѣтописи знакомятъ насъ только при извѣстіи о кончинѣ. Въ 1270 г. Романъ былъ въ Ордѣ. Хану Менгу-Темиру кто-то донесъ, что князь произносилъ хулы на Царя и на его вѣру. Менгу-Темиръ предалъ его въ руки своихъ Татаръ. Они стали принуждать Романа къ своей вѣрѣ; но князь смѣло продолжалъ славить христіанскую вѣру

крестьяномъ, ихъ же избави Богъ рукою своею крѣпкою отъ безбожныхъ Татаръ.» ibid.

[129] П. С. Р. Л. IV. 37. подъ 1242 г: Иде Александръ (Невскій) къ Батыю царю, «Олегъ Рязанскій къ Канови иде.» Можетъ быть, надобно читать Ингварь, а не Олегъ, который въ то время былъ плѣнникомъ въ Ордѣ.

[130] П. С. Р. Л. I. 202, 203 V. 187. Ник. 111. 34.

и порицать бесерменскую. [131] 19 Іюля свирѣпые Татары подвергли его медленной, мучительной смерти. [132] Лѣтописецъ сравниваетъ его конецъ съ страданіями Іакова Персидскаго и князя Черниговскаго Михаила.

Сыновья и внуки Романа 1270 1327 г.

Послѣ Романа осталось три сына Θедоръ, Ярославъ и Константинъ. Первый сѣлъ въ Рязани, а второй въ Пронскѣ. Пронскъ по смерти Всеволода Михайловича, въ 1237 г., при Ингварѣ, Олегѣ и Романѣ былъ соединенъ съ Рязанью; а теперь снова получилъ своего удѣльнаго князя. Θедоръ Романовичь княжилъ до 1294 года. Мѣсто его занялъ второй братъ Ярославъ, который скончался въ 1299 г., [133] оставивъ двухъ сыновей Ивана и Михаила. Великое Княженіе Рязанское перешло къ третьему брату Константину. Племянники его Ярославичи, кажется, немедленно открыли усобицу за удѣлы; на это намекаетъ одно отрывочное извѣстіе лѣтописи. [134]

---

[131] Подъ именемъ бесерменской вѣры здѣсь недолжно понимать Магометанскую; въ то время Татары были еще идолопоклонники. Ист. Рус. Цер. Филарета, Періодъ 2-й, прим. 18.

[132] П. С. Р. Л. V. 197. Ник. III. 53.: «отрѣзаша языкъ и заткоша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати его по суставомъ, и метати разно; персты вся обрѣзаша, и у ногъ и у рукъ, и устнѣ и уши, и прочая составы разрѣзаша, и яко остася трупъ единъ. Они же отдраша кожу отъ главы его, и на копье взоткнуша.»

[133] Лавр. 208. Ник. III. 91 и 96.

[134] П. С. Р. Л. I. 208. подъ 1300 г. сказано: «Тогеже лѣта Рязанскыи князи Ярославичи.... у Переяславля.» Внизу замѣчено, что здѣсь недостаетъ слова *бишася* или *смиришася*; болѣе вѣроятности на сторонѣ перваго, и во всякомъ случаѣ это признакъ усобицы.

Неудачная борьба съ Москвою.

Между тѣмъ прежнее значеніе Владиміра на Клязьмѣ переходитъ къ Москвѣ; умный и дѣятельный Даніилъ Александровичъ возобновилъ наступательное движеніе, начатое его предшественниками въ XII вѣкѣ, на сосѣднее княжество. Незнаемъ навѣрное, какой былъ поводъ къ войнѣ между имъ и Константиномъ; извѣстенъ только ея исходъ. Впрочемъ можно догадываться, что яблокомъ раздора послужила Коломна. Прежніе Владимірскіе князья постоянно стремились отрѣзать этотъ городъ отъ Рязанской области; Московскіе имѣли еще болѣе причинъ желать Коломны: она запирала устье Москвы и была необходима для округленія ихъ волости. Осенью 1301 года Даніилъ пришелъ съ войскомъ въ Рязанскіе предѣлы. Константинъ Ярославичь, имѣя вспомогательные Татарскіе отряды, далъ ему битву возлѣ Переяславля Рязанскаго; проигралъ ее и былъ взятъ въ плѣнъ какою-то хитростію. Лѣтопись говоритъ при этомъ объ измѣнѣ нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ;[135] они-то вѣроятно и помогли Даніилу устроить западню для Константина. Послѣдній былъ отведенъ въ Москву; впрочемъ содержался здѣсь въ чести все время пока былъ живъ Даніилъ, который хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его. Но въ 1303 г. Московскій князь скончался, и наслѣдникъ его Георгій, спустя два года, велѣлъ умертвить плѣнника. Какая была цѣль подобнаго злодѣйства, трудно сказать. Требовалъ ли Георгій слишкомъ большихъ уступокъ и получилъ отказъ? или онъ хотѣлъ овладѣть всѣмъ княжествомъ убитаго? Но Рязань

[135] Лавр. 209. Ник. III. 98. Касательно того, что въ битвѣ подъ Переяславлемъ нельзя видѣть первой побѣды Русскихъ надъ Татарами, см. Ист. Солов. III. прим. 354.

въ то время неоставалась безъ князей. Поступокъ объясняется отчасти личнымъ характеромъ Георгія, который былъ слишкомъ неразборчивъ на средства и пріобрѣлъ черную извѣстность въ Русской исторіи. Злодѣйство, по видимому, оказалось безполезнымъ, и Московскій князь ограничился тѣмъ, что удержалъ за собою Коломну.

Между тѣмъ на Рязанскомъ столѣ княжилъ сынъ Константина Василій. Въ 1308 г. онъ былъ убитъ въ Ордѣ. Неизвѣстно, чѣмъ Василій навлекъ на себя ханскій гнѣвъ; этому гнѣву подверглись и всѣ Рязанцы, потому что въ томъ же году Татары воевали ихъ область. Очень можетъ быть, что въ гибели Василія участвовали происки его двоюродныхъ братьевъ Пронскихъ князей. По крайней мѣрѣ послѣ его смерти на Рязанскомъ столѣ встрѣчаемъ одного изъ нихъ, именно Ивана Ярославича. Объ Иванѣ Ярославичѣ мы знаемъ также мало, какъ о его предшественникахъ. Въ 1320 г. Георгій Московскій предпринялъ противъ него походъ, окончившійся миромъ, а, семь лѣтъ спустя, Иванъ Ярославичъ умерщвленъ въ Ордѣ по повелѣнію Узбека. Ему наслѣдовалъ сынъ Иванъ, прозваніемъ Коротополый.

Иванъ Коротополъ, Александръ Михайловичъ Пронскій и его сыновья 1327—1350.

Въ 1333 г. Иванъ Даниловичъ Калита вмѣстѣ съ низовскими полками беретъ съ собою въ походѣ противъ Новогородцевъ и рязанскіе; слѣдовательно упомянутый миръ въ 1320 г. состоялся не на равныхъ правахъ, и Рязанскіе князья должны были признать себя подручниками Московскихъ. Въ 1340 г. Ханъ Узбекъ послалъ на Смоленскаго князя Татарскую рать подъ начальствомъ Тавлубія. Послѣдняго сопровождалъ изъ Орды Иванъ Коротополъ, который долженъ былъ присоединить къ Татарамъ рязанскую дружину. Дорогою онъ встрѣтилъ двоюроднаго брата Александра Михайловича

Пронскаго, который отправлялся съ выходомъ въ Орду. Коротополъ схватилъ его, ограбилъ, привелъ плѣнникомъ въ Переяславль Рязанскій, и тамъ приказалъ убить. [156] Преступленіе очень правдоподобно объясняется тѣмъ, что старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на счетъ младшихъ слабѣйшихъ, хотѣли одни знать Орду, т. е. собирать дань и отвозить ее къ Хану. [157] Убійство въ свою очередь вызывало кровавую месть. Сынъ Александра Ярославъ выхлопоталъ себѣ у Хана ярлыкъ на Рязанское княженіе и пришелъ на Коротопола съ Татарскимъ войскомъ въ сопровожденіи ханскаго посла Киндяка въ 1342 г. Коротополъ затворился въ Переяславлѣ и цѣлый день отбивался отъ непріятелей; а въ ночь бѣжалъ изъ города, оставивъ его на жертву Татарскому грабежу. Ярославъ остался княжить въ Переяславлѣ. [158] Въ слѣдующемъ году Коротополъ былъ убитъ, неизвѣстно гдѣ и кѣмъ; «имъ же бо судомъ судилъ осудися, и ею же мѣрою мѣри возмѣрися ему,» прибавляетъ лѣтописецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ и его племянникъ Ярославъ. Въ лѣтописи онъ именуется княземъ Пронскимъ; а братъ его Иванъ Александровичъ, скончавшійся въ 1350 г., названъ Великимъ Княземъ Рязанскимъ. [159] Отъ этого Ивана Александровича пошли всѣ послѣдующіе Рязанскіе князья; между тѣмъ какъ

---

[156] П. С. Р. Л. III. 72. IV. 55. Арц. II. 79. 83. Ник. III. 138, 180.

[157] Ист. Солов. III. 293.

[158] Ник. III. 178. 180. Въ лѣтописи сказано: «а князь Ярославъ Пронскій сяде во граде Ростиславлѣ Рязанскомъ». Мы думаемъ, что надобно читать «Переяславлѣ.»

[159] Ibid. 193.

Ярославъ Александровичь былъ родоначальникомъ Пронской вѣтви. Въ 1353 г. лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ имя знаменитаго Олега Ивановича Рязанскаго. Но прежде, нежели перейдемъ къ его княженію, попытаемся бросить взглядъ на другія событія и перемѣны, которыя произошли въ Рязанской области послѣ 1237 года.

Новыя границы княжества.

Во первыхъ предѣлы княжества, несмотря на тяжкое иго, значительно расширились послѣ той эпохи, въ которую мы ихъ оставили. Это растяженіе границъ совершалось конечно въ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ оно встрѣчало наименѣе препятствій, именно въ юговосточномъ и сѣверозападномъ. На юговостокѣ граница княжества далеко перешагнула за рѣку Воронежъ и углубилась въ степи. Въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. она опредѣлялась Русскими поселеніями, разбросанными по лѣвому берегу Дона съ одной староны и по правому Хопра и Великой Вороны съ другой; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что эти рѣки отдѣляли Рязанскую епархію отъ Сарайской. Послѣдняя была учреждена во второй половинѣ XIII в. въ Сараѣ для Русскихъ и Татарскихъ христіанъ [140]. на всемъ пространствѣ южной Россіи между Волгою и Днѣпромъ. До насъ дошла цѣлая исторія спора, который возникъ между Рязанскими и Сарайскими епископами въ слѣдствіе того, что послѣдніе старались распространить свою власть на мѣста, лежавшія по правому берегу Вороны и Хопра. Митрополиты Максимъ, Петръ и Ѳеогностъ—при послѣднемъ это дѣло разсматривалось на соборѣ въ Костромѣ,—обыкновенно рѣшали его въ пользу Рязанскихъ епископовъ, прямо называя упомянутыя рѣки Рязанскимъ предѣломъ. При-

[140] Ист. Рус. Цер. Митр. Платона. I. 139.

тязанія Сарайскихъ епископовъ однако непрекращались до временъ митрополита Алексѣя, который около 1360 г. своею грамматою окончательно утвердилъ спорныя мѣста за Рязанскою епархіею. [141] Вся эта часть степей по лѣвую сторону Дона на востокъ отъ Воронежа до береговъ Хопра и Вороны извѣстна была въ тѣ времена подъ общимъ названіемъ Червленаго Яра, [142] и пред-

Червленый Яръ.

---

[141] Грамматы митрополитовъ Максима и Петра до насъ недошли; но содержаніе ихъ извѣстно изъ граммать на Червленый Яръ Ѳеогноста и Алексея. Ак. Ист. I. №№. 1 и 3. Кромѣ того сохранился списокъ съ отказной грамматы Сарайскаго епископа Софонія, которую онъ далъ на Костромскомъ соборѣ: «и се азъ Епископъ Сарайскій Софоній пишу сію граммату предъ господиномъ моимъ Преосвященнымъ Ѳеогностомъ Митрополитомъ всея Россіи и предъ братьею своею Епископы Антоніемъ Ростовскимъ и Даніиломъ Суздальскимъ, отселѣ потомъ не вступатися въ предѣлѣхъ Рязанской на Великую Ворону, а оже вступлюся, осужденъ буду коновы. Того дѣла есьмь сію граммату далъ на утвержденіе.» Историч. обозр. Ряз. Іерар. Т. Воздвиженскаго. 25 стр.

[142] Мы еще имѣемъ довольно средствъ объяснить это загадочное названіе, хотя оно уже утратилось изъ народной памяти. Вотъ мѣста источниковъ, въ которыхъ упоминается о Червленомъ Ярѣ.

1. Объ немъ говорятъ грамматы Ѳеогноста и Алексѣя. Первая начинается словами: «Благословеніе Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ, къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ и къ попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ Черленаго Яру и ко всѣмъ городомъ, по Великую Ворону.» Вторая: «Благословеніе Алексѣя Митрополита всея Руси, ко всѣмъ хрестіаномъ, обрѣтающимся въ передѣлѣ

ставляла обширное поле для Русской колонизаціи когда исчезло въ этихъ мѣстахъ господсгво Половецкихъ Ордъ. Татары, заступившіе ихъ мѣсто, некочевали здѣсь такими густыми массами, какъ Половцы, и, вѣроятно по

Черленого Яру и по карауломъ возлѣ Хопоръ до Дону, попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ бояромъ»

2. Ник. II. 105. подъ 1148 г: «Князь Глѣбъ Юрьевичь иде къ Резани и бывъ во градѣхъ Черленаго Яру и на Велицѣй Воронѣ и паки возвратися къ Черниговскимъ княземъ на помощь.»

3. Ibid. IV. 161. Въ извѣстномъ хожденіи Пимена митрополита говорится: «Тожъ минухомъ (послѣ Тихой Сосны) и Черленый Яръ рѣку и Бѣтюкъ рѣку и Похоръ (Хоперъ) рѣку.»

4. Ibid. 298: «Тогожъ лѣта (1400) въ предѣлехъ Черленого Яру и въ короулехъ возлѣ Хопоръ у Дону, князь великій Олегъ Ивановичь съ Пронскими князи и съ Муромскимъ и съ Козельскимъ избиша множество Татаръ.»

5. Въ Рязан. Дост. сохранился отрывокъ «изъ сказки Козловскаго попа.» «Черленый де Яръ усть Воронежѣ рѣки верстъ съ тридцать на низъ, а жильцы когда на томъ бывались, того онъ невѣдаетъ.... А другой де Черленый Яръ на рѣкѣ на Хопрѣ усть рѣки Савалы, а впала Савала ниже Вороны отъ Воронежскаго устья верстъ со ста.»

Изъ всего этого мы заключаемъ, что Червленый Яръ въ тѣсномъ смыслѣ назывались: во первыхъ, рѣка, впадающая въ Донъ между Тихою Сосною и Битюгомъ; во вторыхъ, часть берега при устьѣ Савалы, которая впадаетъ въ Хоперъ съ правой стороны пониже рѣки Вороны. Потомъ это названіе распространилось на земли лежащія между тѣмъ и другимъ Червленымъ Яромъ; а въ XIV ст. подъ нимъ разумѣ-

волѣ самихъ хановъ, непрепятствовали распространенію на югѣ Русскихъ поселеній. Эти поселенія, расположенныя по теченію главныхъ рѣкъ, явились здѣсь еще въ XIII в., о чемъ свидѣтельствуютъ грамматы митрополитовъ Максима и Петра, на которыя ссылается Ѳеогностъ. Послѣдній въ своей грамматѣ, писанной между 1334 и 1353 гг. упоминаетъ о городахъ по рѣкѣ Воронѣ. Частые набѣги ординскихъ хищниковъ заставили Русскихъ князей прибѣгнуть къ содержанію въ степи карауловъ, которые могли бы во время извѣщать объ опасности. Начало такихъ карауловъ относится ко второй половинѣ XIV в: они упоминаются въ первый разъ въ грамматѣ митр. Алексѣя (около 1360 г.); у Ѳеогноста о нихъ еще неговорится ни слова. Въ началѣ это были неболѣе, какъ скрытые притоны разъѣзжихъ сторожей и станичниковъ, имѣвшихъ обязанностію наблюдать за движеніями Татаръ; [143] а въ послѣдующіе вѣка изъ нихъ развилась цѣлая и довольно сложная система пограничной стражи. Въ эпоху Димитрія Донскаго на ряду съ рязанскими встрѣчаются въ степяхъ уже караулы московскіе. Но Рязанское княжество болѣе, нежели какое либо другое, нуждалось въ подобныхъ мѣрахъ предосторожности; на него падали обыкновенно первые удары кочевниковъ. Лѣтописи по прежнему вспоминаютъ объ ихъ набѣгахъ на Рязанскія украйны; разница только въ имени разбойниковъ; вмѣсто Половцевъ читаемъ Татары.

лось все степное пространство, заключенное между рѣками Воронежамъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной.

[143] О Стар. и ст. службѣ на Пол. Укр. Моск. Гос. Бѣляева. Чт. О. И. и Д. №. I. стр. 6.

На западной сторонѣ обстоятельства въ то время были благопріятны для Рязанскихъ князей; здѣсь представлялся имъ удобный случай пріобрѣсти новыя волости и распространить свое вліяніе на сосѣдей. Нашествіе Батыя особенно сокрушительнымъ образомъ подѣйствовало на княжества Кіевское и Черниговское; съ тѣхъ поръ онѣ все болѣе и болѣе увлекались подъ вліяніе сосѣдей. Послѣ мученической смерти Михаила Всеволодовича въ 1246 г. Черниговo-Сѣверскія волости раздѣлились между его четырьмя сыновьями на княжества Брянское, Новосильское, Карачевское и Тарусское, которыя въ свою очередь раздробились на мелкіе удѣлы. Рязанскіе князья непреминули воспользоваться ослабленіемъ сосѣдей, такъ что въ началѣ XIV в. ихъ пограничная линія на западѣ шла отъ верховьевъ Мечи и Зуши къ среднему теченію Уны, потомъ къ устью Протвы и далѣе вверхъ по этой рѣкѣ. Покрайней мѣрѣ въ договорной граммать Олега Ивановича съ Димитріемъ Донскимъ (1381 г.) города Лужа, Верея и Боровскъ называются мѣстами прежде бывшими Рязанскими. Но присоединеніе степныхъ пространствъ на югѣ и лѣсныхъ бѣдно населенныхъ на западѣ немогло замѣнить потерю лучшихъ волостей на сѣверозападѣ. Сокращеніе предѣловъ съ этой стороны началось со времени неудачной войны Константина Романовича съ Даніиломъ Александровичемъ Московскимъ. Сынъ Даніила Георгій навсегда утвердилъ за Москвою Коломну со всѣми ея волостями. Иванъ Калита, судя по его духовному завѣщанію, присоединилъ къ Москвѣ прежнія Черниговскія волости по рѣкѣ Лопаснѣ; хозя Рязанцамъ въ 1353 г. нечаяннымъ нападеніемъ удалось опять завладѣть Лопасною, но не надолго. Духовное завѣщаніе Ивана Ивановича, 1356 г., показываетъ, что Московскія

Пріобрѣтенія на западѣ и потеря Коломны.

пріобрѣтенія увеличились еще Каширою, Боровскомъ и другими мѣстами, которыя также въ XIII в. были отторгнуты Рязанцами отъ Сѣверскихъ княжествъ. На сѣверѣ и востокѣ Рязанскіе предѣлы по прежнимъ терялись въ лѣсахъ Мери, Мещеры и Мордвы.

События въ Муромѣ.

Что касается до Муромскаго княжества, то оно послѣ Татарскаго погрома становится еще слабѣе, чѣмъ прежде, и едва обнаруживаетъ признаки жизни въ исторіи. Мы оставили Муромъ въ 30-хъ годахъ XIII ст., когда тамъ княжилъ Юрій Давыдовичъ, который вѣроятно погибъ при нашествіи Батыя. Ему наслѣдовалъ сынъ Ярославъ, о которомъ мы знаемъ потому только, что въ 1248 г. его дочь вышла за Бориса Васильковича Ростовскаго. [144] Подъ 1281 и 1288 г. лѣтопись упоминаетъ о разореніи Муромской земли Татарами. Въ половинѣ XIV вѣка находимъ въ Муромѣ двухъ братьевъ Василія и Юрія Ярославичей. Василій умеръ въ 1344 г. и положенъ былъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба. Юрій наслѣдовалъ ему и ознаменовалъ свое княженіе тѣмъ, что обновилъ городъ Муромъ, запустѣвшій, по словамъ лѣтописца, издавна, со временъ первыхъ князей, вѣроятно, послѣ Татарскаго разоренія. Въ 1351 г. Князь первый поставилъ въ городѣ свой дворъ: примѣру его послѣдовали бояре; за ними начали строиться купцы и черные люди. Обновили и святые храмы, украсивши ихъ иконами и книгами. Но Юрій недолго пользовался плодами своихъ трудовъ. Этотъ глухой край въ то время также страдалъ усобицами, какъ и другія княжества. Родъ Муромскихъ князей, очень мало намъ извѣстный, былъ по видимому довольно многочисленъ. Въ 1353 г. является въ исторіи какой-то Ѳедоръ Глѣбовичъ, оче-

---

[144] Лавр. 201. Ник. III. 73, 87.

видно родственникъ Юрія Ярославича. [illegible] собираетъ большое войско, выгоняетъ Юрія изъ Мурома, и самъ садится на его мѣсто. [illegible] Муромцы были ему рады, и многіе граждане отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Орду хлопотать за него, а Князь [illegible] Черезъ недолго послѣ отъѣзда Федора Юрій возвратился въ Муромъ, собралъ остальныхъ граждановъ, и пошелъ въ Орду судиться съ Θеодоромъ. Долго судили ихъ Ордынскіе вельможи, и наконецъ утвердили Муромское княжество за послѣднимъ. Юрій былъ выданъ своему сопернику, подвергся тяжкому заключенію и умеръ въ великой нуждѣ.[146] Затѣмъ мы рѣшительно ничего не знаемъ о внутреннихъ событіяхъ въ Муромѣ.

Между тѣмъ какъ оба княжества, Муромское и Рязанское, все болѣе и болѣе забывали о своемъ прежнемъ родствѣ, въ іерархическомъ отношеніи они продолжали составлять одно цѣлое.

Мы говорили о томъ, что въ концѣ XII в. Рязань отдѣлилась отъ Черниговской епархіи и получила собственнаго епископа въ лицѣ Арсенія (1198—1212 г.). [illegible] томъ упоминали о Евфросиніи Святогорцѣ (1225—1238). Затѣмъ положительныя историческія свидѣтельства о Рязанскомъ епископѣ находимъ впервые [illegible] г. [illegible] пися къ [illegible] Рязанскому [illegible] мы видимъ, что [illegible] симъ поставилъ на Рязань [illegible]

145 Ник. III. [illegible], 154, 205.

146 Вотъ слова [illegible] любца Князя [illegible] зей и Великій [illegible] Іис. Хрис. [illegible] Рязанскую и [illegible]

промежутокъ отъ Ефросина до Іосифа Рязанская каѳедра оставалась иногда безъ своихъ собственныхъ святителей, начто указываютъ слова приписи: «непрезрѣ Богъ въ державѣ нашей церковь вдовствующь.» Причина того заключалась въ смутномъ времени, наступившемъ послѣ Татарскаго нашествія. Позднѣе Іосифа упоминаются слѣдующіе епископы въ Рязани: [147] Василій І-й, скончавшійся въ 1295 г.; Григорій, который въ 1325 г. присутствовалъ на погребеніи Московскаго князя Юрія Даниловича; Кириллъ, которому митрополитъ Ѳеогностъ далъ граммату на спорныя мѣста по Великой Воронѣ; Георгій,—ему Александръ Михаиловичь Пронскій въ 1340 г. далъ село Остромино, и Василій II.

духомъ мирнымъ, вѣровавше благодати Христовѣ и Св. Духу Благовѣрная Княгиня рече: да ти дастъ Богъ, Отче, за трудъ небесный покой; непрезрѣ Богъ въ Державѣ нашей церковь вдовствующь, сирѣчь, безъ Епископа, и безъ ученья Святыхъ отецъ. Благодаримъ о семъ Бога и Преосвященнаго Максима Митрополита, исполняя бо желаніе Богомъ избранному пастырю и учителю словеснаго стада Православныя вѣры нашея, отцу нашему по духу, Священному Епископу Іосифу Богоспасеннѣй области Рязанстей; о семъ благодаритъ господство наше преподобство твое Іосифа, еже Христѣ пріявъ писаніе се отъ великаго Владычества преславнато града Кіева отъ него же отрасль ты быхомъ; азъ же Епископъ Іосифъ Рязанскій, испросивъ отъ Митрополита Протофронето, препасахъ на увѣдѣніе разуму и на просвѣщеніе вѣрнымъ и послушающимъ и за свято-почившихъ Князь Рязанскихъ и преосвященныхъ Епископъ.» Обоз. Кормч. Кн. Б. Розенкампфа. с. 61.

[147] Лавр. 208. Ник. III. 93, 206. П. С. Р. Л. III. 73. Ак. Ист. І. №№: 1, 2, 3.

Послѣдній, по словамъ лѣтописи, въ 1355 г. былъ поставленъ митрополитомъ Алексіемъ «въ Рязань и Муромъ;» для него Алексій писалъ граммоту на Червленый Яръ о спорныхъ мѣстахъ; онъ же упоминается въ грамматѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича, данной Ольгову монастырю.

Св. епископъ Василій.

Василій II, по нашему мнѣнію, былъ тотъ самый святой епископъ, о которомъ расказывается въ житіи Муромскихъ чудотворцевъ Константича и чадъ его. Василія Святаго обыкновенно отождествляютъ съ Василіемъ I, непредставляя на это почти никакихъ доказательствъ. [148] Содержаніе житія, напротивъ, довольно ясно говоритъ въ пользу Василія II. [149] Изъ него мы заключаемъ: во

---

[148] Напр. Ист. Рус. Цер. Фил. I. 132. Ряз. Іерар. Воздвиж. 15.

[149] Прологъ мѣсяца Маія 21. дня. Вотъ его содержаніе: Спустя много лѣтъ по преставленіи Благ. Князя Константина и чадъ его, и по запустѣніи города Мурома отъ невѣрныхъ людей, и спустя много лѣтъ послѣ Благовѣрнаго князя Петра, прибылъ изъ Кіева въ Муромъ Благовѣрный князь Георгій Ярославичь.... Сей Князь обновилъ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы и вторый храмъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба., и поставилъ у церкви ихъ по прежнему, Епископа, именемъ Василія, мужа праведнаго и благочестиваго. Народъ Муромскій по о..ному подозрѣнію на житіе Святителя, неприличное сану его, былъ причиною перенесенія престола епископа изъ Мурома въ Рязань. Тщетно праведникъ доказывалъ свою невинность; ослѣпленные неслушали его и хотѣли даже умертвить. Св. Василій воззвалъ: отцы и братіе! дадите мнѣ малое время до утрія до третьяго часа дне! Кротость пастыря и произнесенныя имъ слова на время успокоили волненіе въ народѣ; онъ разошелся по домамъ. Благочестивый епископъ молился со сле-

первыхъ, св. Епископъ былъ современникъ Георгія Ярославича, обновившаго Муромъ, и Олега (Ивановича) Рязанскаго; а во вторыхъ, епископское мѣстопребываніе, колебавшееся дотолѣ между Рязанью и Муромомъ, съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ первой, потому что въ ней именно встрѣчаются предыдущіе святители въ 50-хъ годахъ XIV столѣтія—окончательно утверждается въ Рязани. Судя по времени, очень можетъ быть, что это событіе имѣло связь съ упомянутыми смутами въ Муромѣ.

зами во всю ночь во храмѣ страстотерпцевъ; съ наступленіемъ дня, совершивъ литургію, пошелъ въ церковь Благовѣщенія и тамъ предъ образомъ Пресв. Богородицы, принесеннымъ нѣкогда изъ Кіева Благовѣрн. Княземъ Константиномъ, отпѣлъ молебенъ. Возложивъ надежду спасенія своего на заступницу небесную, Василій взялъ Чудотворную икону и съ ней пошелъ изъ церкви и Епископіи своей до рѣки Оки. Провождаху его вельможи града и весь народъ хотяше ему дати судно ко плаванію. Святый же стоя съ образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снялъ съ себя мантію и простре ю на воду, и поступи на ню, нося образъ Пресв. Богородицы, и абіе несенъ бысть духомъ бурнымъ противу быстрины рѣчныя, отнюду же рѣка течетъ. Видѣвше же сіе чудо Муромскіи граждане начаху вопити: о Святый Владыко Василій! прости насъ грѣшныхъ рабовъ своихъ. И абіе Святый Василій Епископъ взятся изъ очію Муромскаго народа... и того же дня въ девятый часъ принесенъ бысть на мѣсто, еже нынѣ зовомо *старая Рязань*. Ту бо тогда пребываху Князи рязанскіи. Великій же Князь Рязанскій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всемъ освященнымъ соборомъ и пріятъ Святаго Епископа Василія, радуяся со всѣми православными христіанами и тако пребысть Муром-

Успѣхи христіанской проповѣди въ Рязанскихъ предѣлахъ замедлились въ первое время послѣ Татарскаго нашествія. Хотя Татары, какъ извѣстно, невоздвигали гоненія на православную вѣру; но близкое сосѣдство съ ними и частые грабежи конечно мѣшали матеріальному благосостоянію жителей и развитію христіанской цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе святая вѣра продолжала постоянно пріобрѣтать новыхъ поклонниковъ. Грамматы митрополитовъ на Червленый Яръ указываютъ на присутствіе осѣдлаго христіанскаго населенія въ мѣстахъ между Дономъ и Хопромъ. Остатки Половцевъ, тѣснимые Татарами, искали убѣжища въ юговосточныхъ предѣлахъ Руси, и, сближаясь съ Русскими, мало по малу обращались къ христіанству. Многіе потомки Половецкихъ хановъ и вельможъ вступили въ службу къ Рязанскимъ князьямъ, и сдѣлались родоначальниками нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, таковы напримѣръ Кобяковы. Въ Рязань приходятъ также выходцы изъ Орды, и принимаютъ св. крещеніе.

Къ первой половинѣ XIV в. относится начало христіанскихъ князей въ Мещерѣ. Князья Ширинскіе подняли брань на Царя Большой Орды, и въ 1298 г. ушли изъ нея кочевать на Волгу. Одинъ изъ нихъ Бахметъ Усейновъ сынъ пришелъ въ Мещеру, взялъ ее войною и остался здѣсь княжить. Въ Мещерѣ родился у него сынъ Беклемишъ, который въ послѣдствіи принялъ крещеніе и назвался Михаилъ. Онъ поставилъ въ Ан- Христіанскіе князья въ Мещерѣ.

ская епископія въ Рязани. Нарицается же и до днесь Борисоглѣбское одержаніе ради града Мурона святому князю Глѣбу. По семъ же паки Муромъ отъ Рязанскихъ епископовъ благословляется: сами же къ тому епископи въ Муромъ на житіе невозвращахуся » и т. д. (Изъ Ряз. Дост.)

дреевѣ Городкѣ храмъ Преображенія и крестилъ съ собою многихъ людей. У него былъ сынъ Ѳедоръ, а у Ѳедора Юрій, который въ 1380 г. пришелъ съ полкомъ своимъ на помощь къ Великому Князю Димитрію противъ Мамая, отличился и палъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ.[150] Такимъ образомъ въ Мещерскихъ земляхъ по Цнѣ и Мокшѣ въ началѣ XIV ст. образуется новое удѣльное княжество и въ тоже время полагаются основы для будущихъ успѣховъ христіанскаго ученія и гражданственности. Андреевъ Городокъ конечно небылъ единственнымъ городомъ въ этихъ мѣстахъ; уже мы встрѣтили здѣсь прежде Кадомъ, а нѣсколько позднѣе находимъ еще Темниковъ и Елатомъ. Кромѣ Бахметева рода въ Мещерѣ продолжали существовать и туземные князья. Послѣдніе также начинаютъ въ XIV в. принимать христіанство, на что немекаетъ загадочный Александръ Уковичъ, который встрѣчается въ договорныхъ грамматахъ Димитрія Донскаго и его преемниковъ съ Рязанскими князьями; первая половина его имени обнаруживаетъ христіанина, а вторая указываетъ на отца язычника. Судя по тому, что Александръ Уковичъ въ грамматахъ сопоставляется Рязанскому князю Ивану Ярославичу, можно отнести его къ первой половинѣ XIV в. Мещерскіе князья конечно были слишкомъ слабы для того, чтобы пользоваться самостоятельностію и неподпасть вліянію Русскихъ сосѣдей, преимущественно Рязанцевъ; но со второй половины этого вѣка здѣсь начинаетъ преобладать господство Москвы.

Набѣги кочевниковъ.

Если обратиться къ внутреннему состоянію Рязанскаго княжества въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, то и въ этомъ отношеніе мы неможемъ предста-

---

[150] Родосл. Кн. Долгор. II. стр. 15, 23.

вить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправлялось отъ Татарскаго погрома. Главною причиною того было невыгодное географическое положеніе. Надъ Рязанскою землею болѣе, нежели надъ какою либо другою частію Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, неимѣющей естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варварами, которые непропускали ни однаго удобнаго случая пограбить. Русскіе города и селенія? а при отсутствіи безопасности могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то, что можно было унести съ собою, и, если успѣвалъ, спасался въ сосѣдніе лѣса; бѣдныя хижины оставались на жертву огню, а неубранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія, и цѣлыми толпами уходили далѣе на сѣверъ, особенно въ Московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо большимъ спокойствіемъ. Хотя митрополичьи грамматы упоминаютъ о городахъ по Хопру и Великой Воронѣ; но источники нигдѣ неназываютъ ихъ по имени, и трудно себѣ представить, что это были за города и какъ велико было населеніе той стороны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру Рязанскаго княжества, напр. берега верхняго Дона, въ концѣ XIV в. все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до второй половины XIV в. невстрѣчаемъ новыхъ городовъ. Варварскій элементъ въ составѣ населенія съ XIII в. еще болѣе усилился новыми толпами Половцевъ и Та-

таръ. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Лѣтописи изображаютъ намъ Рязанцевъ XIV в. людьми свирѣпыми, гордыми, въ то же время коварными и робкими. Несмотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости Рязанцевъ упрекать нѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ Москвитянъ, скорѣе можно объяснять излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ военнаго искусства, нежели робостію.

Политика князей въ отношенія къ сосѣдямъ.

Внѣшняя политика Рязанскихъ князей опредѣлялась географическимъ положеніемъ княжества. На первомъ планѣ стояли отношенія къ завоевателямъ. Близость Орды, полустепной характеръ природы на югъ отъ Оки и Прони, разъединеніе и слабость силъ отнимали всякую надежду на возвращеніе независимости Дѣйствительно лѣтописи ни разу неговорятъ о томъ, чтобы въ этой сторонѣ когда либо обнаружилась попытка къ борьбѣ за свободу Русской земли. Въ безъусловной покорности Рязанскіе князья видѣли единственное средство удержать за собою свои волости и спасти ихъ отъ новыхъ разореній. Нѣтъ сомнѣнія, что они усердно исполняли всѣ ханскія требованія; часто ѣздили въ Орду съ выходомъ и богатыми подарки и водили свои дружины на помощь Татарскимъ войскомъ. Покорность Хану однако немѣшала имъ, какъ увидимъ послѣ, оружіемъ расправляться съ толпами кочевниковъ, которыя самовольно приходили грабить ихъ волости. Подобныя шайки изъ грабителей нерѣдко обращались въ союзниковъ и вступали въ службу князей, также безъ ханскаго позволенія; Татары напримѣръ, вмѣстѣ съ Рязанцами были разбиты подъ Переяславлемъ въ 1301 г.; а

между тѣмъ незамѣтно, что бы это обстоятельство произвело неудовольствіе въ Ордѣ. Съ начала XIV в. явилась новая и едва ли не самая важная причина, заставлявшая Рязанскихъ князей заискчвать благоволанія Хановъ;—это была опасность, которая начинала грозить ихъ самостоятельности со стороны Москвы. Уже при первомъ столкновеніи Рязанцевъ съ Москвитянами обнаружилось все матеріальное и нравственное превосходство собирателей Русской земли надъ своими соперниками. На этотъ разъ Рязанцы спаслись, можетъ быть, покровительствомъ Орды и отдѣлались потерею Коломны. Московскіе Великіе Князья послѣ того идутъ къ своей цѣли болѣе медленными, но за то вѣрными шагами; отнимая волости у Рязанскихъ, они въ тоже время искусно ведутъ съ ними борьбу въ самой Ордѣ, и, пріобрѣтая благосклонность Хановъ, лишаютъ ихъ самой могущественной опоры. Едвали, напримѣръ, не происки Калиты были причиною того, что Иванъ Ярославичь лишился головы по приказанію Узбека. Сыновья Калиты въ этомъ отношеніи подражали отцу, и близорукая политика Орды непрепятствовала усиленію Москвы на счетъ тѣхъ или другихъ сосѣдей. Успѣхамъ Москвитянъ много содѣйствовало внутреннее разъединеніе Рязанцевъ и княжескія усобицы обычное явленіе древней Руси. Съ конца XIII в. Рязанскія земли опять распадаются на два главные удѣла: собственно Рязанскій и Пронскій; вражда неразъ возобновлявшаяся между ихъ князьями, сдѣлалась наслѣдственною въ потомствѣ двухъ сыновей Александра Михайловича, Ивана и Ярослава. Кромѣ споровъ за волости причиною непріязни было стремленіе Пронскихъ князей обособиться и стать въ равныя отношенія къ старшей линіи. Слишкомъ слабые для того, чтобы бороться собственными средствами,

они нашли могущественныхъ союзниковъ въ Московскихъ князьяхъ, которые пользовались случаемъ утвердить свое вліяніе на дѣла сосѣдняго княжества и постепенно приготовить его паденіе.

Послѣ Ординскихъ и Московскихъ отношеній, которыя стояли на первомъ планѣ, Рязанскіе князья неупускали изъ виду также своихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Въ XIII в. они воспользовались раздробленіемъ Сѣверскаго княжества, и съ успѣхомъ старались подчинить своему вліянію потомковъ Михаила Черниговскаго. Но въ XIV ст. это вліяніе встрѣтило себѣ опасное соперничество кромѣ Москвитянъ еще со стороны Литовскихъ князей, которые въ то время начали собираніе югозападной Руси. На востокѣ Рязанцы безъ сомнѣнія неупускали случая подчинить себѣ Мещерскихъ и Мордовскихъ владѣтелей; но и здѣсь въ XIV в. они встрѣтили тѣхъ же торжествующихъ соперниковъ Москвитянъ.

Трудно представить характеристику самой личности Рязанскихъ князей во второй половинѣ XII в. и къ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, большею частію по поводу своей кончины, а нѣкоторые извѣстны только по имени, такъ что неоставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда 12 или 13 князей: съ одной стороны останавливаетъ наше вниманіе Романъ Ольговичь, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противуположное явленіе, мрачная тѣнь Коротопола. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и загрубѣлыхъ Рязанскихъ нравахъ; надобно вспомнить однако, что подобные примѣры встрѣчались въ тѣ времена не въ одной Рязани, и непроизводили

повидимому особенно сильнаго впечатлѣнія па народъ. (Напр. борьба Москвы съ Тверью.)

Обыкновенно перенесеніе столицы изъ Рязани въ Переяславль приписываютъ Олегу Ивановичу; мы думаемъ, что оно относится ко времени его предшественниковъ. Послѣ Татарскаго нашествія лѣтописи почти совсѣмъ неупоминаютъ о городѣ Рязани, между тѣмъ какъ около Переяславля сосредоточиваются всѣ главныя событія Княжества. Въ 1300 г. у Переяславля, неизвѣстно зачѣмъ, сходились Ярославичи; въ слѣдующемъ году подъ его стѣнами былъ разбитъ Константинъ Даніиломъ Московскимъ; здѣсь Коротополъ убилъ Александра Михайловича Пронскаго; сюда пришелъ Ярославъ Александровичъ съ Татарами и выгналъ Коротопола. Очень вѣроятно, что князья уже съ XIII в. стали предпочитать Рязани болѣе надежныя укрѣпленія Переяславля. Притомъ же первый городъ былъ нѣсколько удаленъ отъ центра Рязанскихъ владѣній и выдавался на востокъ, въ глухую Мещерскую сторону; а второй занималъ почти серединное положеніе, и былъ гораздо ближе къ Москвѣ, откуда теперь грозила постоянная опасность; слѣдовательно, въ стратегическомъ отношеніи это былъ лучшій пунктъ въ цѣломъ княжествѣ. Новая столица.

ГЛАВА V.

ОЛЕГЪ ИВАНОВИЧЪ.

1350—1402.

Нападеніе на Лопасну. Бѣдствія въ Рязани Борьба Олега князьями съ Московскимъ и Пронскимъ. Союзъ съ Димитріемъ. Татарскіе погромы. Эпоха Куликовой битвы. Обвиненія въ измѣнѣ. Предполагаемсе участіе Олега въ событіяхъ 1380 года. Договоръ съ Димитріемъ. Тохтамышъ. Послѣдняя война съ Москвою Вѣчный миръ. Татарскія отношенія. Борьба съ Витовтомъ. Подручники Рязани. Личность Олега. Внутренняя дѣятельность и политическія стремленія. Олеговы бояре. Ефросинія.

Нестарше 12 или 15 лѣтъ остался Олегъ—въ крещеніи Іаковъ—послѣ смерти своего отца Ивана Александровича. Мы не можемъ указать на обстоятельства, которыя сопровождали юные годы Олега, и потому не знаемъ, подъ вліяніемъ какихъ впечатлѣній сложился этотъ замѣчательный характеръ. Все княженіе его отца лѣтописи проходятъ совершеннымъ молчаніемъ, которое заставляетъ предполагать отсутствіе важныхъ событій внѣшнихъ; видимъ только, что Иванъ Александровичь упрочилъ великокняжескій Рязанскій столъ за своимъ

сыномъ, а Пронскій удѣлъ предоставилъ племяннику Владиміру Димитріевичу.

Нападеніе на Лопасну.

По всему замѣтно, что умные и преданные совѣтники окружали Олега, когда онъ сѣлъ на отцовскомъ столѣ. Они съумѣли поддержать внутреннюю тишину, и довольно искусно воспользовались обстоятельствами для того, чтобы возвратить часть потерянныхъ волостей. Черная смерть, опустошавшая въ то время сѣверную Россію, кончина Симеона Гордаго, и отсутствіе Московско-Суздальскихъ князей, спорившихъ въ Ордѣ о Великомъ княженіи—все это благопріятствовало предпріятію Рязанцевъ. Въ Петровки 1353 года они захватили внезапнымъ нападеніемъ городъ Лопасну. Лопасненскій намѣстникъ Михаилъ Александровичь попался въ ихъ руки, и перенесъ жестокое заключеніе, пока небылъ выкупленъ изъ плѣна. Олегъ въ этомъ дѣлѣ или непринималъ личнаго участія или дѣйствовалъ подъ вліяніемъ другихъ; лѣтописецъ замѣчаетъ о немъ только слѣдующее: «Князь же ихъ Олегъ Ивановичь тогда еще былъ младъ.» [151] Миролюбивый Иванъ Ивановичь Московскій, воротившись изъ Орды, незахотѣлъ начинать войны за Лопасну, и оставилъ въ покоѣ Рязанцевъ. Надобно отдать при этомъ справедливость молодому князю и его совѣтникамъ; они неупотребили во зло уступчивости сосѣда, и новыми попытками невызывали его на рѣшительную борьбу.

[151] Ник. III. 203. Слѣдовательно нѣтъ основанія повторять слова знаменитаго Историографа, что, «преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, Олегъ дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ и пр.» IV. 173. Лѣтопись неупоминаетъ о томъ, чтобы онъ жегъ, грабилъ Лопасну и мучилъ тѣлесно ея намѣстника.

Рязанское княжество замѣтно стало оправляться послѣ бѣдствій, причиненныхъ внутренними усобицами и внѣшними врагами; оно освободилось отъ вліянія Москвы, тяготѣвшаго надъ нимъ съ начала XIII вѣка до смерти Симеона Гордаго, и не потеряло на сѣверѣ ни одной деревни во все княженіе его брата. [152] Въ отношеніяхъ двухъ княжествъ видно уже нѣкоторое равенство. Такъ въ 1355 г. во время Московскихъ смутъ, по поводу насильственной смерти Тысяцкаго, двое большихъ бояръ съ семействами отъѣхали изъ Москвы въ Рязань. Впрочемъ черезъ два года Ивану опять удалось перезвать ихъ къ себѣ. [153]

Бѣдствія въ Рязани. Бѣдствія разнаго рода незамедлили помрачить счастливое начало Олегова правленія. Въ 1352 г. губительное дыханіе Черной смерти, распространявшееся съ запада на востокъ, менѣе другихъ Русскихъ областей отозвалось на Рязанской Украйнѣ: имя Рязани не упомянуто лѣтописцами въ числѣ опустошенныхъ городовъ; напротивъ Князь Всеволодъ Александровичь Холмскій отослалъ свою княгиню въ Рязань для предохраненія отъ язвы. [154] Но въ 1364 г. язва появилась снова, и

---

[152] Слѣдующія слова въ духовной Ивана Ивановича (С. Г. Г. и Д. I. № 26): «А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки и съ тыхъ мѣстъ далъ есмь Князю Володимеру въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть поротли, а иная мѣста Рязаньская отъмѣньная сыну моему Князю Димитрію и Князю Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды» едва ли указываютъ на то, что эти мѣста были отняты Иваномъ II у Рязанцевъ; онѣ могли достаться ему по наслѣдству.

[153] Ник. III. 208 и 210.

[154] Ник. III. 198. безъ означенія причины, въ Ряз. Дост. прибавлено: «отъ мору.»

на этотъ разъ приняла обратное направленіе-съ востока; изъ Бездежа она была занесена въ Нижній Новгородъ, а оттуда пошла на Рязань, Коломну, Москву и т. д. Въ 1358 г. пришелъ въ Рязанскую землю Татарскій царевичь Маматъ-Хожа, и послалъ въ Москву предложеніе утвердить прочныя границы между княжествами Московскимъ и Рязанскимъ; но Иванъ II непустилъ его въ свою отчину, заподозривъ въ пристрастіи къ Олегу; Царевичь возвратился въ Орду и былъ казненъ по ханскому повелѣнію; тѣмъ неменѣе для Рязанцевъ дорого обошлось это посѣщеніе [155]. Въ 1365 г. Ординскій князь Тагай, который незадолго передъ тѣмъ утвердился въ Мордовской странѣ (въ Наровчатѣ), нечаянно напалъ на Переяславль Рязанскій съ Татарами и Мордвою; взялъ городъ, сжегъ его и разграбилъ ближнія волости. Обремененные добычей и большимъ числомъ плѣнниковъ, непріятели медленно возвращались назадъ. А между тѣмъ Олегъ Ивановичь нетерялъ времени; онъ успѣлъ собрать дружину, призвать на помощь Владиміра Пронскаго и Тита Козельскаго, и погнался за Тагаемъ. Рязанцы настигли Татаръ подъ Шишевскимъ лѣсомъ, и послѣ жаркой битвы одержали надъ ними побѣду. Тагай, до того времени гордый своимъ могуществомъ, спасся бѣгствомъ съ немногими людми. [156]

Борьба съ князьями Московскимъ и Пронскимъ.

Миновало шесть лѣтъ, неотмѣченныхъ никакимъ событіемъ. Послѣдующая исторія однако заставляетъ догадываться, что согласіе Олега Ивановича съ Владиміромъ Пронскимъ послѣ нашествія Тагая было нарушено, и опять возобновилась борьба Рязанскихъ князей съ Пронскими. Въ связи съ этою борьбою снова началось

---

[155] Ник. III. 210. Татищ. IV. 185.

[156] Ник. IV. Л.

наступательное движеніе Москвы на Рязань, пріостановленное на время миролюбивымъ характеромъ Ивана Ивановича, споромъ за великокняжеское достоинство послѣ его смерти и отношеніями Димитрія Ивановича къ Твери и къ Литвѣ. Хотя въ 1370 г. на помощь Москвитянамъ противъ Ольгерда ходили полки Рязанскіе и Пронскіе, однако уже въ слѣдующемъ году началась откры-
1371 г. тая война между Москвою и Рязанью. [157] 14 Декабря 1371 г. Великій князь послалъ свою рать на Рязань подъ начальствомъ Димитрія Михайловича Волынскаго. Олегъ собралъ свою дружину, и бодро выступилъ на битву. Рязанцы успѣли уже позабыть неудачи прежнихъ войнъ съ Москвитянами; первыя 20 лѣтъ Олегова княженія пробудили въ нихъ сознаніе собственныхъ силъ, и они заранѣе обнаружили увѣренность въ побѣдѣ. Эта гордая и вскорѣ обманутая увѣренность подала поводъ сѣверному лѣтописцу высказать вполнѣ свое нерасположеніе къ сосѣдямъ. «Рязанцы, свирѣпые и гордые люди, говоритъ онъ, до того вознеслись умомъ, что въ безуміи своемъ начали говорить другъ другу: не берите съ собою доспѣховъ и оружія, а возмите только ремни и веревки, чѣмъ было бы вязать робкихъ и слабыхъ Москвичей. Послѣдніе напротивъ шли со смиреніемъ и воздыханіемъ, призывая Бога на помощь. И Господь, видя ихъ смиреніе, Москвичей вознесъ, а гордость Рязанцевъ унизилъ.» Битва произошла недалеко

---

[157] По словамъ Татищева причиною войны былъ возобновившійся споръ за Лопасну, которую Олегъ просилъ у Димитрія, какъ вознагражденіе за помощь противъ Ольгерда. Димитрій отказалъ ему на томъ основаніи, что Олегъ постоялъ только на границѣ и непошелъ оборонять Москву въ то время, когда Ольгердъ опустошалъ ея окрестности. IV. 223.

отъ Переяславля Рязанскаго на мѣстѣ, называвшемся Скорнищево. Уже самое имя Московскаго вождя было плохимъ предзнаменованіемъ для Рязанцевъ; въ отношеніи военнаго искуства Олегъ уступалъ осторожному и талантливому Волынскому, который вѣроятно въ свою пользу обратилъ излишнюю самонадѣянность непріятелей и приготовилъ имъ какую нибудь неожиданность. «Тщетно махали Рязанцы веревочными и ременными петлями, продолжаетъ лѣтописецъ; они падали какъ снопы и были убиваемы какъ свиньи. Итакъ Господь помогъ Великому князю Димитрію Ивановичу и его воинамъ: одолѣли Рязанцевъ, а князь ихъ Олегъ Ивановичъ едва убѣжалъ съ малою дружиною.» Ременныя и веревочныя петли, о которыхъ здѣсь говорится, вѣроятно были ничто иное, какъ арканы, въ первый разъ употребленные Рязанцами въ скорнищенской битвѣ [158] и перешедшіе къ нимъ отъ степныхъ сосѣдей. Эти то арканы конечно ввели въ заблужденіе лѣтописца, приписавшаго Рязанцамъ такое легкомысліе, что они нехотѣли брать съ собою оружія, а собирались прямо вязать Москвитянъ веревками.

---

[158] Догадка С. М. Соловьева. И. Р. III прим. 480.

Ник. IV- 31. 32. Г. Воздвиженскій въ Историч. Обозр. Ряз. Губ. (стр. 128), необъясняя почему, принимаетъ Скорнищево за теперешнее село Канищево, которое находится верстахъ въ пяти отъ губ. города Рязани. Его мнѣніе впрочемъ подтверждается слѣдующими словами договорной грамоты Василія Дмитріевича съ Θеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (№ 36): «была рать отца моего великаго князя Дмитрея Ивановича на Скорнищевѣ у города» (конечно Переяславля). Самый ходъ расказа непротиворѣчитъ этой мѣстности.

Когда Олегъ убѣжалъ, Владиміръ Димитріевичъ Пронскій немедленно сѣлъ на Рязанскомъ столѣ. Этотъ фактъ яснѣе всего говоритъ объ участіи, которое Пронскій князь принималъ въ войнѣ Димитрія съ Олегомъ. Торжество Владиміра и Москвитянъ было не продолжительно. Съ помощію татарскаго мурзы Салахміра, который привелъ изъ Орды значительную дружину, [159] Олегъ изгналъ непріятелей изъ своего княжества, и привелъ въ свою волю Владиміра Пронскаго.

Союзъ Олега съ Димитріемъ.

Димитрій Московскій на этотъ разъ уклонился отъ рѣшительной войны съ Рязанскимъ княземъ. Его вниманіе и силы были заняты въ то время возобновившеюся борьбою съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ. Притомъ онъ уже становился въ оборонительное положеніе со стороны завоевателей; ордынскія отношенія явно приближались къ развязкѣ. Слѣдовательно Димитрій нуждался въ союзникахъ. Для него очень важно было участіе, какое могли принять Рязанцы въ той и другой борьбѣ. На юговостокѣ Московскіе предѣлы, въ случаѣ союза съ Олегомъ, оставались почти безопасны отъ Татарскихъ нашествій за обширными степями и лѣсами Рязанской области; на югозападѣ для Москвы было бы очень невыгодно соединеніе трехъ сильныхъ сосѣдей, Ольгерда, Михаила и Олега. Потому-то, можетъ быть, Димитрій и хотѣлъ утвердить Рязанское княжество за Владиміромъ Пронскимъ; но убѣдившись, что для этого слишкомъ мало одного удачнаго похода, онъ — или его умные совѣтники — понялъ, съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло, и предпочелъ вмѣсто врага пріобрѣсти въ Олегѣ себѣ союзника, хотя и ненадежнаго. Великій князь примирилъ соперниковъ и доволь-

---

[159] Изъ родосл. дворянъ Вердеревскихъ. Арх. Ряз. Д. Д. С.

ствовался уступкою нѣкоторыхъ волостей. До насъ не дошла ни договорная граммата, ни даже извѣстіе о договорѣ; послѣдующія событія однако недопускаютъ сомнѣній въ его существованіи. Послѣ того въ продолженіе осьми лѣтъ ненарушались дружескія отношенія Димитрія къ Олегу, основанныя на взаимномъ вспоможеніи. Незнаемъ, посылалъ ли Рязанскій князь опять свои войска на помощь Москвитянамъ противъ Ольгерда; но что онъ былъ ихъ союзникомъ, объ этомъ свидѣтельттвуютъ двѣ договорныя граммaты Димитрія Ивановича съ Ольгердомъ (въ 1372 г.) и Михаиломъ Тверскимъ (1375 г.): первая въ числѣ сторонниковъ Московскаго князя упоминаетъ Олега Рязанскаго и Владиміра Пронскаго; [160] вторая признаетъ Великаго князя Рязанскаго Олега третейскимъ судьею въ спорныхъ дѣлахъ между Москвою и Тверью. [161] Еще замѣтнѣе обозначился союзъ Димитрія и Олега въ отношеніяхъ къ Татарамъ. Надѣясь на Московскую помощь, Олегъ по видимому обнаружилъ намѣреніе, если не совсѣмъ сбро-

Татарскіе погромы.

---

160 С. Г. Г. и Д. I. №. 31. Карам. V. прим. 29. Ист. Солов. III. 344. Великій Князь Романъ, поставленный въ грамматѣ между Олегомъ и Владиміромъ, неназванъ Рязанскимъ, да и немогъ имъ быть: во первыхъ, въ то время въ Рязанской области не было третьяго удѣла, который имѣлъ бы названіе Великаго княженія; а во вторыхъ, имя Романа неносилъ ни одинъ Рязанскій князь, современный Олегу. Вѣроятнѣе всего это былъ Романъ Новосильскій, о которомъ упоминаетъ Дог. Гр. Васил. Дмит. съ Өедор. Ольг. (№ 36).

161 Ibid. №. 28. Здѣсь эта грамота приведена подъ 1368 г. Г. Савельевъ въ статьѣ «Историч. значеніе Дмитрія Донскаго.» (Ж. М. Н. П. 1837 г. Іюнь) очень правдоподобно доказываетъ, что она относится къ 1375 г.

сить, то покрайней мѣрѣ ослабить тяжесть Монгольскаго ига. Но Рязанская земля дорого поплатилась за дружбу съ Москвою. «Въ 1373 г. пришли Татары изъ Орды отъ Мамая на Рязанскаго князя Олега Ивановича, города его пожгли, множество людей побили, и съ большимъ полономъ воротились во свояси.» Димитрій съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ слишкомъ поздно явился на помощь къ союзнику; онъ ограничился тѣмъ, что сталъ на берегу Оки и непустилъ Татаръ перейти на сѣверную сторону. Въ 1377 г. царевичь Арапша, извѣстный въ исторіи пораженіемъ Русскаго ополченія на рѣкѣ Пьянѣ, осенью сдѣлалъ набѣгъ на Рязанскую землю, и взялъ Переяславль. Захваченный въ расплохъ, Олегъ Ивановичь попался было въ плѣнъ; но вырвался и убѣжалъ, весь израненный татарскими стрѣлами. [162] Какъ великъ былъ ужасъ, наведенный Арапшею на жителей, видно изъ того, что въ Рязанской землѣ долго ходили потомъ страшные расказы о подвигахъ Царевича, и онъ превратился въ миѳическое лицо какого-то богатыря-великана. Въ слѣдующее лѣто Мамай отправилъ мурзу Бегича съ большою ратью на Великаго князя Димитрія, а вмѣстѣ съ нимъ и на его союзника Олега. Димитрій поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, перешелъ за Оку и сошелся съ Татарами на берегахъ рѣчки Вожи. 11 Августа произошла извѣстная битва, предвѣстница Куликовской побѣды. Въ 15 верстахъ отъ губернскаго города Рязани до сихъ поръ существуютъ въ памятники Вожинской битвы—высокіе курганы, по которымъ разбросано село Ходынино. Олегъ повидимому непринималъ участія въ сраженіи; упоминается только князь Пронскій Даніилъ, который начальствовалъ однимъ кры-

[162] Ник. IV. 39. 54. П. С. Р. Л. IV. 74.

ломъ великокняжескаго ополченія. Мамай, приведенный въ ярость такою страшною неудачею, спѣшилъ выместить свою досаду на Рязанской области. Онъ собралъ остатки разбитой рати и бросился на Рязань. Олегъ, вѣроятно считавшій себя безопаснымъ съ юга въ первое время послѣ пораженія Татаръ, и на этотъ разъ оказался неготовымъ къ оборонѣ. Онъ перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки и оставилъ свои волости на жертву грабителямъ. Татары взяли и пожгли Дубокъ, Переяславль и другіе города; разорили множество селъ и увели съ собою большое количество плѣнниковъ. Сильно опечалился Олегъ, когда увидалъ свое разоренное княжество; жители, спасшіеся отъ плѣна, должны были селиться какъ въ необитаемомъ краю и строить новыя хижины, «понеже вся земля бысть пуста и огнемъ сожжена.»[163] Хотя опустошеніе распространилось далеко не на цѣлое княжество; но оно постигло самую лучшую часть его — правое прибрежье Оки.

Эпоха Куликовой битвы.

Это внезапное нападеніе было только предвѣстіемъ грозы болѣе ужасной, которая долженствовала напомнить Россіи Батыево нашествіе. Мамай старается собрать отвсюду огромныя силы. Но Орда оскудѣла ратными людьми: цвѣтъ Татарскаго воинства погибъ на берегахъ Вожи, и Ханъ, недовольствуясь тѣмъ, что изъ великихъ степей Поволжскихъ и Подонскихъ начали сходиться къ нему Татары и Половцы, послалъ въ сосѣднія страны нанимать дружины Армянъ, Генуезцевъ, Черкасъ, Ясовъ и другихъ народовъ. Все еще неувѣренный въ успѣхѣ, онъ уговорился дѣйствовать за одно съ Ягай-

---

[163] Ник. IV. 82. Впрочемъ извѣстенъ гиперболической характеръ лѣтописныхъ выраженій, когда дѣло идетъ о непріятельскихъ погромахъ.

домъ Литовскимъ. Лѣтомъ 1380 г. Орда переправилась на западную сторону Волги и прикочевала къ устью рѣки Воронежа. Вѣсть объ опасности, какъ мы знаемъ, непривела въ смущеніе Московскаго князя; напротивъ теперь-то онъ и обнаружилъ вполнѣ свое мужество и энергію. Нетеряя драгоцѣннаго времени, Димитрій началъ собирать ополченіе и послалъ звать на помощь подручныхъ князей.

Обвиненія Олега въ измѣнѣ.

Что же дѣлалъ Олегъ въ то время, когда съ трехъ сторонъ къ предѣламъ его княжества двигались вооруженныя массы? Извѣстно, что сѣверныя лѣтописи обвиняли его въ измѣнѣ и предательствѣ. Описывая эпоху Куликовой битвы, нѣкоторые лѣтописцы ненаходятъ словъ, чтобы выразить всю гнустность его поведенія, и немогутъ упомянуть имени Олега безъ того, чтобы не прибавить къ нему; велерѣчивый и худой (умомъ), отступникъ, совѣтникъ дьявола, душегубивый, и тому подобные эпитеты. Это ожесточеніе противъ Олега пережило нѣсколько столѣтій и нашло себѣ громкій отголосокъ въ повѣствованіи безсмѣртнаго Исторіографа, такъ что для многихъ съ именемъ Рязанскаго князя сдѣлалось неразлучно представленіе о великомъ Русскомъ измѣнникѣ, въ родѣ Ивана Мазепы. Въ наше время исторической критики, пора наконецъ освободить памать Олега отъ незаслуженныхъ нареканій и взглянуть на него поближе. И сѣверные лѣтописцы не всѣ отзывались о немъ одинаковымъ тономъ; напримѣръ, въ расказѣ Никоновскаго сборника говорится о князѣ безъ брани и безъ особеннаго негодованія на его поведеніе; скорѣе можно замѣтить какой-то оттѣнокъ сожалѣнія. За то Олегъ представленъ здѣсь слишкомъ робкимъ княземъ: онъ безпрестанно приходитъ въ ужасъ, совѣтуется съ боярами, плачетъ, и вообще незнаетъ,

что ему дѣлать. Конечно въ этомъ изображенiи есть своя доля правды: положенiе Олега было такъ затруднительно, что онъ немогъ обойтись безъ сильныхъ колебанiй и тревожнаго раздумья. Еще въ XVIII в. князь Щербатовъ неувлекся ожесточенiемъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, и, некасаясь личнаго характера Олегова, спокойно старается объяснить его поведенiе обстоятельствами того времени. Онъ придерживается разсказа Никоновской лѣтописи, и въ слѣдъ за ея составителемъ приписываетъ Олегу и Ягайлу увѣренность въ томъ, что Димитрiй неосмѣлится выдти на встрѣчу Мамаю, но убѣжитъ въ Новгородъ или на Двину, а союзники раздѣлятъ между собою Московское княжество. Современный намъ историкъ гораздо проще и вѣроятнѣе другихъ объясняетъ причину измѣны: Олегъ, по его мнѣнiю, дѣйствовалъ такъ, а неиначе, потому что болѣе другихъ Русскихъ князей былъ настращенъ Татарами. [164]

Мы, съ своей стороны, принимаемъ слова Московскихъ лѣтописцевъ за проявленiе той вражды, которую питали другъ къ другу два сосѣднiя княжества, и которая со стороны Москвитянъ достигла крайней степени во второй половинѣ XIV в., именно потому, что въ лицѣ Олега встрѣтилось упорное сопротивленiе собирателямъ Руси. Но для того, чтобы безпристрастно судить историческое лицо, прежде всего надобно представить себѣ ту эпоху, точнѣе говоря, тѣ обстоятельства, посреди которыхъ оно дѣйствовало.

Напомнимъ слабую связь между частями Руси въ дѣлѣ общихъ интересовъ, каковы напримѣръ отношенiя къ сосѣднимъ народамъ. Каждое самостоятельное княжество

164 Ист. Р. III. 356.

въ политическомъ отношеніи составляло отдѣльное тѣло, жило собственною жизнію, имѣло свои мѣстные интересы; разъединеніе поддерживалось кромѣ того взаимною враждою князей. Первое ясное сознаніе національнаго единства пробудилось въ Москвѣ вмѣстѣ съ ея стремленіемъ къ собиранію Руси. Но это самое стремленіе поставило ее во враждебныя отношенія къ другимъ большимъ удѣламъ, каковы Тверь и Рязань; они съ безпокойствомъ начинаютъ слѣдить за возраставшимъ могуществомъ потомковъ Калиты и пытаются найти опору въ иноплеменныхъ сосѣдяхъ: Тверь прибѣгаетъ за помощью къ Литвѣ; Рязань предпочитаетъ скорѣе стать подъ эгиду Татарскаго ига, нежели признать надъ собою господство Москвы. Вопросъ объ игѣ такимъ образомъ получилъ мѣстное и далеко неодинаковое значеніе для различныхъ областей Россіи. Если Москва чувствовала себя уже въ силахъ бороться противъ него и презирать злобу завоевателей, то для Рязани такое время еще далеко не наступило, и обстоятельства заставляли ея князей иначе смотрѣть на ханскій гнѣвъ. Олегъ понималъ это лучше, нежели кто другой, потому что на дѣлѣ испыталъ, чего стоитъ ему дружба съ сильнымъ Московскимъ княземъ. Восемь лѣтъ онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Димитрія, и какіе результаты? Четыре раза Татары большими массами приходили опустошать Рязанскую землю; собственными силами Рязанцы немогли защитить себя отъ подобныхъ нашествій, всегда болѣе или менѣе неожиданныхъ; а Москвитяне подавали помощь слишкомъ поздно. Борьба Орды съ Москвою во всякомъ случаѣ была невыгодна для Рязанцевъ, потому что на ихъ полахъ происходили кровавыя встрѣчи соперниковъ; самая побѣда союзника влекла за собою только новыя бѣдствія, какъ напримѣръ Вожинская бит-

ва, между тѣмъ какъ жители Московскихъ волостей спокойно предавались мирнымъ занятіямъ, въ увѣренности, что дальше береговъ Оки неступятъ копыта татарскихъ лошадей. Понятно, почему Олегъ очутился въ большомъ затрудненіи, когда услыхалъ о новой Татарской рати, которая придвигалась къ южнымъ границамъ и которую молва навѣрно преувеличила въ нѣсколько кратъ; остаться ли въ союзѣ съ Димитріемъ, перейдти ли на сторону Мамая, въ обоихъ случаяхъ его княжеству грозило лишь новое разореніе; а еще свѣжи были раны прошлогодняго погрома. Очень могло быть, что искушеніе усиливалось надеждою воспользоваться несчастіемъ опаснаго сосѣда и на его счетъ увеличить собственное княжество. Однимъ словомъ, положеніе Олега было таково, что онъ могъ или много потерять, или много выиграть: все зависѣло отъ его дипломатической ловкости. Очень вѣроятно и то, что по слухамъ о страшныхъ вооруженіяхъ Мамая, съ которымъ должны были соединиться Литовцы, Олегъ считалъ борьбу слишкомъ неравною, и не хотѣлъ рисковать своимъ княжествомъ.

Предполагаемое участіе Олега въ событіяхъ 1380 года.

Теперь постараемся опредѣлить, какую роль дѣйствительно разъигралъ Рязанскій князь въ послѣдующихъ событіяхъ. Но въ этомъ-то опредѣленіи и заключается главная трудность для изслѣдователя. «Обстоятельства этой войны — справедливо замѣтилъ Арцыбашевъ [165] такъ искажены витійствомъ и разнорѣчіемъ лѣтописцевъ, что во множествѣ прибавокъ и переиначекъ, весьма трудно усмотрѣть настоящее.» Сличая темныя, сбивчивыя показанія источниковъ и вникая по возможности въ обстоятельства эпохи, мы въ свою очередь приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

---

[165] П. о Р. II. пр. 934.

Что бы спасти свое княжество отъ новаго разоренія, Олегъ завязалъ переговоры съ Мамаемъ; уплатилъ или хотѣлъ уплатить ему такой выходъ, какой давали Рязанскіе князья во времена Узбека, и обѣщалъ присоединить свою дружину къ Татарскому войску. Дружба съ Татарами влекла за собою новыя отношенія къ Ягайлу; дѣйствительно, и съ нимъ Олегъ вошелъ въ переговоры, и заключилъ союзъ, утвержденный крестнымъ цѣлованіемъ.[166] Всѣ эти переговоры производились посредствомъ одного изъ рязанскихъ бояръ, Епифана Коръева, довольно скрытно, такъ что въ отношеніяхъ къ Димитрію Олегъ непереставалъ по наружности играть прежнюю роль и послалъ предостеречь его отъ опасности. Въ Москвѣ уже имѣли свѣдѣнія о походѣ Мамая; но измѣна Олега нѣкоторое время оставалась тайною. Объ ней положительно узналъ Димитрій, кажется въ Коломнѣ, куда собрались вспомогательныя войска подручныхъ князей. Можетъ быть, это непріятное извѣстіе было одною изъ причинъ, заставившихъ великаго князя измѣнить первоначально принятое направленіе похода; изъ Коломны онъ уклонился къ западу, перешелъ Оку возлѣ устья Лопасны и повелъ полки на югъ вдоль западныхъ предѣловъ Рязанскаго княжества. Замѣчательно распоряженіе, которое сдѣлалъ Великій князь, переправившись на правый берегъ Оки: у Лопасны онъ оставилъ воеводу Тимофея Васильевича, чтобы проводить ратниковъ, которые подоспѣютъ послѣ; при этомъ велѣлъ имъ наблюдать миръ и тишину на походѣ по Рязанской области, и строго запретилъ дѣлать насиліе жителямъ: дальновидный Димитрій нехотѣлъ ожесто-

---

[166] Объ этомъ цѣлованіи упоминаетъ договорная грамата Олега съ Димитріемъ. С. Г. Г. и Д. I. № 32.

чать противъ себя мстительныхъ сосѣдей и подвергнуть ихъ нападеніямъ задніе отряды. Дѣйствительно, походъ великокняжескихъ войскъ до рѣки Дона совершился тихо, стройно и повидимому безъ всякихъ враждебныхъ столкновеній. Прогремѣла великая битва, и побѣдители почти также тихо прошли опять по Рязанской землѣ, и разбрелись по домамъ. Но между тѣмъ что же дѣлалъ Олегъ, когда передъ его глазами совершалось великое событіе? Неужели, сидя въ своемъ Переяславлѣ, онъ только мучился раздумьемъ и ожиданіемъ развязки? На этотъ разъ мы позволяемъ себѣ о многомъ догадываться и приписываемъ Рязанскому князю непослѣднюю роль въ этомъ событіи. Обезопасивъ себя со стороны Мамая наружнымъ видомъ покорности, онъ въ сущности и недумалъ способствовать его успѣхамъ; напротивъ болѣе основанія предположить, что Олегъ совсѣмъ небылъ чуждъ общерусскому патріатизму, и отъ души желалъ Татарамъ пораженія, потому что оно могло избавить цѣлую Россію отъ ненавистнаго ига. Но онъ не могъ подняться выше узкихъ волостныхъ интересовъ своего времени, нехотѣлъ рисковать своими силами въ борьбѣ, исходъ которой казался для него очень сомнительнымъ; онъ только по возможности старался удалить театръ войны отъ внутреннихъ областей своего княжества; а однимъ словомъ, Олегъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ. Планъ дѣйствія для достиженія подобной цѣли, довольно сложный и запутанный, требовалъ много ловкости и находчивости; тѣмъ неменѣе онъ удался Олегу какъ нельзя лучше. Иначе, съ какой же стати Мамай такъ долго медлилъ въ Придонскихъ степяхъ, а Ягайло потерялъ время у Одоева? Почему они неспѣшили къ берегамъ Оки, гдѣ по условію должны были соединиться съ Олегомъ 1 сентября? Мало того, Мамай,

кажется, небылъ предупрежденъ во время о большихъ приготовленіяхъ Димитрія и его движеніи на югъ. Не безъ особеннаго значенія для насъ извѣстіе лѣтописца о раскаяніи Ягайла въ томъ, что онъ довѣрился другу своему Олегу и позволилъ себя обмануть. «Никогда же убо бываше Литва отъ Рязани учима,» говоритъ Литовскій князь, «нынѣ же почто азъ въ безуміе впадохъ.» [167] Мы незнаемъ, на какія хитрости поднимался Олегъ для того, чтобы разстроить предполагаемое соединеніе враговъ Димитрія и отклонить ихъ движеніе къ берегамъ Оки, въ сердце своего княжества. Сношенія свои съ Мамаемъ и Ягайломъ онъ облекалъ въ большую таинственность; поэтому современники и немогли разгадать его двусмысленнаго поведенія. И для насъ очевидны только главные результаты, именно: грозныя силы Мамая уничтожены, Рязанская область спаслась отъ разоренія; собственная дружина цѣла; а между тѣмъ могущественный сосѣдъ такъ ослабленъ, что сдѣлался гораздо менѣе опаснымъ, нежели прежде.

Слѣдовательно, обвиненія въ измѣнѣ Русской землѣ и жестокіе упреки, которымъ подвергалась личность Рязанскаго князя далеко несправедливы. Съ точки зрѣнія Москвитянъ и патріотовъ въ общерусскомъ смыслѣ онъ дѣйствительно былъ измѣнникъ, потому что въ критическую минуту для Димитрія отступился отъ союза ра-

---

[167] По Ник. лѣт. (IV. 104) и Сказ. о Мам. Поб. (Сбор. Погод. III. 33) это раскаяніе относится къ тому времени, когда Ягайло стоялъ у Одоева и выражено по поводу слуховъ о походѣ Димитрія. Литовскій Князь будто бы при этомъ рѣшился дожидаться исхода войны Мамая съ Димитріемъ; но извѣстно, что 8 Сентября онъ только на одинъ день пути находился отъ мѣста битвы. (П. С. Р. Л. IV. 81.)

ди эгоистическихъ цѣлей, и повидимому перешелъ на сторону злѣйшихъ враговъ Россіи; но только по видимому, потому что въ сущности вѣроятно онъ принесъ имъ гораздо болѣе вреда, нежели помощи. За то передъ своими Рязанцами онъ былъ совершенно правъ и вполнѣ достоинъ той преданности, которую они всегда ему оказывали Незабудемъ при этомъ, что между сильными князьями того времени не одинъ Олегъ уклонился отъ войны съ Татарами; въ числѣ войскъ Димитрія мы невстрѣчаемъ ни Новогородцевъ, ни Смольнянъ; участіе Михаила Тверскаго еще подвержено сомнѣнію; а Димитрій Константиновичь Нижегородскій совсѣмъ неприслалъ своихъ дружинъ на помощь зятю; лѣтописцы однако и недумаютъ жаловаться на нихъ за такое равнодушіе къ великому дѣлу освобожденія Россіи. Такимъ образомъ борьбу съ Татарами золотой Орды Димитрій предпринялъ и совершилъ только силами собственнаго княжества и своихъ подручныхъ князей. Даже и Пронянъ, дотолѣ преданныхъ Москвѣ, мы ненаходимъ въ его ополченіи.

Осторожное поведеніе В. князя Московскаго въ отношеніи къ Рязанскому послѣ Куликовой битвы также говоритъ въ пользу послѣдняго. Димитрій неизъявилъ никакого желанія воспользоваться готовыми силами, что бы напасть на Олега и отомстить ему за измѣну; напротивъ, возвращаясь въ Москву, онъ опять отдаетъ воинамъ приказаніе соблюдать порядокъ и тишину при переходѣ по Рязанскимъ владѣніямъ. На этотъ разъ однако дѣло необошлось безъ враждебныхъ столкновеній; многіе изъ Московскихъ бояръ и слугъ подверглись обидамъ со стороны Рязанцевъ и были ими ограблены дочиста. Можетъ быть нѣкоторые отряды, отдѣленные на пути отъ главнаго войска, позволяли себѣ дѣлать наси-

ліе жителямъ, что побудило послѣднихъ къ мести. Разсмотримъ теперь самый расказъ лѣтописи. «Великому князю донесли, что Олегъ Рязанскій посылалъ свою силу на помощь Мамаю, а самъ переметалъ на рѣкахъ мосты; бояръ и слугъ, которые поѣхали съ Донскаго побоища сквозь его землю, онъ велѣлъ ловить, грабить и отпускать нагихъ. Димитрій за это хотѣлъ послать на Олега войско; но вдругъ пріѣхали къ нему Рязанскіе бояре, и сказали, что ихъ князь, оставивъ свою землю, убѣжалъ съ княгинею, дѣтьми и дворомъ; они умоляли Димитрія непосылать рати на Рязань, и били ему челомъ, чтобы онъ урядился съ ними (на всей его волѣ). В. князь послушалъ ихъ, принялъ челобитье, рати на нихъ непослалъ, а на Рязанскомъ княженіи посадилъ своихъ намѣстниковъ.» [168] Съ какой стати вздумалъ бы Олегъ нарочно ломать мосты и перехватывать Москвитянъ уже послѣ знаменитой побѣды? Чтобы затруднить ихъ обратный походъ? Но такое намѣреніе неимѣло никакого смысла и могло только навлечь бѣду на собственное княжество. По другому лѣтописному извѣстію, также невѣроятному, напротивъ Рязанскій князь, услыхавъ о возвращеніи побѣдителей, совершенно растерялся и побѣжалъ на Литовскую границу. [169] Какимъ образомъ Димитрію уже въ Москвѣ начали доносить на Олега, что онъ приказывалъ нападать на его людей; а главное, что онъ посылалъ войска на помощь Мамаю? Развѣ Димитрій немогъ узнать о томъ гораздо прежде, и, воспользовавшись соединенными силами, отомстить вѣроломному князю? И если Рязанцы изъявили покорность Димитрію; а онъ послалъ къ нимъ своихъ намѣ-

---

[168] П. С. Р. Л. IV. 82.
[169] Ник. IV. 123.

стниковъ, то какимъ образомъ въ томъ же году мы находимъ Олега въ Рязани, спокойно договаривающагося съ Димитріемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что истина сильно искажена въ приведенныхъ извѣстіяхъ лѣтописи.

Договоръ съ Димитріемъ.

Дѣло объясняется гораздо проще. Димитрій несчиталъ Олега своимъ подручникомъ, наровнѣ напримѣръ съ князьями Бѣлозерскими; а потому и немогъ наказывать его за неповиновеніе; но онъ имѣлъ полное право питать неудовольствіе на Рязанскаго князя за то, что послѣдній въ критическую минуту отступился отъ прежняго союза, и велъ себя болѣе нежели двусмысленно. Непріязненныя отношенія между ними кромѣ того могли обнаружиться по поводу нѣсколькихъ Москвитянъ, дѣйствительно захваченныхъ Рязанцами послѣ Донскаго побоища; [170] сюда могли присоединиться и другія причины, напримѣръ обычные споры за границы. До войны однако дѣло недошло; Димитрій нежелалъ ея по истощенію, которое чувствовалось послѣ большаго напряженія силъ; еще менѣе желалъ ея Олегъ. Очень могло быть, что Рязанскіе бояре, умолявшіе Димитрія по словамъ лѣтописи, непосылать рати на ихъ землю, просто приходили въ Москву для мирныхъ переговоровъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ 1381 г. князья дѣйствительно заключили миръ. Условія мира были слѣдующія. Олегъ признаетъ Димитрія старшимъ братомъ и приравниваетъ себя Владиміру Андреевичу Храброму. Для опредѣленія границъ за исходный пунктъ прини-

---

170 О нихъ упоминается въ догов. грр. Олега съ Димит. и Θеодора Ольг. съ Вас. Димит. (№ №. 32. и 36); условіе объ общемъ судѣ, по которому плѣнники должны быть возвращены, намекаетъ на то, что они были захвачены несовсѣмъ безвиннымъ образомъ.

мается Коломна: на западъ она идетъ вверхъ по Окѣ, а на востокъ по Окѣ и Цнѣ; еще далѣе на востокъ, Владимірское порубежье остается тоже самое, которое было при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и его сыновьяхъ. Олегъ уступаетъ Димитрію Талицу, Выползовъ, Такасовъ, и невступается въ Мещеру, купленную В. княземъ Московскимъ; мѣста, отнятныя у Татаръ остаются за тѣмъ, кто ихъ пріобрѣлъ; Олегъ отказывается отъ союза съ Ягайломъ и обязывается дѣйствовать за одно съ Москвою въ отношеніи къ Литвѣ, Татарамъ и Русскимъ князьямъ. Плѣнники, взятые Рязанцами на походѣ Москвитянъ къ Дону, должны быть возвращены по общему суду и по правдѣ. Всѣ прежнія вины и тяжбы предаются забвенію. Договоръ начинаетъ дѣйствовать за четыря дня до Спасова Преображенія.

Условія, какъ мы видимъ, далеко невыгодныя для Рязанскаго князя; обязательство имѣть съ Димитріемъ общихъ врагомъ и друзей ставило его прямо въ зависимыя отношенія. Ненадобно впрочемъ забывать, что древніе наши князья, если желали мира, то незатруднялись условіями и крестнымъ цѣлованіемъ; но принудить ихъ къ исполненію договора могла только матеріальная сила.

Разореніе отъ Тохтамыша.

Извѣстно, что великое Донское побоище неизбавило Россію отъ ига и новыхъ татарскихъ нашествій. Спустя два года, Тохтамышъ явился въ самомъ сердцѣ Русскихъ земель. Его нашествіе имѣло другой характеръ сравнительно съ походомъ Мамая. Послѣ Куликовой битвы властители Поволжскихъ и Подонскихъ ордъ поняли, что успѣхъ для нихъ возможенъ только подъ условіемъ быстроты и неожиданности. Тохтамышъ поступилъ также, какъ обыкновенно поступали въ послѣдствіи Крымскіе ханы во время своихъ набѣговъ на Рос-

сію. Олегъ и теперь думалъ устранить грозу отъ своей земли такимъ же образомъ, какъ два года назадъ. Онъ встрѣтилъ Тохтамыша за предѣлами своего княжества, билъ ему челомъ, изъявилъ готовность помогать противъ Димитрія и упросилъ невоевать Рязани. За тѣмъ онъ обвелъ Татаръ около своихъ границъ и указалъ имъ броды на Окѣ. Лѣтописецъ на этотъ разъ очень просто и удовлетворительно объясняетъ причину такого поведенія словами: «хотяше бо добра не намъ, но своему княженію помогаше.» [180] Но чѣмъ Олегъ поступилъ въ этомъ случаѣ хуже Димитрія Нижегородскаго, который, услыхавъ о походѣ Тохтамыша, немедленно послалъ къ нему двухъ сыновей съ изъявленіемъ покорности? А между тѣмъ его землѣ негрозила такая неизбѣжная бѣда, какой подвергалось Рязанское княжество. На этотъ разъ однако измѣна договору и униженіе недостигли своей цѣли. На возвратномъ пути изъ Москвы Татары прошли по Рязанской землѣ съ своими обычными спутниками, грабежомъ и разореніемъ. [181]

Послѣдняя война съ Москвою.

Еще Рязанцы неуспѣли опомниться отъ Тохтамышева погрома, какъ новое бѣдствіе разразилось надъ ними. Димитрій Московскій теперь былъ въ правѣ наказать сосѣда за несоблюденіе только что заключеннаго договора, и, пользуясь силами, собранными противъ Татаръ,

---

[180] П. С. Р. Л. IV 82.

[181] У Татищева говорится, что Олегъ, скрывая свои дѣйствія отъ Димитрія, уклонился въ Брянскъ будто для свиданія съ сестрою, а на встрѣчу Хану послалъ своихъ бояръ; что Тохтамышъ на возвратномъ пути отъ Москвы разорилъ Рязанскую землю по навѣту Суздальскихъ князей, которые обвинили передъ нимъ Олега въ тайныхъ сношеніяхъ съ Великими князьями Московскимъ и Литовскимъ. IV. 202.

спѣшилъ выместить на Олеговой землѣ бѣдствія своей столицы. Московскіе полки вступили въ Рязанскую область и надѣлали ей зла болѣе Тохтамышевыхъ Татаръ.

Олегъ до времени затаилъ желаніе мести и три года необнаруживалъ никакихъ признаковъ вражды, собираясь съ силами и дожидаясь удобнаго случая. Въ 1385 г. онъ вдругъ началъ войну съ Москвою внезапнымъ нападеніемъ на Коломну. 25 Марта, въ день Благовѣщенія, городъ былъ взятъ и разграбленъ; Коломенскій намѣстникъ Александръ Андреевичь Остей вмѣстѣ со многими боярами и лучшими людьми отведенъ въ плѣнъ. Рязанцамъ досталась богатая добыча, потому что городъ уже тогда производилъ значительную торговлю и считался однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ въ Россіи. Но Олегъ вскорѣ оставилъ разоренную Коломну, вѣроятно ненадѣясь удержать ее за собою. Димитрій Ивановичь собралъ многочисленую рать и послалъ ее на Рязань съ Владиміромъ храбрымъ; изъ подручниковъ Димитрія въ этомъ походѣ участвовали Михаилъ Андреевичь Полоцкій, внукъ Ольгерда, Романъ Новосильскій и князья Тарусскіе. [182] Олегъ неуклонился отъ рѣшительной битвы, и на этотъ разъ загладилъ стыдъ пораженія на Скорнищевѣ. Москвитяне, потерявши много бояръ и лучшихъ людей, воротились назадъ. [183] Перевѣсъ войны явно былъ на сторонѣ Олега, и онъ дѣятельно готовился къ новымъ битвамъ, вѣроятно надѣясь воротить многія Рязанскія мѣста, отошедшія къ Москвѣ, преимущественно Коломенскую волость. Димитрій, испытавшій тяжкія неудачи послѣ своей блестящей побѣды и за-

[182] На участіе Новосильскаго и Тарусскихъ князей въ этомъ походѣ намекаетъ Дог. гр. Вас. Ди. съ Ѳед. Ольг. №. 36.

[183] Ник. IV. 147.

нятый другими дѣлами, нехотѣлъ истощать свое княжество упорною борьбою съ Рязанцами, и предложилъ Олегу миръ; послѣдній отказался отъ мира, т. е. потребовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Нѣсколько разъ посылалъ къ нему Димитрій своихъ бояръ; но Олегъ оставался непреклоненъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1386 г. Московскій князь посѣтилъ Троицкій монастырь и его знаменитаго основателя Набожный Димитрій заставилъ отслужить молебенъ, накормилъ братію, роздалъ мылостыню, а потомъ обратился къ Сергію съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посольство въ Рязань и уговорилъ бы Олега къ вѣчному миру. Лучшаго посредника невозможно было выбрать. Роль миротворца въ тѣ времена усобицъ была одною изъ главныхъ заслугъ духовенства. И кто же могъ сильнѣе всѣхъ подѣйствовать на упрямаго Рязанца своими увѣщаніями, какъ не Сергій, о святости котораго уже довно разглашала народная молва? Тою же осенью онъ отправился въ путь, сопровождаемый нѣсколькими старшими боярами Великаго князя. Прибывъ къ Переяславлю Рязанскому, игуменъ остановился возлѣ города въ Троицкомъ монастырѣ, [184] переночевалъ здѣсь, и на другой день по утру вступилъ въ княжескій дворецъ. По словамъ лѣтописи чудный старецъ долго бесѣдовалъ съ Княземъ о пользѣ душевной, о мирѣ и о любви. Его тихія и кроткія рѣчи произвели такое впечатлѣніе на суровое сердце Олега, что онъ умилился душою, забылъ свою вражду, и заключилъ съ Димитріемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ. Съ великою честію и славою послѣ того воротился въ Москву преподобный Сер-

Вѣчный миръ 1386 г.

---

[184] Это извѣстіе взято изъ монастрыскихъ записокъ. Истор. Обозр. Ряз. Губ. Воздвиженскаго. 165 стр.

гій. Съ того времени Димитрій и Олегъ, замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, имѣли промежъ себя великую любовь. Къ сожалѣнію договорная грамата недошла до насъ. Въ слѣдующемъ 1387 г. союзъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родственными отношеніями: сынъ Олега Ѳедоръ женился на Софьѣ, дочери Донскаго.[185]

Миръ 1386 г. заключившій собою рядъ враждебныхъ столкновеній Олега съ Москвою, безспорно можетъ служить самымъ сильнымъ протестомъ противъ всѣхъ нареканій, которымъ знаменитый князь подвергся со стороны сѣверныхъ лѣтописцевъ и ихъ послѣдователей. Этотъ миръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ въ дѣйствительности оправдалъ свое названіе вѣчнаго: съ того времени небыло ни одной войны нетолько между Олегомъ и Димитріемъ, но и между ихъ потомками. Мѣсто ожесточенной вражды заступили родственныя и дружескія отношенія, при помощи которыхъ Рязанское княжество продлило свое политическое существованіе еще на цѣлое столѣтіе съ четвертью.

Татарскія отношенія. Остальныя 15 лѣтъ жизни вниманіе и внѣшняя дѣятельность Олега главнымъ образомъ сосредоточивались на отношеніяхъ Татарскихъ и Литовскихъ. Нашествіе Тохтамыша снова наложило иго на восточную половину Россіи. Уступая необходимости, Олегъ, также какъ и Димитрій началъ платить выходъ въ Орду, и отпустилъ къ Хану въ видѣ заложника одного изъ своихъ сыновей, Родослава. Жизнь въ Ордѣ, какъ видно, очень[?] неправилась молодымъ Русскимъ князьямъ, и они нерѣдко, пользуясь случаемъ, убѣгали на родину. Такъ зимою 1387 г. прискакалъ изъ Орды въ Рязань Родославъ Ольговичъ. Подобное обстоятельство впрочемъ повлекло за

---

[185] Ник. IV. 146—148.

собою важныхъ послѣдствій, и доброе согласіе съ Тохтамышемъ продолжалось до появленія Тамерлана. Это согласіе по обыкновенію нисколько немѣшало мелкимъ Татарскимъ набѣгамъ. Съ 1388 по 1402 г. лѣтопись семь разъ упоминаетъ о кочевникахъ, которые изгономъ приходили на Рязанскія украйны; изъ нихъ пять нападеній произведено было безнаказанно. Въ 1395 году совершилось Тамерланаво нашествіе. Туча, грозившая цѣлой Россіи, коснулась только южныхъ Рязанскихъ предѣловъ. Несчастный городъ Елецъ съ своимъ княземъ Ѳедоромъ и со всѣмъ населеніемъ сдѣлался жертвою Монголовъ. Отсюда Желѣзный Хромецъ двинулся на сѣверъ, разоряя селенія по обоимъ берегамъ Дона; неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ онъ остановилъ свое грозное шествіе, и, простоявъ двѣ недѣли, повернулъ назадъ. Интересно знать, что дѣлалъ и какъ намѣренъ былъ поступить между тѣмъ Олегъ: собирался ли онъ отсиживаться въ крѣпкихъ городахъ, хотѣлъ ли искать убѣжища съ семействомъ и боярами въ непроходимыхъ дебряхъ на лѣвомъ берегу Оки, или готовился вмѣстѣ съ Василіемъ встрѣтить непріятелей въ открытомъ полѣ? Самое молчаніе лѣтописей уже говоритъ въ пользу Олега, и даетъ основаніе предполагать, что теперь онъ неизмѣнилъ своему союзу съ Москвою, и недумалъ повторить съ Тамерланомъ той же уловки, къ которой прибѣгалъ прежде: примѣръ Тохтамыша показалъ, что она невсегда можетъ удаваться. Сильныя усобицы, наступившія послѣ того въ южныхъ степяхъ, на время ослабили, если непрекратили, Монгольское иго. Въ 1400 г. мы еще разъ встрѣчаемъ Олега въ жестокой битвѣ съ Татарами Золотой Орды. Соединившись съ князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ, онъ настигъ хищниковъ въ самомъ отдаленномъ углу своего княже-

[illegible] Замятня и [illegible]; [illegible]
[illegible] съ [illegible]
[illegible] Ольгъ [illegible]
[illegible] Ивана Шадибека—
[illegible]
[illegible]
[illegible] дробленіе [illegible]
[illegible]
[illegible] удобный случай расширить
[illegible] влiянiя [illegible]
[illegible] верхнему теченію Оки и ея
[illegible] движенію Ря-
[illegible] предѣлъ съ одной
[illegible] Въ это
[illegible] другой [illegible]
[illegible] Руси на двѣ поли-
[illegible] удѣлы начали группи-
[illegible] потянули къ
[illegible] при Гедиминѣ добровольно
[illegible]; а Сѣверскіе еще
[illegible] вліяніемъ:
[illegible] между тройнымъ вліяніемъ:
[illegible] разумѣется, перевѣсъ уже
[illegible] и Рязани; разумѣется, перевѣсъ уже
[illegible] оказался на сторонѣ двухъ первыхъ,
[illegible] соперницъ. Къ сожалѣнію ис-
[illegible] недаютъ намъ средствъ опредѣлить, какими пу-
[illegible] распространялось Литовское вліяніе въ области
верхней Оки, когда оно пришло въ соприкосновеніе съ
Рязанскимъ и въ какія взаимныя отношенія первона-
чально были поставлены два княжества, [illegible]
[illegible] другъ отъ друга [illegible]. До по-
[illegible] десятилѣтія XIV в. не слышно о [illegible]
[illegible] столкновеніяхъ между ними; это явленіе можно
[illegible] отчасти тѣмъ, что ихъ вниманіе было [illegible]
[illegible] другія стороны. Знаемъ только, что при
[illegible] Литовскія въ [illegible]

га подчинялись Московскимъ: въ 1370 и 1372 гг. является сторонникомъ Димитрія противъ Ольгерда; эпоху Куликовой битвы дружится съ Ягайломъ; а слѣдующемъ году, помирившись съ Дмитріемъ, отывается отъ союза съ Литвою. Конецъ такой неодѣленности отношеній наступилъ въ то время, ког- во главѣ Литовской Руси явился Витовтъ, который замедлилъ энергически возобновить наступательное иженіе Ольгерда на восточныя княжества.

Первою жертвою этого движенія былъ Смоленскъ, шкомъ слабый, чтобы сохранять далѣе свою самооятельность подлѣ такого сильнаго и безпокойнаго сѣда. Съ 1386 г., послѣ гибели князя Святослава Ивановича, Смоленскъ подпалъ вліянію Литвы; а разоры сыновей Святослава помогли Витовту окончательо подчинить себѣ это древнее Русское княжество. динъ изъ братьевъ, Юрій Святославичь, снискавшій езавидную извѣстность въ исторіи своею дикою энергіею и необузданными страстями, былъ женатъ на дочери Рязанскаго Олега. Осенью 1395 г. онъ отправился въ Рязань къ тестю, вѣроятно для того, чтобы поставить его судьею въ своихъ распряхъ съ братьями. Отсутствіемъ Юрія непремянулъ воспользоваться хитрый Витовтъ; 28 Сентября онъ вѣроломнымъ образомъ захватилъ Смоленскъ. Зимою того же года Олегъ, съ зятемъ своимъ и съ князьями Пронскими, Козельскимъ и Муромскимъ, пошелъ войною на Литву, и надѣлалъ много зла Литовцамъ. На походѣ онъ услыхалъ, что Витовтъ, въ тоже время опустошаетъ Рязанскія предѣлы. Тогда Олегъ, оставивъ добычу въ безопасномъ мѣстѣ, ударилъ на разсѣянные Литовскіе отряды; частію ихъ избилъ, а частію взялъ въ плѣнъ. Узнавъ объ этомъ, Витовтъ поспѣшилъ воротиться назадъ. Лѣтопись соб-

ственно неговоритъ о причинахъ этой войны, и мы думаемъ, что неодно участіе къ зятю заставило расчетливаго Олега начать трудную борьбу съ сосѣдомъ; были и другіе поводы, ближе касавшіеся Рязанскихъ интересовъ;—вѣроятнѣе всего, ощущалась потребность положить предѣлъ быстрому распространенію Литовскаго господства, которое уже переступало на правый берегъ Оки; надобно было подумать о защитѣ собственныхъ границъ, а можетъ быть и собственной самостоятельности. Эту борьбу съ могущественнымъ Витовтомъ Олегъ предпринялъ силами только Рязанскаго княжества и своихъ немногихъ союзниковъ. Молодой Московскій князь Василій въ первое время явно держалъ сторону своего тестя Витовта, и немѣшалъ ему владѣть Смоленскомъ; а въ 1396 г. онъ пріѣзжалъ сюда для свиданія съ тестемъ, и праздновалъ вмѣстѣ Пасху. Въ этотъ годъ Олегъ возобновилъ войну нападеніемъ на городъ Любутскъ. Въ Рязанскомъ станѣ явился посолъ отъ Василія Дмитріевича, который уговаривалъ Олега воротиться назадъ, обѣщая вѣроятно помирить его съ Витовтомъ. Олегъ послушался совѣта тѣмъ охотнѣе, что встрѣтилъ мужественную оборону со стороны осажденныхъ. Но война нетолько непрекратилась, а напротивъ приняла еще болѣе ожесточенный характеръ. Около Покрова Витовтъ съ большими силами пришелъ въ Рязанскую землю и предалъ ее опустошенію: Литовцы сажали людей улицами и сѣкли ихъ мечами; Витовтъ, по выраженію лѣтописца, «пролилъ Рязанскую кровь какъ воду.» Изъ Рязани онъ поѣхалъ въ Коломну къ зятю, пировалъ съ нимъ нѣсколько дней и отсюда воротился въ Литву. Можетъ быть, покажется страннымъ какъ Олегъ, котораго нельзя упрекнуть въ робости, допустилъ безнаказанно такое разореніе своей земли?

Дѣло объяснится очень естественно, если обратимъ вниманіе на отрывочное извѣстіе одного лѣтописца: «Олегъ же не бѣ,» говоритъ онъ, упоминая о Литовскомъ нашествіи; [186] слѣдовательно Витовтъ на этотъ разъ воспользовался отсутствіемъ Рязанскаго князя, который вѣроятно въ то время былъ отвлеченъ въ другую сторону, на юговостокъ. Лѣтописи, упоминая о главныхъ событіяхъ этой войны, по обыкновенію опускаютъ подробности, и ничего неговорятъ о связи, которая существовала между событіями. Въ слѣдующіе три года борьба повидимому затихла; можно только догадываться, что Олегъ собирался съ силами и ждалъ удобнаго случая къ мести.

12 Августа 1399 г. совершилась битва на Ворсклѣ, безспорно имѣвшая великое значеніе для Восточной Европы. Витовтъ нескоро могъ оправиться послѣ такого сильнаго пораженія, и Олегъ непреминулъ воспользоваться несчастіемъ врага. Дѣло опять началось по поводу Смоленска. Въ 1400 г. пришелъ Юрій Святославичь къ тестю и со слезами началъ говорить ему: «прислали ко мнѣ Смоленскіе доброхоты съ извѣстіемъ, что многіе хотятъ меня видѣть на моей отчинѣ и дѣдинѣ. Сдѣлай милость, помоги мнѣ сѣсть на Великомъ княженіи Смоленскомъ.» Олегъ опять неотказалъ ему въ помощи, и въ слѣдующемъ году отправился въ походъ съ тѣми же князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ. Подошедши къ Смоленску, Олегъ послалъ сказать гражданамъ, что, если они неотворятъ ворота и непримутъ къ себѣ Юрія, то онъ намѣренъ стоять до тѣхъ поръ, пока невозметъ города, который предастъ огню и мечу. Въ городѣ происходила сильная

---

186 П. С. Р. Л. VI. 129.

распря: одни держали сторону Витовта, другіе хотѣли подчиниться прежнему князю. Послѣдняя сторона пересилила, и въ августѣ мѣсяцѣ Смольняне отворили ворота. Юрій началъ праздновать возвращеніе свое на отцовскій столъ убійствомъ Витовтова намѣстника и приверженцевъ противной партіи; а Олегъ между тѣмъ вошелъ въ Литовскіе предѣлы, и отсюда съ большою добычею отправился домой. Витовтъ въ туже осень явился подъ Смоленскомъ, но потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Рязанскій князь спѣшилъ пользоваться обстоятельствами, и продолжалъ наступательное движеніе. На слѣдующій годъ онъ отправилъ сына Родослава на Брянскъ съ тѣмъ, чтобы отнять этотъ городъ у Литовцевъ. Но счастіе опять измѣнило ему и перешло на сторону противника. Витовтъ выслалъ на встрѣчу Рязанцамъ войско подъ начальствомъ искуснаго вождя Семена Лугвенія Ольгердовича, съ которымъ соединился Александръ Патрикіевичъ Стародубскій. Возлѣ Любутска произошла упорная битва. Литовцы побѣдили; самъ Родославъ попался въ плѣнъ, и былъ заключенъ въ темницу, гдѣ томился цѣлые три года. Олегъ только нѣсколькими днями пережилъ эту потерю, и такимъ образомъ неуспѣлъ довести борьбу съ Литвою до окончательныхъ результатовъ. [187]

Подручники Олега.

Посмотримъ теперь на отношенія Олега къ мелкимъ удѣльнымъ князьямъ, которые сосѣдили съ Рязанью. Почти во всѣхъ внѣшнихъ войнахъ, начиная со второй половины его княженія, неизмѣнными союзниками Рязанцевъ являются князья Пронскіе, Козельскій и Муромскій. Въ 1372 г. умеръ въ Пронскѣ Владиміръ Дмитріевичъ. Послѣ него остались дѣти Иванъ и Өедоръ.

[187] Ник. IV. 265, 269, 298, 299, 301, 302, 305.

Неизвѣстно, въ какомъ родствѣ съ послѣдними находился Пронскій князь Даніилъ, который былъ однимъ изъ главныхъ героевъ Вожинской битвы. При этомъ нельзя необратить вниманія на то обстоятельство, что лѣтопись, упоминая союзниковъ Олега, о Пронскихъ князьяхъ говоритъ во множественномъ числѣ, о Козельскомъ и Муромскомъ въ единственномъ. Почти безъошибочно можно догадываться, что со смертію Владиміра Пронскій удѣлъ раздробился и подвергся обычнымъ усобицамъ; этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Олегъ, чтобы подчинить своему вліянію младшую вѣтвь Рязанскихъ князей. На Куликовомъ полѣ мы невидали Пронской дружины; за-то встрѣчаемъ ее въ походахъ Олега на Татаръ и на Литву; очевидно Московское вліяніе было вытѣснено Рязанскимъ, и Пронскіе князья признали себя подручниками Олега.

Еще болѣе замѣчательно то, что и другой родственный удѣлъ, отдаленный Муромъ въ концѣ XIV в. обнаруживаетъ попытку тѣснѣе сблизиться съ Рязанью. Въ эпоху борьбы Димитрія съ Мамаемъ Муромцы помогаютъ Москвитянамъ; на Куликовомъ полѣ они сражались подъ начальствомъ своего князя Андрея. Но въ 1385 г. неожиданно застаемъ ихъ во враждѣ съ Москвою. Посылая Владиміра Андреевича на Олега, Димитрій въ тоже время отправилъ другую рать противъ Мурома;[198] ясно, что возстаніе Муромцевъ произошло въ связи съ нападеніемъ Олега на Коломну.

---

[198] Въ лѣт. при этомъ стоитъ какое то непонятное выраженіе: «А иную рать послалъ князь великій Димитрій Ивановичь на Муромъ на князя *безчестія»*... Ник. IV. 157. Въ П. С. Р. Л. IV. 95. внизу замѣчено: «*передъ симъ словомъ долженъ быть пропускъ.*» V. 242.

Походъ Москвитянъ въ эту сторону, кажется, былъ также неудаченъ, какъ и въ другую, потому что Муромскій князь послѣ того на ряду съ Пронскими является подручникомъ Олега. Извѣстно, что въ 1391 г. Василій Дмитріевичь вывезъ изъ Орды ярлыкъ на княжество Нижегородское, Городецъ, Мещеру, Тарусу и Муромъ. Послѣдній, вопреки этому ярлыку, на нѣкоторое время еще удержалъ своихъ князей, и при жизни Олега невыходилъ изъ подъ его вліянія. Это видно изъ того, что въ 1401 г, Муромскій князь опять участвовалъ въ походѣ Рязанцевъ на Литву. Такимъ образомъ Олегу удалось еще разъ соединить подъ однѣми знаменами всѣ отдѣльныя дружины древняго Муромо-Рязанскаго княжества.

Изъ другихъ мелкихъ владѣтелей, зависимыхъ отъ Рязани, мы можемъ указать на потомковъ Михаила Черниговскаго, князей Елецкихъ и Козельскихъ. Титъ Козельскій помогаетъ Рязанцамъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ. Сынъ Тита Иванъ женился на дочери Олега; онъ то вѣроятно и былъ потомъ его вѣрнымъ подручникомъ. Въ такія же отношенія къ нему стали Елецкіе князья, ближайшіе родственники Козельзкихъ. Въ 1380 г. Елецкій князь вмѣстѣ съ другими водилъ свою дружину на помощь Димитрію Московскому; но послѣ неудачной войны Москвитянъ съ Рязанцами онъ подчиняется Олегу; такъ во время плаванія Митрополита Пимена въ Царьградъ Юрій Елецкій по повелѣнію Олега проводилъ путешественниковъ до южныхъ Рязанскихъ границъ. [189] Подчиняя себѣ сосѣднихъ Русскихъ князей,

---

[189] Отъ Тита карачевскаго пошли князья Масальскіе, Козельскіе и Елецкіе. Въ лѣт. (Ник.) необходимо предположить ошибку въ одномъ изъ трехъ случаевъ, въ которыхъ при-

Олегъ неупускалъ случая дѣлать пріобрѣтенія на востокѣ, въ области Мокши и Цны; нѣкоторыя волости онъ пріобрѣлъ посредствомъ купли, напримѣръ въ Мещерѣ; а другія силою отнялъ у сосѣдней Мордвы и Татаръ.[190]

Обозрѣвши политическую дѣятельность Князя, на сколько позволило состояніе источниковъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. По необходимости подчиняясь игу, онъ по крайней мѣрѣ съумѣлъ внушить Ханамъ уваженіе къ себѣ на столько, что они дорожили его союзомъ. Невступая въ открытую борьбу съ Золотою Ордою, Князь мужественно защищалъ свою землю отъ татарскихъ разбойниковъ, и неразъ наносилъ имъ чувствительное пораженіе. Далѣе, онъ отбилъ наступательное движеніе Москвы, и поддержалъ на нѣкоторое время колеблющуюся самостоятельность Рязанскаго княжества. Это самая видная сторона его исторической дѣятельности. Тотъ же характеръ, хотя и нестоль важное значеніе имѣли схватки Олега съ Литвою въ послѣдніе годы его жизни. Онъ недаромъ носилъ титулъ Великаго князя, потому что умѣлъ придать единство далеко разбросаннымъ частямъ древняго Муромо-Рязанскаго Княжества: умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ родичей, и, что особенно говоритъ въ его пользу, устранилъ внутренія усобицы; покрайней мѣрѣ о нихъ неслышно во вторую половину его княженія.

водится имя Елецкаго Князя: Въ 1380 г. онъ названъ Ѳедоромъ; спустя десять лѣтъ, въ хожденіи Пимена является Юрій; а при нашествіи Тамерляна, черезъ шесть лѣтъ опять говорится о Ѳедорѣ.

[190] С. Г. Г. и Д. I. №. 36.

Внутренняя дѣятельность Олега.

Но кромѣ этого внѣшняго значенія, княженіе Олега возбуждаетъ интересъ историка другою стороною, гораздо менѣе извѣстною и болѣе неуловимою для отдаленнаго потомства его мирною домашнею дѣятельностію. Источники такъ скудны на этотъ счетъ, что мы должны довольствоваться только немногими отрывочными указаніями.

Наиболѣе живую характеристику Рязанскаго княжества во времена Олега сообщаетъ намъ слѣдующее мѣсто изъ записокъ о путешествіи митрополита Пимена въ Царьградъ 1389 года: «Въ Свѣтлое Воскресеніе мы поѣхали (изъ Коломны) къ Рязани по рѣкѣ Окѣ. У Перевитска привѣтствовалъ насъ епископъ Рязанскій Еремей Гречинъ; а когда мы приблизились къ городу Переяславлю, то выѣхали къ намъ сыновья великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго: потомъ встрѣтилъ насъ самъ великій князь съ дѣтьми и боярами; а возлѣ города ожидали со крестами (духовенство и народъ). Отслуживъ молебенъ въ соборномъ храмѣ, Митрополитъ отправился къ Великому князю на пиръ. Князь и епископъ Еремей угощали насъ очень часто. Когда же мы отправились отсюда, самъ Олегъ, его дѣти и бояре проводили насъ съ великою честію и любовію.

«Поцѣловавшись на прощаніи, мы поѣхали далѣе; а онъ возвратился въ городъ, отпустивъ съ нами довольно значительную дружину и боярина Станислава, которому велѣлъ проводить насъ до рѣки Дона съ большимъ береженіемъ отъ разбоевъ.»

Изъ Переяславля Рязанскаго мы выѣхали въ Ѳомино воскресенье; за нами везли на колесахъ три струга и одинъ насадъ. Въ четвергъ мы достигли рѣки Дона и спустили на него суда. На второй день пришли къ (урочищу) Киръ-Михайловымъ, — такъ называется одно

мѣсто, на которыхъ прежде былъ городъ. Здѣсь простились съ нами епископы, архимандриты, игумны, священники, иноки и бояре Великаго князя Рязанскаго, и воротились восвояси. Мы же въ день святыхъ Мироносицъ съ митрополитомъ Пименомъ, Михаиломъ епископомъ Смоленскимъ, Сергіемъ Спаскимъ архимандритомъ, съ протопопами, дьяконами, иноками и слугами сѣли на суда и поплыли внизъ по рѣкѣ Дону.»

«Путешествіе сіе было печально и уныло; повсюду совершенная пустыня; не видно ни городовъ, ни селъ; тамъ, гдѣ прежде были красивые и цвѣтущіе города, теперь только пустыя и безлюдныя мѣста. Нигдѣ не видно человѣка; только дикія животныя: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и пр. во множествѣ встрѣчаются въ этой пустынѣ.»

«На второй день рѣчнаго плаванія миновали двѣ рѣки Мечу и Сосну; въ третій прошли Острую Луку, въ четвертый Кривой Боръ; въ шестой достигли устья Воронежа. На слѣдующее утро въ день св. чуд. Николая пришелъ къ намъ князь Юрій Елецкій съ своими боярами и большою свитою: Олегъ Ивановичъ Рязанскій послалъ къ нему вѣстника; онъ же исполнилъ его приказаніе, оказалъ намъ великую честь и очень насъ обрадовалъ. Оттуда приплыли къ Тихой Соснѣ; здѣсь увидали бѣлые каменные столбы, которые стоятъ рядомъ, и очень красиво подобно небольшимъ стогамъ возвышаются надъ рѣкою Сосною. * Потомъ миновали рѣки Червленый Яръ, Битюгъ и Хоперъ» и т. д. [191]

* Карам. (V· прим. 132.) думаетъ, небыло ли это Татарское кладбище? Въ книгѣ Бол· Черт. упоминается: «на Дону *Донская бесѣда*, каменный столъ и каменные суды» только ниже устья Быстрой Сосны, а не Тихой.

191 Ник. IV. 159—161.

Въ этомъ описаніи, хотя объ Олегѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ: но его патріархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полновластный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною: радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ: заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути по его владѣніямъ.[192]

Любя пиры и военную славу, Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ, и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника краснорѣчивѣе всего говорятъ любовь и глубокое уваженіе, которыя Рязанское насе-

---

[192] Воспоминаніе о гостепріимствѣ и пирахъ Олега повидимому долго сохранялось въ народной памяти. Вотъ какъ разсказываетъ преданіе объ угощеніи, которое онъ задалъ Татарскимъ посламъ:

«И покрыли тотъ великій дубовый столъ
Скатертьми браными,
И ставили на ту на скатерець браную
Мису великую изъ чистаго серебра, озолочену;
А въ той де мисѣ озолоченой въ наливѣ по украй
Кашица сарочинская
Со свѣжею рыбою стерляжиной отъ Оки рѣки;
А та де рыба стерляжина великая
Самимъ боярствомъ ловлена.»

Чт. О. И. и Д. № 9. Опытъ прост. словот. Макарова. «Взято изъ рукописи 1760 г., принадлежавшей Ряз. помѣщику села Глубокаго Д. С. Мееру, а послѣ А. Д. Балаше-

леніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ себѣ характеристическія черты извѣстной эпохи или извѣстнаго народа, закрывая своею тѣнью и предшественниковъ и преемниковъ. Дѣйствительно, лицо Олега вполнѣ типично; въ немъ ярко обозначились главныя стороны рязанскаго характера, эта смѣсь упрямства и безпокойной энеріи съ эгоистическою натурою—качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостью ума, и стремленіями, нелишенными нѣкоторой величавости. Личность Олега.

Весь періодъ самостоятельнаго княжества для Рязанцевъ сосредочился въ одномъ Олегѣ; болѣе они не помнятъ ни однаго князя. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанныхъ по долинѣ средней Оки, и большая часть народныхъ преданій. На обширную строительную дѣятальность Олега указываются имена многихъ городовъ, которые являются въ договорныхъ грамотахъ съ конца XIV в. и о которыхъ до того времени не было слышно. Самое живое воспоминаніе о немъ встрѣчается въ древнемъ Переяславлѣ (губ. гор. Рязань) и его окрестностяхъ. Этотъ городъ, украшенный постройками храмовъ, княжескихъ и боярскихъ палатъ, съ его времени окончательно сдѣлался столицею княжества.

Возвысивъ Рязанцевъ въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи сосѣдей постоянною готовностію къ энергической борьбѣ, Олегъ много заботился о безопасности

ву.» (Къ сожалѣнію рукопись до сихъ поръ остается въ неизвѣстности).

своихъ подданныхъ; недостатокъ естественныхъ границъ и укрѣпленій на юговостокѣ онъ старался восполнить бдительностію сторожевыхъ ратниковъ, разставленныхъ по разнымъ притонамъ въ степяхъ. [193] Безспорно полустолѣтнее княженіе Олега было самымъ славнымъ и самымъ счастливымъ сравнительно съ предъидущими и послѣдующими княженіями, несмотря на тяжкія бѣдствія, которыя нерѣдко посѣщали Рязанскій край при его жизни. Народъ заплатилъ ему за это любовью и преданностію.

Его политическія стремленія.

На Олегѣ очень ясно отразились современныя ему княжескія стремленія къ собиранію волостей. Видя, какъ два главные центра, въ сѣверовосточной и югозападной Россіи, притягиваютъ къ себѣ сосѣднія волости, онъ хочетъ уничтожить эту силу тяготѣнія и стремится инстинктивно создать третій пунктъ на берегахъ Оки, около котораго могли бы сгруппироваться юговосточные предѣлы. Но послѣдующія событія подтвердили извѣстную истину, что отдѣльная личность, какъ бы она нибыла высоко поставлена, неможетъ создать что нибудь крѣпкое, живучее тамъ, гдѣ недостаетъ твердой исторической почвы. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы дѣло Олега кончилось вмѣстѣ съ его жизнію и неоставило замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи. Безъ этой личности Рязанское княжество едва ли могло бы существовать долѣе XIV столѣтія и пережить всѣ великіе удѣлы, даже и при помощи родственныхъ связей съ Московскими князьями.

Олеговы бояре.

Вотъ имена Олеговыхъ бояръ и слугъ, которыя со-

---

[193] «А досмотръ Князя Олега на тѣ на поры зорокъ небувъ.» ibid. №. 1. изъ какой то Рязанской рукописи.

хранены источниками. Изъ лѣтописей намъ извѣстны Епифанъ Кореевъ, который искусно велъ переговоры Олега съ Мамаемъ и Ягайломъ, и бояринъ Станиславъ, который съ Рязанскою дружиною сопровождалъ Митрополита Пимена къ берегамъ Дона. Въ грамотахъ, жалованныхъ духовенству, упоминаются: Иванъ Мирославичъ, зять Олега; Софоній Алтыкулачевичь, Семенъ Өедоровичъ, Никита Андреевичь, Тимошь Александровичь, дядько Монасѣя, окольничій Юрій; стольники Александръ Глѣбовичь и Глѣбъ Васильевичъ Логвинъ; чашники Юрій и Григорій Яковлевичи; Семенъ Никитичь съ братьею, Павелъ Соробичь, ключникъ Лукьянъ, староста Габой и Василій Ломовъ. [194] Между ними вниманіе наше остановливаютъ первыя два имени, Софоній Атыкулачевичь своимъ отечествомъ обнаруживаетъ восточное происхожденіе. А Иванъ Мирославичь былъ тотъ самый татарскій мурза Салахмиръ, потомокъ ордынскихъ владѣтелей, который въ 1371 г. прибылъ изъ Золотой Орды къ Олегу Ивановичу съ татарскою дружиною и оказалъ ему помощь въ борьбѣ съ Димитріемъ Московскимъ и Владиміромъ Пронскимъ. Онъ вступилъ въ службу Рязанскаго князя и принялъ крещеніе подъ именемъ Іоанна. Олегъ полюбилъ его, и оказывалъ ему большой почетъ и явное предпочтеніе передъ другими боярами; такъ онъ выдалъ за него сестру свою Анастасію и пожаловалъ ему во владѣніе вотчины: Верхдеревъ, Веневу, Растовецъ, Веркошу, Михайлово поле и Безпуцкій станъ. О значеніи Салахмира при дворѣ Рязанскаго князя можно судить по слѣдующему выраженію, которое встрѣчается въ жалован-

---

[194] Акты Ист. I. №№. 2 и 13. и Ряз. Дост.

ныхъ грамотахъ Олега: «поговоря съ зятемъ своимъ съ Иваномъ съ Мирославичемъ.»[195] Изъ Олеговыхъ бояръ еще извѣстенъ намъ Семенъ Θедоровичъ, прозваніемъ Кобыла Веслой, который выѣхалъ изъ Литвы сначала въ Москву къ Василію Димитріевичу, а потомъ перешелъ въ Рязань къ Олегу Ивановичу.[196]

Верстахъ въ 15 отъ губернскаго города Рязани, на лѣвомъ берегу Оки, при впаденіи въ нее Солотчи, стоитъ Солотчинскій монастырь. Мѣстоположеніе обители со стороны Оки довольно живописно и оригинально. Если вы переѣдете широкую въ этомъ мѣстѣ долину рѣки и по другому берегу направите свой путь къ губернскому городу, то, оглядываясь назадъ, долго еще будете любоваться бѣлою оградою и башенками монастыря, которыя по мѣрѣ вашего удаленія будутъ все болѣе и болѣе закутываться въ темную лѣсную зелень, пока совсѣмъ не скроются изъ вида.

Построеніе и смерть Олега

Вотъ что сообщаютъ монастырскія записки объ основаніи этой обители. Случилось князю Олегу вмѣстѣ съ супругою Евфросиніею быть на берегу Солотчи въ одномъ глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Здѣсь они встрѣтили двухъ пустынножителей, Василія и Евфимія, которые

---

[195] Родосл. книга Вельяминовыхъ. Акт. Ист. Д. Д. С. Сынъ Ивана Мирославича Григорій [illegible] Ивана [illegible] Апраксины.

[196] Родосл. книга [illegible]. Отъ Семена Θедоровича [illegible] Бахметевы, Са[illegible] [illegible] и др.

пришли сюда неизвѣстно откуда. Эта встрѣча навела князя на мысль построить монастырь при устьѣ рѣки. Основаніе обители совершилось въ 1390 г. Щедро надѣленная помѣстьями отъ Олега и его преемниковъ, она заняла вскорѣ первое мѣсто между Рязанскими монастырями по своему богатству и знаменитости. Говорятъ, что князь тогда же принялъ на себя званіе инока съ именемъ Іоны, неоставляя впрочемъ своего свѣтскаго сана,—примѣръ неединственный въ этомъ родѣ. Передъ концемъ жизни Олегъ посхимился и назвался Іоакимомъ. Онъ скончался въ 1402 г. 5 Іюня. Такъ какъ смерть его случилась вскорѣ послѣ пораженія подъ Любутскомъ, то можно съ достовѣрностію предположить тѣсную связь между этими двумя событіями. Старецъ Олегъ, удрученный болѣзнями (противъ обыкновенія онъ непринялъ личнаго участія въ послѣднемъ походѣ), невыдержалъ сильнаго потрясенія, когда узналъ бѣдственную участь войска и сына, когда увидалъ потерянными плоды своихъ многолѣтнихъ усилій. Тѣло князя было положено въ каменномъ гробѣ и погребено въ Покровскомъ храмѣ Солотчинской обители.

Княгиня Ефросинія, [197] оставивъ свѣтъ, постриглась Ефросинія.

---

[197] Слава Олега отразилась на Ефросиніи. Вспоминая о любимомъ князѣ, народъ останавливается надъ образомъ его супруги, и украшаетъ его по своему: такъ напримѣръ, по словамъ одного преданія кичка Евфросиніи *«тоя цѣны була, ще и щету на туе на цину кики дознано нибыло.»* (Чт. О. М. и Д. №. 3. Замѣтки Макарова). По преданію она была дочь какого то татарскаго князя.

Песчаный грунтъ Покровскаго храма въ позднѣйшія времена осыпался подъ гору. Храмъ въ 1769 г. разобрали, а

подъ именемъ Евпраксіи въ Зачатейскомъ монастырѣ, который находился верстахъ въ трехъ отъ Солотчинскаго. Она скончалась три года спустя, и была погребена въ томъ же Покровскомъ храмѣ подлѣ своего супруга.

въ концѣ прошлаго столѣтія въ сосѣдней монастырской церкви Рождества Богородицы устроили новую княжескую гробницу. На днѣ этой гробницы въ настоящее время показываютъ черепъ и нѣсколько костей, какъ останки Олега и Евфросиніи; кромѣ того здѣсь находится кольчуга, также подъ именемъ Олеговой, имѣющая видъ рубашки и сдѣланная изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ прекрасной работы. Кости и кольчуга составляютъ предметъ особеннаго благоговѣнія для окрестныхъ поселянъ; князя и княгиню они почитаютъ святыми, и больные нерѣдко надѣваютъ на себя княжескую кольчугу, надѣясь получить исцѣленіе.

ГЛАВА VI.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭПОХА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

1402—1520.

Ѳедоръ Ольговичъ. Договоръ съ Василіемъ Московскимъ. Послѣдняя усобица между Рязанью и Пронскомъ. *Иванъ Ѳедоровичъ.* Подчиненіе Витовту. Отношенія къ Василію Темному. Московское господство. *Василій Ивановичъ* и его супруга *Анна.* Присоединеніе Пронскаго удѣла къ Рязанскому. *Иванъ Васильевичъ.* Договоры съ Иваномъ III и братомъ Ѳедоромъ. Послѣдній отказываетъ свой удѣлъ Великому князю Московскому. Великая княгиня Рязанская *Агриппина.* Татарскіе набѣги. *Иванъ Ивановичъ,* послѣдній князь Рязанскій. Борьба боярскихъ партій. Плѣнъ Ивана Ивановича и окончательное присоединеніе Рязанскаго княжества къ Москвѣ. Нападеніе Магметъ Гирея и бѣгство князя Ивана въ Литву. Розыскное дѣло. Послѣднія вѣсти о Рязанскомъ князѣ

Дальнѣйшая исторія Рязани представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію съ Москвою; отклоненія отъ этого пути были очень незначительны. Между преемниками Олега нѣтъ ни одного князя, надъ которымъ историкъ могъ бы съ участіемъ остановить свое вниманіе. Ихъ имена сливаются вмѣстѣ

и неоставляютъ послѣ себя никакихъ цѣльныхъ образовъ. Въ этомъ отношеніи потомковъ Олега можно сравнить съ его предшественниками, которые наполнили собою первую половому XIV в.; разница въ томъ, что на послѣднихъ лежитъ печать жосткаго и безпокойнаго хорактера, между тѣмъ какъ первые напротивъ отличаются мягкостію, несвойстенною ихъ предкамъ, и замѣтнымъ недстаткомъ энергіи.

Любутское пораженіе очевидно повлекло за собою важныя слѣдствія: вліяніе, которое пріобрѣли Рязанцы на нѣкоторыя Сѣверскія княжества, и соперничество съ Литвою уничтожились однимъ ударомъ. Вмѣстѣ со смертію Олега рушилось и единство Рязанскихъ удѣловъ; въ Муромѣ уже сидѣли намѣстники В. князя Московскаго; а Пронскъ возобновилъ старую вражду съ Рязанью. Пронскимъ княземъ въ то время былъ Иванъ Владиміровичь; онъ послѣ отца вѣроятно остался еще очень молодъ и долженъ былъ раздѣлить наслѣдіе съ своими родственниками; но потомъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ Пронскій удѣлъ, и по смерти Олега уничтожилъ свою зависимость отъ В. князя Рязанскаго.

Θедоръ Ольговичъ 1402–1427. Олегъ оставилъ двухъ сыновей Θедора и Родослава. Интересно было бы знать, какимъ образомъ онъ раздѣлилъ или предполагалъ раздѣлить между ними свое княжество: но Родославъ сидѣлъ въ тяжкомъ плѣну, и потому Θедоръ Ольговичъ наслѣдовалъ весь Рязанскій удѣлъ. Первымъ его дѣломъ было отправиться въ Орду къ Хану Шадибеку съ дарами и съ извѣстіемъ о смерти отца. Царь пожаловалъ его, далъ ему ярлыкъ на отчину и дѣдину и отпустилъ на Великое княженіе Рязанское. Обезопасивши себя съ этой стороны, Θедоръ поспѣшилъ опредѣлить свои отношенія къ Москвѣ. За-

мѣтимъ при этомъ, что родственный союзъ Рязанскаго князя съ потомками Калиты былъ подкрѣпленъ за два года передъ тѣмъ бракомъ Ѳедоровой дочери съ Иваномъ, сыномъ Владиміра Храбраго. Вотъ содержаніе договора, который въ томъ же 1402 г. былъ заключенъ между Великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, его дядею Владиміромъ Андреевичемъ, братьями Юріемъ, Андреемъ и Петромъ съ одной стороны и Ѳедоромъ Ольговичемъ съ другой. [198]

Договоръ съ Василіемъ Московскимъ.

Во первыхъ В. Князь Рязанскій долженъ имѣть себѣ Василія Дмитріевича старшимъ братомъ, Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича равными братьями, Андрея и Петра младшими. Онъ обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ, неприставать къ Татарамъ; можетъ посылать отъ себя въ Орду посла (киличея) съ дарами и честить также у себя Татарскаго посла; но только долженъ давать знать о томъ и другомъ въ Москву; а въ случаѣ разлада съ Ордою дѣйствовать по думѣ съ В. княземъ Московскимъ. Границы между княжествами остаются почти тѣже, которыя обозначены въ договорной грамматѣ 1381 г; только нѣкоторыя Мещерскія мѣста, купленныя Олегомъ, отходятъ къ Москвѣ. Во внутреннія дѣла Рязанскаго княжества Василій Дмитріевичь и его братья даютъ обѣщаніе не вступаться. Замѣчательны тѣ слова грамоты, которыми опредѣляются отношенія Ѳедора Ольговича къ князю Пронскому. «А со княземъ съ Великимъ съ Иваномъ Володимеровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать своихъ бояръ, чтобы разсудили дѣло; а въ чемъ несойдутся, пусть третій имъ

[198] С. Г. Г. и Д. №. 36.

зань неможетъ существовать въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго пункта, около котораго могли бы собраться юговосточные удѣлы. Она была слишкомъ слаба для этого и необходимо долженствовала примкнуть къ той или другой половинѣ Руси. Исторія Рязани въ XIV и XV вв. представляетъ замѣчательную аналогію съ исторіею Твери. Здѣсь вторую половину XIV в. также наполняетъ видная личность Михаила Александровича, выступающая съ такими же стремленіями, какъ Олегъ Рязанскій; послѣ его смерти видимъ тѣ же усобицы между Тверью и Кашиномъ, какъ между Рязанью и Пронскомъ, то же колебаніе между Москвою и Литвою. Когда на время ослабла сила притяженія со стороны Москвы, оба княжества примкнули къ Литвѣ, гдѣ еще властвовалъ грозный Витовтъ. Около 1427 г. Иванъ Өедоровичь заключилъ съ нимъ слѣдующій договоръ: [201]

Подчиненіе Витовту.

Господину Господарю моему В. князю Витовту я Иванъ Өедоровичь В. князь Рязанскій добилъ челомъ, отдался ему на службу, и Господарь мой князь великій Витовтъ принялъ меня князя великаго Ивана Өедоровича на службу: мнѣ служить ему безхитростно, быть съ нимъ за одно на всякого; съ кѣмъ онъ миренъ, съ тѣмъ и я миренъ: а съ кѣмъ онъ немиренъ, съ тѣмъ и я немиренъ. А В. князю Витовту оборонять меня отъ всякого, а безъ воли князя Великаго мнѣ ни съ кѣмъ не мириться и никому не помогать. А если будетъ отъ кого притѣсненіе (налога) внуку его В. князю Василію Васильевичу, и если велитъ мнѣ князь великій Витовтъ, то я буду пособлять ему на всякого и жить съ В. княземъ Васильемъ Василь-

[201] Акты Арх. I. №№. 25, 26.

евичемъ по старинѣ. А если будетъ В. князю Витовту съ внукомъ его какое нелюбье или съ дядьями его или съ братьями, то мнѣ пособлять своему Господарю на нихъ безъ хитрости. А В. князю Витовту въ вотчину мою невступаться ни въ землю, ни въ воду по рубежъ Рязанской земли моей Переяславской вотчины съ уступкою (Литвѣ) Тулы,[202] Берестья, Ретани, Дорожена и Заколотена Гордѣевскаго. А судъ и исправу давать мнѣ ему во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ переводу; съѣхався съ судьями В. князя Витовта и поцѣловавъ крестъ, пусть судьи мои рѣшаютъ безъ всякой хитрости, по правдѣ; а если въ чемъ несойдутся, то пусть идутъ къ В. князю Витовту, и кого В. князь обвинитъ, тотъ и заплатитъ.» Вмѣстѣ съ Рязанскимъ княземъ поддался Витовту и Пронскій Иванъ Владиміровичь; его договорная грамота написана почти тѣми же словами.

Въ 1430 г. мы находимъ Ивана Ѳедоровича въ числѣ знатныхъ гостей, которыхъ угощалъ Витовтъ великолѣпныти пирами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Литовскій князь скончался; въ Литвѣ начались смуты и усобицы; а вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась кратковременная зависимость отъ нея Рязанцевъ; но только для того, что бы возобновились ихъ прежнія отношенія къ Москвѣ, хотя и здѣсь въ тоже время открылась борьба между Василіемъ Васильевичеимъ и Юріемъ Галицкимъ.

---

[202] Въ договорѣ между Олегомъ и Димитріемъ Тула поставлена въ какое то исключительное положеніе; и тотъ и другой князь по видимому отъ нея отказываются. «Тула какъ было при царицѣ при Тайдулѣ, и коли ея Баскаци вѣдали...» Но судя по договору Ивана Ѳед. съ Витовтомъ, она считалась за Рязанью. Вѣроятно Олегъ, вопреки условіямъ 1381 г., присоединилъ ее въ послѣдствіи къ своему княжеству.

Иванъ Өедоровичь сначала цѣловалъ крестъ Василію и посылалъ свою дружину вмѣстѣ съ Москвитянами воевать волости Юрія. [203] Но когда Юрій одолѣлъ племянника и сѣлъ на Московскій столъ, Иванъ Өедоровичь перешелъ на его сторону и заключилъ съ нимъ договоръ [204] Юрій обѣщаетъ имѣть Ивана Өедоровича себѣ племянникомъ, сыновья его Василій Косой равнымъ братомъ, а Димитрій Шемяка и Димитрій Красный старшимъ. Рязанскій князь обязывается сложить съ себя цѣлованіе къ Василію Васильевичу и быть противъ него и противъ другихъ недруговъ за одно съ Юріемъ. Отношенія князей и границы Княжествъ опредѣляются почти такими же условіями, какъ въ 1402 г. Противъ прежнихъ грамотъ замѣчательно слѣдующее прибавленіе: «А гдѣ ты князь Великій всядешь на конь противъ своего недруга, и мнѣ князю Великому Ивану самому пойти съ тобою безъ ослушанія; а гдѣ пошлешь своихъ воеводъ, и мнѣ своихъ воеводъ послати съ твоими воеводами.» Тула и Берестій, уступленные Витовту, теперь опять причисляются къ Рязани. Изъ той же грамоты узнаемъ, что князья Рязанскій и Пронскій незадолго передъ тѣмъ временемъ окончательно помирились и вмѣстѣ подчиняются Московскому, а третейскимъ судьею опять признаютъ митрополита; самый договоръ Иванъ Өедоровичь заключаетъ вмѣстѣ отъ себя и отъ Пронскаго князя съ его братьями.

Договоръ съ Юріемъ Галицкимъ.

Этотъ договоръ, какъ надобно полагать, былъ заключенъ въ 1434 г., т. е. послѣ втораго занятія Москвы Галицкимъ княземъ. Но въ томъ же году Юрій скон-

---

[203] Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается въ Догов. гр. Юрія Дмитр. съ Иваномъ Өед. I. №. 48.

[204] С. Г. Г. и Д. I. №. 48.

чался и Василій Васильевичь воротилься въ Москву. Для Рязани это было все равно: перемѣнялось только лицо, а отношенія къ В. князю Московскому остались тѣже самыя. Вообще незомѣтно, что бы Рязанцы принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякою.

Отношенія къ Василію Темному.

Въ 1447 г., когда Василій окончательно утвердился на Московскомѣ столѣ, послѣдовалъ новый договоръ съ Рязанскимъ княземъ. [205] Иванъ Ѳедоровичь признаетъ Василія старшимъ братомъ, Ивана Андреевича Можайскаго равнымъ; а Михаила Андреевича и Василія Ярославича Боровкаго младшими. Далѣе опять повторяются почти тѣже условія, какія и въ предыдущихъ грамотахъ. Замѣтимъ толко прибавленіе касательно Литовскихъ отношеній; « А всхочетъ съ тобою князь Великій Литовскій любви, и тобѣ съ нимъ взяти любовь со мною по думѣ; а писати ти съ нимъ въ докончательную грамоту, что есь со мною съ Великимъ княземъ съ Васильемъ Васильевичемъ одинъ человѣкъ ... А пойдетъ на тебя Князь Великій Литовскій и мнѣ князю Великому Василью пойти самому тебя боронити; а пошлетъ на тебя своихъ воеводъ, и мнѣ послати своихъ воеводъ тебя боронити.» Дополненіемъ къ послѣдней статьѣ могутъ служить слѣдующія слова изъ договора, который, спустя два года, Василій Васильевичь заключилъ въ Казимиромъ Литовскимъ: [206] «А братъ мой молодшій, князь Великій Иванъ Ѳедоровичь Рязанскій со мною съ Великимъ княземъ Васильемъ въ любви, и тобѣ Королю его необидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, Королю и Вели-

[205] № 65.

[206] Акты Зап. Рос. I №. 50.

кому князю Казимиру Князь Великій Иванъ Өедоровичь сгрубитъ, и тобѣ Королю и В. князю мене обослати о томъ: и мнѣ его всчунути (уговорить) и ему ся къ тобѣ исправити, а неисправитъ ся къ тобѣ, моему брату, Рязанскій; и тобѣ Королю Рязанскаго показнити, а мнѣ ся въ него невступати. А всхочетъ ли братъ мой молодшій, Князь Великій Иванъ Өедоровичь служити тобѣ, моему брату, Королю и Великому князю и мнѣ В. князю Василью про то на него негнѣваться, ни метити ему.» Здѣсь Московской князь, вопреки условіямъ 1447 г., отказывается помогать Рязанцамъ противъ Литвы; за то Рязанскому князю предоставлено болѣе свободы нежели прежде; онъ по собственному выбору можетъ примкнуть къ Литвѣ или Москвѣ. Но это была только дипломатическая уловка со стороны Московскаго правительства; а на дѣлѣ оно уже могло быть спокойно на счетъ Литовскаго соперничества. По крайней мѣрѣ послѣ Витовта со стороны Рязани почти невидно колебанія между тою и другою зависимостію до временъ Василія III. Мало того, если мы неможемъ указать на значительныя войны, зато мелкая вражда на границахъ время отъ времени могла породить довольно сильныя неудовольствія между Рязанью и Литвою. Въ этомъ отношеніи отъ XV ст. сохранился очень интересный документъ, извѣстный подъ именемъ: «Посольство до Великаго князя Рязанскаго зъ Вильны Васильемъ Хребтовичемъ» Въ 1456 г. прибылъ въ Переяславль къ Ивану Өедоровичу посолъ изъ Литвы Василій Хребтовичь и подалъ ему грамоту отъ Казимира IV. Въ этой грамотѣ Казимиръ жалуется Рязанскому князю на его подданныхъ, которые въ ту весну наканунѣ Николина дня внезапно пришли подъ городъ Мценскъ, выжгли его, повоевали окрестности и увели много плѣнни-

ковъ. И прежде нерѣдко были обиды Литовскимъ украиннымъ людямъ отъ Рязанскихъ; а теперь послѣдніе, недовольствуясь воровствомъ и грабежомъ, поднимаютъ открытную войну. Король требуетъ, чтобы Рязанцы возвратили плѣнниковъ и пограбленное имущество; чтобы они въ Литовской землѣ звѣрей и бобровъ не били, пчелъ недрали и рыбы нeловили.[207] Результаты этого

[207] Акты Зап. Рос. I. №. 58. «Приводимъ здѣсь эту интересную граммату вполнѣ: «Іюль 9. д. индиктъ 4.»

«Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій всказалъ: Издавна предкове наши зъ вашими предки были въ любьви и въ докончаньи, а и мы со отцемъ твоимъ были потому жъ какъ и предкове наши; а земли наши украинные межи собою въ упокои были, а обиднымъ дѣломъ судъ и право было на обѣ сторонѣ.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Тыми, пакъ, разы пріѣхалъ къ намъ намѣстникъ нашъ Мценскій и Любуцкій, князь Дмитрей Путятичь, и повѣдалъ намъ, ижъ твоѣ люди зъ твоее земли пришодши безвѣстьно, сеѣ весны, канунъ Николина дня, войною, подъ городъ нашъ Мценскъ, мѣсто выжьгли, села повоевали и многія шкоды починили, и люди головами въ полонъ повели.

Казимиръ, король и великій князь всказалъ: А и передъ тымъ, намъ многіи жалобы прихаживали отъ украиньниковъ нашихъ, ижъ имъ кривды и шкоды великія дѣются зъ твоее земли, отъ твоихъ людей, въ татьбахъ и въ забоѣхъ и въ грабежахъ; а нынѣ пакъ нетолько татьбою, але явно воюютъ, и головами въ полонъ ведутъ, и мѣста и села жьгуть.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Прото напоминаемъ тебе: съ твоимъ ли вѣдомомъ то будутъ люди твои вчинили, аль не съ твоимъ, абы еси о томъ довѣдался; если будутъ, безъ твоего вѣдомя, люди твои то вчинили, и

посольства намъ неисвѣстны. Изъ грамоты видно, что обиды между пограничными жителями были взаимныя. Да и не возможно было ихъ избѣгать при неразвитости общества и отсуствіи точнаго опредѣленія границъ, Подобныя пересылки Русскихъ князей съ Литовскимъ правительствомъ по поводу безпорядковъ на границахъ были дѣломъ довольно обыкновеннымъ въ тѣ времена,

---

ты бы еси велѣлъ то намъ оправити. А што люди наши головами въ полонъ побраны, тыхъ бы еси велѣлъ поотпускати, а животы и статки велѣлъ бы еси поотдавать; а тыхъ людей, которыи будутъ то чынили, велѣлъ бы еси сказьнить, абы впередъ того небыло. А если намъ того невелишъ оправити, и полону, што побрано животовъ и статковъ, невелишь поотдавать, будь тобѣ вѣдомо, ижъ мы за свое далѣй не будемъ терпѣть.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): А которые бы шкоды и кривды дѣлалися твоимъ людемъ отъ нашихъ людей, зъ нашое земли, и ты бы насъ обсылалъ, обыхмо приказывали нашимъ намѣстникомъ тымъ дѣломъ обиднымъ управу давати, на обѣ сторонѣ, абы правыи не гибли, а виноватыи кажьнены были; и тако было безвѣстьно и безъ отказу, войны непускати, и огнемъ нежечи, и головъ въ полонъ не вести.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Такожъ повѣдалъ нашъ князь Дмитрій Путятичь, штожъ люди твои, зъ твоее земьли.

Казиміръ король и великій князь (всказалъ): Такожъ повѣдалъ намъ князь Дмитрей Путятичь, штожъ люди твои, зъ твоее земьли, въ нашой земли звѣръ бьютъ, а пьчолы деруть, а по рѣкамъ бобры бьютъ и рыбы ловять, гдѣ издавна имъ входовъ небывало, и иные многіе шкоды дѣла-

и, кажется, не вели ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ [208]

Княженіе свое Иванъ Ѳедоровичъ заключилъ весьма важнымъ фактомъ. Въ 1456 г. онъ скончался, вскорѣ послѣ своей супруги, чернецомъ Іоною, завѣщавъ Василію Темному на соблюденіе Рязанское княжество вмѣстѣ съ осьмилѣтнимъ сыномъ Василіемъ, вѣроятно до его совершеннолѣтія. Великій князь взялъ мальчика и его сестру Ѳеодосію къ себѣ въ Москву, а въ Рязанскіе города и волости послалъ своихъ намѣстниковъ. [209] Московское господство.

Самостоятельность Рязанскаго княжества повидимому прекратилась. Можно было ожидать, что собиратели Руси воспользуются удобнымъ случаемъ, чтобы навсегда покончить съ сосѣднимъ удѣломъ. Но прошло восемь лѣтъ послѣ смерти Ивана Ѳедоровича, и, вопреки подобнымъ ожиданіямъ, Великій князь Иванъ III и мать его Марія отпускаютъ Василія Ивановича на его отчину, на великое княженіе Рязанское. Зимою тогоже года Василій пріѣхалъ въ Москву и взялъ за себя княжну Анну Васильевну, меньшую сестру Ивана III. Бракъ совершился 28 Генваря въ соборной церкви

ють: и ты бы людемъ своимъ приказалъ, а жьбы въ нашой земьли звѣру небили, а пьчолъ недрали, а по рѣкамъ бобровъ не били и рыбъ неловили, гдѣ издавна имъ входовъ небывало; бо мы въ твою отчизну, въ земьли и въ воды, не велимъ вступатися, гдѣ кому изъдавна вступа небыло.» Изъ Литов. Метрики.

[208] См. пресылки Москов. правительства съ Литов. о томъ же предметѣ. Акты Запад. Рос. 11. №№. 74, 143, 169. и пр.

[209] Ник. V. 283, 284.

Успѣнія Богородицы; а на память Трехъ Святителей молодые отправились въ Разань. [210]

Вопросъ, почему Иванъ III невоспользовался случаемъ присоединить къ Москвѣ Рязанское княжество, за отсутствіемъ прямыхъ указаній въ источникахъ, мы можемъ объяснять только гадательнымъ образомъ. А именно, съ возвращеніемъ своего князя Рязань едвали пріобрѣтала бо́льшую независимость, чѣмъ въ то время, когда ею управляли Московскіе намѣстники. Василій Ивановичъ уже привыкъ слушаться во всемъ В. князя Московскаго какъ своего отца и благодѣтеля; новыя узы родства еще болѣе скрѣпили ихъ близкія отношенія. Опасаться трудной борьбы было излишне при слабости Рязанскаго княжества сравнительно съ Москвою. Предпочесть Литовское подданство Рязанцамъ не было никакого основанія. А между тѣмъ многочисленное и храброе населеніе Рязани еще не отвыкло отъ своихъ собственныхъ князей, и живо помнило прежнія времена независимости и славы; нерасположеніе къ Москвитянамъ, какъ необходимое слѣдствіе долговременныхъ враждебныхъ отношеній, можетъ быть не разъ обнаружилось при господствѣ Московскихъ намѣстниковъ. На этотъ фактъ можно смотрѣть какъ на одинъ изъ примѣровъ замѣчательной политической дальновидности Ивана III. Онъ обратилъ свое вниманіе на болѣе важныя дѣла, и, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Татарами, Тверью, Новгородомъ и Литвою, предпочелъ лучше ждать еще болѣе удобнаго случая и имѣть подъ рукою вѣрнаго подручника, чѣмъ явною несправедливостію давать поводъ къ разнымъ попыткамъ, которыя

---

210 Ник. VI. Чт. О. И. и Д. IV. Татищ. I. П. С. Р. Л. IV. 149.

могли надѣлать ему лишнихъ хлопотъ. Впрочемъ нельзя сказать утвердительно, поступилъ ли Иванъ III въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію, или по мысли своего отца, который нехотѣлъ обмануть довѣренности къ нему Ивана Ѳедоровича. Какъ бы то ни было, Рязань болѣе полувѣка еще имѣла собственныхъ князей и удержала тѣнь самостоятельности.

Василій Ивановичь княжилъ 19 лѣтъ, и все это время ни разу не было нарушено его доброе согласіе съ Москвою, т. е. онъ ни разу не обнаружилъ попытки вытти изъ подъ опеки Московскаго князя. Одна изъ главныхъ ролей въ рязанской исторіи второй половины XV вѣка безспорно приходится на долю княгини Анны Васильевны. Пользуясь расположеніемъ къ себѣ брата, она имѣла большое вліяніе на его дружескія отношенія къ Рязанцамъ. Мы не одинъ разъ встрѣчаемъ ее въ Москвѣ, гдѣ она гоститъ у родныхъ; въ 1467 г. напримѣръ, 14 Апрѣля, она родила здѣсь сына Ивана.

Василій Ивановичь 1456—1483 г.

Можетъ быть, благодаря именно ея посредничеству, княженіе Василія Ивановича озноменовалось окончательнымъ присоединенімъ къ Рязани Пронскаго удѣла. Неизвѣстно, когда умеръ Иванъ Владиміровичь Пронской. Около 1427 г. онъ былъ еще живъ и поддался Витовту; но въ 1434 г. въ Пронскѣ уже господствовали его сыновья, какъ видно изъ договорной грамоты Ивана Ѳедоровича съ Юріемъ Галицкимъ. Послѣ Ивана Владиміровича остались три сына: Ѳедоръ, который наслѣдовалъ титулъ Великаго князя, (если Ѳедора Владиміровича уже небыло въ живыхъ) потомъ Иванъ Нелюбъ и Андрей Сухорукій. Въ договорѣ 1447 г. также упоминаются князь Пронскій съ братьею. Далѣе источники неупоминаютъ о Пронскѣ, какъ и объ отдѣльномъ княжествѣ. Надобно думать, что Пронскіе князья въ ше-

Соединеніе Пронска съ Рязанью.

стидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ XV вѣка сходятъ съ своей прежней сцены, и потомство ихъ вступаетъ въ кругъ княжеской аристократіи при Московскомъ дворѣ. Какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилось присоединеніе Пронскаго удѣла къ Рязани, мы незнаемъ; видимъ только, что Великій князь Рязанскій Василій Иаванович при кончинѣ благословляетъ городомъ Пронскомъ своего старшаго сына.[211] Конечно это присоединеніе немогло имѣть мѣста безъ соизволенія Ивана III.

Иванъ Васильевичь 1483–1500 г.

Василій Ивановича скончался въ 1483 г. 7 Генваря во время обѣдни,[212] Онъ имѣлъ неболѣе 35 лѣтъ отъ

---

[211] Есть еще повидимому извѣстіе о Великомъ князѣ Пронскомъ: именно, въ договорной грамматѣ Казимира IV съ князьями Воротынскимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ, отъ 10 Апрѣля 1483 г. (Акты Зап. Р. I. № 80.) сказано: А съ великимъ князем Московскимъ, и съ великимъ княземъ Переяславскимъ, и съ великимъ княземъ Пронскимъ, хто будетъ тая великія княженія держати, съ тыми имъ судъ имѣти по старинѣ.» Но выраженіе, «хто будетъ тая великія княженія держати» указываетъ только на общее мѣсто, на привычную форму. Въ договорѣ Ивана III съ Иваномъ Рязанскимъ, отъ 9 Іюня 1483 г., противъ прежняго обыкновенія уже неговорится ни слова о Пронскихъ князьяхъ, и опредѣленіе границъ показываетъ, что Пронскій удѣлъ неотдѣлялся отъ Рязанскаго. Положительное же извѣстіе о соединеніи Пронска и Рязани относится къ 1496 г.

[212] Ник. VI. 117. Василій Ивановичь, судя по надписи на его гробницѣ, также какъ и сыновья его, имѣлъ прозваніе Третнаго. На вѣроятное происхожденіе этого прозванія указано въ Рязанск. дост. по поводу построенія церкви Іоанна

роду, и послѣ себя оставилъ двухъ сыновей Ивана и Өедора, между которыми раздѣлилъ свое княжество. Старшему въ титуломъ Великаго князя достались города: Переяславль Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; а младшаго отецъ благословилъ Перевитскомъ, Старою Рязанью и третьею частію изъ Переяславскихъ доходовъ. Они оба были еще очень молоды,–Иванъ имѣлъ 16 лѣтъ,—и потому долго невыходили изъ воли своей матери княгини Анны. Въ томъ же 1483 г. отношенія между Москвою и Рязанью были опредѣлены новыми договорными грамматами; [213] Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичь обязывается считать Ивана III и его сына старшимъ братомъ и приравнивается къ удѣльному московскому князю Андрею Васильевичу. Далѣе, онъ обязывается всегда быть за одно съ Москвою, несноситься съ Литовскимъ княземъ и не вступать въ Литовское подданство; также несноситься съ тѣми удѣльными князьями, каторые ушли въ Литву. Замѣчтельна въ этомъ договорѣ статья о служебныхъ Татарскихъ царевичахъ, которымъ отведены были мѣста на Окѣ между Рязанью и Муромомъ. Рязанскій князь долженъ давать Даньяру и его преемникамъ то же самое что

Договоръ съ Иваномъ III.

Златоуста: «А Рязань, какъ изъ грамматы Царя Ивана Васильевича 7045 года Солотченскому архимандриту данной видно, раздѣлялась издревлѣ на трети. Да въ спискѣ съ *правой* грамматы 7043 года на починокъ Неретинъ упоминается, что село *Перкино* въ книгахъ письма Ивана Ивановича Волынскаго написано въ двухъ третяхъ, въ каменскомъ стану, а село Засѣчье и починокъ Неретинъ въ княжь Өедоровой трети Ивановича Великаго князя Рязанскаго (вѣроятно Өедора Васильевича удѣльнаго князя Рязанскаго).

[213] №№. 115 и 116.

давали его отецъ и дѣдъ по положенію Василія Темнаго; онъ не можетъ сноситься съ ними ко вреду Московскаго князя; а бѣглыхъ Мещерскихъ князей обязанъ не только непринимать къ себѣ, но отыскивать ихъ и выдавать Москвитянамъ. Границы между княжествами назначены уже другія. Изъ прежнихъ пограничныхъ линій сохранилась только та, которая шла отъ Коломны вверхъ по Окѣ, Цнѣ и Владімрскому порубежью. Особенно сократились Рязанскіе предѣлы на западѣ. [214] Съ этой стороны они отодвинуты почти на тѣже мѣста, по которымъ проходили въ началѣ XIII вѣка, т. е. всѣ позднѣйшія пріобрѣтенія Рязанцевъ въ княжествахъ Сѣверскихъ навсегда отошли къ Москвѣ. На востокѣ въ Мещерѣ Рязанскій князь отступился отъ всѣхъ мѣстъ, купленныхъ его предшественниками, начиная съ Олега Ивановича.

Семнадцатилѣтнее княженіе Ивана Васильевича прошло также тихо и въ такомъ же согласіи съ политикою Ивана III, какъ и правленіе его отца. Рязанскій князь на своей отчинѣ и дѣдинѣ въ сущности имѣлъ значеніе Московскаго намѣстника; онъ безпрекословно

---

[214] «А что купля отца нашего за рѣкою за Окою Тешиловъ и Веневъ и Растовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховіа Кудесны прямо къ верхъ Табаломъ а по Табаломъ на низъ въ Донъ.... а тебѣ (Ивану Рязанскому) невступатися въ нашу отчину въ Елечь и во вся Елецкая мѣста, а Меча намъ вѣдати вопчѣ.»

исполнялъ приказанія дяди и посылалъ свои войска на его службу. Наиболѣе замѣчательный походъ совершили Рязанцы въ 1492 г. для завоеванія городовъ Серпейска и Мезецка, которые незадолго передъ тѣмъ поддались Москвѣ, но были захвачены опять Литовцами. Къ Москвитянамъ присоединились Рязанскій удѣльный князь Өедоръ Васильевичъ съ своею дружиною и войска его старшаго брата подъ начальствомъ воеводы Иньки Измайлова. Походъ увѣнчался успѣхомъ. [215]

До насъ дошелъ любопытный договоръ отъ 19 Августа 1496 г. которымъ братья Иванъ и Өедоръ опредѣлили свои взаимныя отношенія и границы своихъ удѣловъ. [216]

Договоръ съ братомъ Өедоромъ.

Өедоръ обязывается: держать Великое княженіе Ивана *чесно и грозно безъ обиды*; хотѣть ему вездѣ и во всемъ добра, быть съ нимъ за одно на всякого недруга и нессылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣдома. Великій князь обѣщаетъ жаловать его и печаловаться о его отчинѣ. Никто изъ нихъ недолженъ вступаться въ чужой удѣлъ и искать его подъ братомъ или подъ его сыновьями. Замѣтимъ при этомъ слѣдующее мѣсто грамматы: «а не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ Великому князю Великимъ княженьемъ благословити тобя своего брата, а не будетъ у тобя дѣтей, и тебѣ моему брату своей отчины неотдати никоторою хитростью мимо меня Великого князя.» Мать ихъ Анна, кромѣ своихъ купленныхъ дворовъ въ городѣ, получаетъ четвертъ всѣхъ доходовъ въ обоихъ удѣлахъ. Орду знаетъ только одинъ В. князь, и платитъ ясакъ служебнымъ Татарскимъ

---

215 Ник. VI. 133. П. С. Р. Л. IV. 161.

216 №№. 127 и 128.

царевичамъ какъ отъ себя, такъ и отъ своего брата. Потомъ обозначаются границы удѣловъ, впрочемъ не вездѣ ясно и опредѣленно. [217] Удѣлъ Өедора состоялъ изъ двухъ неравныхъ частей: большая сосредоточилась около Старой Рязани, меньшая около Перевитска. Въ самомъ Переяславлѣ Өедору отдѣлялись часть княжескихъ дворовъ въ городѣ, посадъ, нѣсколько мѣльницъ, лугъ и поле возлѣ города, треть городскихъ пошлинъ, и часть въ судебныхъ городскихъ доходахъ. Разнаго рода княжіе люди: ловчане, рыболовы, псари и пр. были также подѣлены между братьями. Младшій обязывается поддерживать треть городскихъ укрѣпленій. Князья недолжны покупать другъ у друга селъ и дер-

[217] «А промежъ насъ раздѣлъ земли отъ Оки рѣки по Вакиныхъ деревню, да по Голцово, да по Ивачеву деревню; а Вакиныхъ деревня и Голцово въ Великого князя сторонѣ, а Романовское село и Ивачева деревня во Княжи Өеодоровѣ сторонѣ; а отъ Ивачевыхъ деревни по р.... сници на низъ до рѣчки до Мечи, да на низъ по Мечи до рѣчки до Пилеса, да Пилесомъ въ верхъ по лѣсу по Каринскому къ Мосоловской деревни, а Мосоловская деревня во Княжи Өеодорове удѣле; о отъ Мосоловской деревни внизъ по Осетру до устіа, и по рубежу тѣ деревни пашни свои и ухожаи вѣдаютъ по старинѣ. А рубежъ Переяславлю съ Рязанью отъ Оки рѣки по Лубяной въ верхъ на право къ Переславлю, а на лево къ Рязани; а отъ верху Лубяной по перевертамъ къ Тысьи, а отъ Тысьи по Щучьей въ верхъ, а отъ Щучьей по перевертамъ къ Исьи, да по Исьи на низъ до устіа, да на низъ по Окѣ рѣкѣ до усть Прони, да Пронею въ верхъ до Жорновицъ, отъ Жорновицъ подлѣ лѣсу назадъ заполья, да позадъ березовой поляны до рубежа до Мещерскаго, куда наши Бояре ѣхали.»

жать закладней. Отношенія удѣльнаго Рязанскаго князя къ старшему брату, если судить по договору, были почти тѣже самыя, въ какихъ послѣдній находился къ В. князю Московскому и въ какихъ къ Ивану III состояли его младшіе братья; но въ дѣйствительности имѣли силу развѣ только экономическія статьи договора, а въ дѣлахъ политики оба князя были покорными слугами Ивана III.

Изъ внутреннихъ событій въ Рязани при Иванѣ Васильевичѣ мы знаемъ весьма немногое. Въ Сентябрѣ 1494 г. былъ такой страшный пожаръ въ Переяславлѣ, что почти выгорѣлъ весь городъ и колокола растапливались на колокольняхъ. Въ Августѣ 1497 г. княгиня Анна ѣздила въ Москву повидаться съ братомъ и была тамъ принята съ великою честію. Самъ Иванъ III съ дѣтьми и боярами встрѣтилъ ее на Всполье за Болвановьемъ; также выѣхала на встрѣчу къ ней Великая княгиня Софья съ невѣсткою Еленою и съ своими боярынями. Анна прогостила здѣсь до Крещенья, и въ это время помолвила свою дочь за однаго изъ знатныхъ Московскихъ бояръ, князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго, принадлежавшаго къ потомкамъ Гедимина. Послѣ Крещенья Великій князь отпустилъ сестру домой съ большими дарами; братъ Юрій проводилъ ее до Угрѣшей. Анна спѣшила въ Рязань для свадьбы, которая была съиграна въ Генварѣ мѣсяцѣ. [218]

Иванъ Ивановичь 1500—1520 г.

29 Мая 1500 г. въ третьемъ часу дня скончался Великій князь Рязанскій, Иванъ Васильевичь, носившій прозваніе большія области Третнаго. Онъ былъ женатъ на Агриппинѣ Ѳедоровнѣ, урожденной княжнѣ Бабичь,

---

[218] П. С. Р. Л. VI. 42. 43. Татищ. Чт. О. И. и Д. № IV. 129.

и оставилъ сына Ивана по пятому году. [219] Малолѣтный князь наслѣдовалъ отцу сначала подъ опекою матери и бабки; но послѣдняя немногимъ пережила своего сына, и скончалась въ слѣдующемъ 1501 г. на Свѣтлой недѣлѣ въ середу. Съ именемъ княгини Анны связано воспоминаніе о мирѣ и тишинѣ, господствовавшихъ на Рязани въ продолженіе 37 лѣтъ, которыя провела въ этомъ краю любимая сестра Ивана III. Удѣльный Рязанскій князь Θедоръ Васильевичь жилъ до 1503 года; онъ умеръ бездѣтнымъ, и мимо племянника отказалъ свои волости Великому князю Московскому. Такой поступокъ повидимому непротиворѣчилъ договору 1496 года, потому что въ немъ было условіе неотдавать кому либо своей отчины только мимо самого старшаго брата, хотя при этомъ очевидно подразумѣвались и дѣти послѣдняго. На эту добровольную уступку Рязанскаго удѣла Московскому правительству указываетъ самъ Іоаннъ III. «А что ми далъ сестричичь мой князь Θедоръ Васильевичь Рязанской—говоритъ онъ въ духовномъ завѣщаніи— свою отчину, на Рязани въ городѣ и на посаде свой

Θедоръ отказываетъ свой удѣлъ Ивану III.

---

[219] Герберштейнъ въ своей Rer. Mosc. auct. 48 стр. расказываетъ будто «у Ивана Васильевича было три сына: Василій, Θедоръ и Иванъ. По смерти отца два старшіе брата затѣяли усобицу и сразились на полѣ близъ города Рязани: одинъ изъ нихъ палъ въ битвѣ; оставшійся побѣдителемъ умеръ вскорѣ на томъ же полѣ. Въ память этого событія на мѣстѣ битвы поставленъ былъ дубовый крестъ.» Но въ Руcкихъ источникахъ нѣтъ ничего подобнаго. Да едвали и могли остаться послѣ Ивана Васильевича взрослые сыновья, такъ какъ онъ скончался 33 лѣтъ отъ роду. Иностранцу же притомъ легко было повѣрить ложнымъ слухамъ или перепутать событія.

жеребей, и Старую Рязань и Перевитескъ съ волостьми и съ путми и съ селы, и съ бортью и съ тамгою и со всѣми пошлинами, потому, какъ ся дѣлилъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ: и азъ ту его вотчину... даю сыну своему Василью,»[220]

Такимъ образомъ въ началѣ XVI в. отъ древняго Рязанскаго княжества оставалась только небольшая часть земель, со всѣхъ сторонъ охваченная Москоскими владѣніями; самая колыбель княжества Старая Рязань была въ числѣ этихъ владѣній. Непосредственное господство Москвы уже переступило черезъ завѣтный рубежъ, по правую сторону средней Оки, и проникло въ самое ядро Рязанской области. На Переяславскомъ столѣ сидѣлъ безсильный отрокъ; управленіе кажествомъ сосредоточилось въ рукахъ женщины; Рязанцы уже свыклись съ мыслію о подчиненіи Москвѣ, и Ивану III стоило только произнести слово, чтобы уничтожить всякую тѣнь ихъ самостоятельности, Но онъ не произнесъ этого слова, и предоставилъ сыну принять послѣдній столбъ, на которомъ еще держалась половина кровли. Что бы понять, какой характеръ имѣла въ то время зависимость Рязани отъ Москвы, стоитъ только прочесть наказъ Ивана III Якову Темѣшову, который провожалъ черезъ Рязанскія земли Каѳинскаго посла въ 1502 г. Иванъ посылаетъ поклонъ В. княгинѣ Рязанской Агрипинѣ и

---

[220] П. С. Р. Л. IV. 163. VI 42, 43. Ник. VI, 159. Гербершт. 48. С. Г. Г. и Д. № 144. О Ѳедорѣ Васильевичѣ упоминается въ наказѣ Іоанна III Якову Темѣшову въ 1502. Въ томъ же году дана имъ запись на село Сильчино. Ряз. Грам. Писарева №. 9. Духовная Іоанна III написана около 1504 г. Слѣдовательно смерть Ѳедора надобно отнести къ 1503 г.

между прочимъ ей сказать: «Твоимъ людемъ служилымъ, боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и сельскимъ быти всѣмъ на моей службѣ: а торговымъ людемъ лучшимъ и середнимъ и чернымъ быти у тобя въ городѣ на Рязани. А ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты Аграфена велѣла казнити, вдовьимъ, да женскимъ дѣломъ неотпираясь; а по уму бабью не учнешь казнити ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавити; охочихъ на покупъ много.» [221]

Прежде нежели перейдемъ къ послѣднему факту въ исторіи Рязанскаго княжества — къ уничтоженію его самостоятельности, воротимся назадъ и бросимъ взглядъ на отношенія къ Татарамъ въ теченіе пройденнаго столѣтія. Событія на юговосточной сторонѣ были только повтореніемъ прежняго; дань, платимая въ Орду, немѣшала кочевникамъ время отъ времени напоминать о себѣ губительными набѣгами. Послѣ смерти Олега Ивановича до 1514 г., лѣтописи упоминаютъ до 15 наиболѣе значительныхъ нападеній, изъ которыхъ только пять не остались безнаказанны. А именно: осенью 1405 г. Татары нечаянно напали на Рязань; Ѳедоръ Ольговичь послалъ за ними въ погоню; воеводы побили много непріятелей и отняли у нихъ добычу; тоже самое повторилось въ 1411 г. Но въ 1415 непріятели повоевали Рязанскія волости за Дономъ, взяли Елецъ и убили Елецкаго князя. За тѣмъ приводится цѣлый рядъ набѣговъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: «приходиша Татарове на Рязанскія украйны и много зла сотворша, и отъидоша съ полономъ.» Нужно замѣтить, что кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сама Рязань служила цѣ-

---

221 Чт. О. И. и Д. I. Замѣтки о Ряз. Зем. Макарова.

лью татарскихъ нападеній, ея земли подвергались опустошеніямъ почти каждый-разъ въ случаѣ войны между ханами и московскими князьями; напримѣръ, въ 1408 г. Эдигей на возвратномъ пути отъ Москвы мимоходомъ взялъ городъ Рязань. Но Татарамъ рѣдко удавалось переступить за Оку и напасть на самыя Московскія волости; обыкновенно великокняжескіе воеводы встрѣчали ихъ въ Рязанской землѣ, которая неминуемо становилась поприщемъ кровавыхъ столкновеній, во всякомъ случаѣ для нея разорительныхъ; при томъ же въ слѣдствіе своей зависимости отъ Москвы Рязанцы по неволѣ вмѣстѣ съ нею подвергались ханскому гнѣву.

Въ 1444 г. пришелъ на Рязань Царевичь Мустафа съ многочисленною Татарскою ратью, пограбилъ волости и села, и, остановившись въ степи, послалъ сказать Рязанцамъ, что они могутъ выкупать у него плѣнниковъ. Тѣ дѣйствительно ихъ выкупили. Вскорѣ Мустафа опять пришелъ въ Рязань съ миромъ и съ намѣреніемъ провести въ ней зиму, потому что въ степи оставаться было невозможно; осенью она вся погорѣла пожаромъ; зима настала самая жестокая съ глубокими снѣгами и сильными вьюгами; лошади татарскія попадали отъ безкормицы, а всадники мерзли отъ холоду. Мустафа, неизвѣстно почему, былъ впущенъ въ Переяславль Рязанскій безъ сопротивленія; Татары его расположились отчасти въ городѣ, отчасти въ окрестностяхъ. Когда узнали о томъ въ Москвѣ, Василій Темный послалъ на Мустафу воеводъ Василія Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева съ своею дружиною, къ которой присоединился отрядъ Мордвы на лыжахъ. Рязанцы выслали царевича изъ Переяславля, и онъ, кое какъ укрѣпившись на берегу Листани, верстахъ въ десяти отъ города, приготовился къ отчаянной оборонѣ.

Нападеніе произведено было съ двухъ сторонъ· съ одной Московская пѣхота, вооруженная ослопами, топорами и рогатинами; съ другой Мордва и *Рязанскіе козаки* на лыжахъ съ копьями, рогатинами и саблями. Сопротивленіе, оказанное Татарами, достойно было лучшихъ временъ ихъ славы. Цѣпенѣя отъ холода, лишенные возможности бросать свои мѣткія стрѣлы, они защищались рукопашнымъ боемъ, рѣзались крѣпко и несдавались въ плѣнъ; наконецъ, подавленные числомъ, непріятели большею частію были перебиты, и самъ Мустафа палъ въ сѣчѣ со многими мурзами. Гибель храбраго царевича неосталась безъ мести: спустя нѣсколько мѣсяцевъ Татары Золотой Орды воевали Рязанскія украйны.

Далѣе замѣтимъ нападеніе на Рязань Ахмата, царя Большой Орды, въ 1460 г. Онъ осадилъ Переяславль въ Успенскій постъ, и стоялъ подъ городомъ шесть дней; но граждане мужественно отбивали непріятелей. Одинъ изъ ханскихъ военачальниковъ Казатъ Уланъ мурза доброжелательствовалъ Рязанцамъ, вѣроятно подкупленный ими, и Царь, видя неудачу, со стыдомъ ушелъ въ степь, а на мурзу Улана положилъ нелюбье. Потомъ осенью 1468 г. Татары опустошали окрестности Рязани. Граждане погнались за ними и храбро вступили въ бой; но, когда непріятелю удалось подсѣчь у нихъ знамя, они разстроились и обратились въ бѣгство.

Съ 1480 г. вмѣстѣ съ Москвою и Рязань навсегда избавилась отъ ига, которое впрочемъ въ послѣднее время существовало только номинальнымъ образомъ. Золотая Орда послѣ Крымскаго погрома уже не въ состояніи была высылать по прежнему толпы грабителей, и нападенія съ этой стороны повидимому прекратились. Въ слѣдующія 30 лѣтъ о нихъ почти неслыш-

но; Рязанская земля, спокойная внутри и безопасная извнѣ, въ это время наслаждалась отраднымъ отдыхомъ. Только разъ подъ 1493 г. лѣтопись говоритъ о томъ, что приходили Татары ординскіе козаки нечаянно на Рязанскую землю, взяли три села, и скоро ушли назадъ. Опасность съ юговостока миновалась; за то въ началѣ XVI в. еще болѣе усилилась опасность съ юга. Пока былъ живъ Иванъ III и неизмѣнный союзникъ его Менгли-Гирей сдерживалъ безпокойную Орду, Крымскіе Татары оставляли въ покоѣ Русскіе предѣлы; но въ княженіе Василія Ивановича начинаются ихъ опустошительные набѣги на наши южныя украйны. Такъ въ іюнѣ 1513 г. царевичь Бурнашъ Гирей, сынъ Менгли, подступалъ къ Рязани, взялъ острогъ, но отъ города былъ отбитъ и ушелъ прочь. [222]

Преемникъ Ивана III началъ господствовать въ Рязанской области также, какъ его отецъ; владѣя удѣломъ Θедора Васильевича, онъ именовалъ себя между прочими титулами и княземъ Рязанскимъ. Агриппина по прежнему была вѣрною исполнительницею приказаній, получаемыхъ изъ Москвы. Но такой порядокъ вещей немогъ держаться долгое время. Василій ждалъ только повода для того, чтобы дѣло могло имѣть видъ справедливости, и обстоятельства незамедлили помочь ему въ этомъ случаѣ.

Борьба боярскихъ партій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Рязани, при княжескомъ дворѣ, какъ и въ другихъ великихъ удѣлахъ, въ продолженіе XV вѣка шла глухая борьба между приверженцами Московскаго вліянія и его противниками. Послѣднихъ мы небудемъ называть патріотами, потому

[222] Ник. IV. 312. V. 36, 55, 123, 128, 157, 192, 194, 279. VI. 137. 193. Арх. 132.

что ихъ стремленія и симпатіи опредѣлялись болѣе всего личными интересами; честныхъ патріотовъ между Рязанскими боярами вѣроятно было немного. Во второе десятилѣтіе XVI в. борьба партій оживилась. Между тѣмъ какъ великая княгиня Агриппина, окруженная многочисленными сторонниками Москвы, безпрекословно подчинялась Василію, партія собственно Рязанская собралась вокругъ молодаго князя. Когда Иванъ Ивановичъ достигъ юношескаго возраста, онъ могъ возбудить на нѣкоторое время надежды Рязанской партіи, потому что характеромъ своимъ непоходилъ на кроткихъ, уступчивыхъ предшественниковъ. Прежде всего надобно было устранить опеку Агриппины, которая все еще нехотѣла разстаться съ властію и связывала руки своему двадцатилѣтнему сыну. Совѣтники молодаго князя, напоминая ему о прежнихъ временахъ славы и независимости, указывали на Крымъ и Литву, при помощи которыхъ еще возможна была борьба съ Москвою. Иванъ дѣйствительно сзывалъ Татаръ и силою отнялъ власть у своей матери. Намъ неизвѣстны подробности перемѣны, на которую встрѣчаемъ только намекъ у Герберштейна. Можетъ быть не безъ связи съ этимъ событіемъ произошло и нападеніе Крымскаго царевича Богатыря на Рязанскую украйну въ 1516 г. Незнаемъ, какъ оправдался Иванъ Ивановичъ передъ великимъ княземъ Московскимъ; видимъ только, что наружнымъ образомъ онъ изъявляетъ покорность Василію, стараясь скрыть свои дальнѣйшіе замыслы, и еще нѣсколько лѣтъ безпрепятственно удерживаетъ за собою великое княженіе Рязанское. Но онъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ въ политическихъ интригахъ: совѣтники его небыли дальновиднѣе своего князя, если воображали перехитрить старыхъ учителей Московскихъ.

Во главѣ приверженцевъ молодаго князя стояли слѣдующія фамиліи Рязанскихъ боярь; Кобяковы, Сунбуловы, Коробьины, Глѣбовы, Олтуфьевы и Калемины. Кобяковы, судя по названію, принадлежали къ потомству Половецкихъ хановъ, и уже съ незапамятныхъ временъ находились въ службѣ Рязанскихъ князей. Изъ этой фамиліи въ описываемую эпоху выступаютъ на сцену четыре имени: братья Михаилъ и Григорій, и родственникъ ихъ Клементій съ сыномъ Гридею; первый, т. е. Михаилъ, въ 1518 г. былъ пожалованъ Ростиславскимъ намѣстничествомъ. Наибольшую преданность Ивану Ивановичу въ послѣднія времена княжества, на ряду съ Кобяковыми, показала многочисленная семья Сунбуловыхъ. Предокъ ихъ, какъ уже извѣстно былъ бояринъ Семенъ Өедоровичъ по прозванію Кобыла вислый, который выѣхалъ изъ Литвы сначала въ Москву къ Василію Дмитріевичу; а отъ него перешелъ на службу къ Олегу Ивановичу Рязанскому. Сынъ его Семенъ изъ Рязани отъѣхалъ къ Василію Темному, а внукъ Яковъ возвратился на Рязань къ Өедору Ольговичу, и здѣсь этотъ родъ утвердился окончательно. Дѣти Якова: Иванъ Тутыга, Сидоръ, Юрій и Полуектъ, были вѣрными слугами Ивана Өедоровича. Старшій сынъ Ивана Тутыги Өедоръ, по прозванію Сунбулъ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Сунбуловыхъ. По нѣкоторымъ признакамъ видно, что бояринъ Өедоръ Ивановичъ Сунбулъ игралъ главную роль при дворѣ Ивана Ивановича и былъ его довѣреннымъ совѣтникомъ. [223] Можетъ быть, Иванъ Ивановичъ до тѣхъ поръ

---

[223] Списки съ двухъ грамотъ, жалованныхъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, отысканные нами въ Ряз. Архивѣ Д. Д. С.: одна дана Михаилу Дмитріевичу Кобякову въ 1518 г. на

именно и держался на своемъ столѣ пока былъ живъ старикъ Сунбулъ. Послѣдній умеръ, какъ надобно полагать, около 1520 г., потому что въ этомъ году довѣренностію Рязанскаго князя пользовался уже другой бояринъ; а изъ Сунбуловыхъ при послѣднемъ переворотѣ упоминаются только сыновья Θедора Ивановича, Θедоръ и Димитрій. Коробьины принадлежали къ тѣмъ боярскимъ фамиліямъ, которыя вели свой родъ отъ татарскихъ мурзъ и которыхъ особенно было много на Рязани. Къ великому князю Рязанскому Θедору Ольговичу выѣхалъ изъ Большой Орды татаринъ Кичибей; названный въ крещеніи Василіемъ, онъ вступилъ въ число Рязанскихъ бояръ. У него были сыновья Иванъ, по прозванью Карабья, и Селиванъ; отъ перваго пошли Коробьины, отъ втораго Селивановы. Въ началѣ XVI в. фамилія Коробьиныхъ на нѣкоторое время разъединилась въ лицѣ сыновей Ивана Карабьи: старшій братъ Иванъ Ивановичь перешелъ на службу Василія Московскаго [224], а второй братъ Семенъ Ивановичь оставался еще при дворѣ Ивана Рязанскаго, и съумѣлъ пріобрѣсти довѣренность молодаго князя, но только для того, чтобы измѣнить ему при первомъ удобномъ случаѣ.—

Ростиславское намѣстничество; другая Григорію Димитріевичу Кобякову въ 1519 г. на деревню Моладинки. Въ обѣихъ находится слѣдующая приписка: «А пожаловалъ еси, ми его бояриномъ своимъ Федоромъ Ивановичемъ Сунбуломъ» Тамъ же найдены извѣстія о боярскомъ родѣ Сунбуловыхъ.

[224] Такъ въ 1509 г. великій князь даетъ ему волость Растовецъ въ кормленіо. Изъ родосл. Коробьиныхъ въ Ряз. Арх. Д. Д. С.

Источники умалчиваютъ объ участіи остальныхъ боярскихъ родовъ въ послѣднихъ событіяхъ Рязанскаго княжества; нѣтъ сомнѣнія, что большая часть ихъ или принадлежала къ приверженцамъ Московскаго владычества, или была равнодушна къ замысламъ своего князя. Сюда надобно отнести фамиліи: Вердеревскихъ, Селивановыхъ, Измайловыхъ, Кореевыхъ, Сидоровыхъ, Казначеевыхъ, Замятниныхъ и другихъ.

Василію донесли изъ Рязани Московскіе доброхоты что Рязанскій князь ведетъ тайные переговоры съ Магметъ-Гироемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать его въ Москву. Иванъ былъ въ затруднительномъ положеніи и не зналъ на что рѣшиться: съ одной стороны въ Москвѣ грозила ему неволя; съ другой время открытой борьбы еще не наступило и помощь была далека. Между тѣмъ какъ онъ колебался такимъ образомъ, Московскій князь употребилъ обыкновенное въ то время средство для достиженія своей цѣли: онъ подкупилъ Семена Коробьина, самаго довѣреннаго изъ совѣтниковъ Ивановыхъ. [225]

---

[225] У Герберштейна, на 48 стр.: «tandem a Simeone Crubin, uno ex consiliaris suis persuasus, in Moscoviam proficiscitur.» Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь Крубинъ есть испорченное Коробьинъ. Фамиліи Крубиныхъ никогда неслыхали въ Рязани; иностранный же писатель очень легко могъ ослышаться и принять Коробьина за Крубина. Наша догадка подтверждается тѣмъ, что въ числѣ Рязанскихъ бояръ того времени мы дѣйствительно находимъ Симеона Коробьина (Родосл. Короб. Арх. Д. Д. С.), которому Василій Московскій въ 1523 году даетъ жалованную граммату на Рязанскія вотчины (ibid.); очень можетъ быть, что эта милость находи-

Коробьинъ уговорилъ своего князя исполнить желаніе Василія, вѣроятно внушая ему ту мысль, что доказательствами своей покорности онъ можетъ выиграть время и пока устранить отъ себя грозившую опасность. Чего надобно было ожидать, то и случилось. Едва Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Москву, какъ его посадили подъ стражу; Агриппину заключили въ монастырь; а на Рязанскіе города были разосланы Московскіе намѣстники. Главный постъ, т. е. Переяславль Рязанскій, былъ порученъ знаменитому Ивану Васильевичу Хабару, который до того времени держалъ намѣстничество въ Перевитскѣ и слѣдовательно былъ уже хорошо знакомъ съ Рязанскимъ краемъ и его населеніемъ. Этотъ рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Рязанской области произошелъ около 1520 г. [226])

Плѣнъ Ивана Рязанскаго.

лась въ связи съ услугою, которую Коробьинъ (Крубинъ) оказалъ Москвѣ въ 1520 г.

[226] До сихъ поръ Русскіе историки относили это событіе къ 1517 г., основываясь на показаніи Архангельскаго лѣтописца; другихъ хронологическихъ указаній почти небыло. Мы относимъ его къ 1520 г. по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, изъ двухъ найденныхъ нами грамотъ на имя Кобяковыхъ послѣдняя относится къ 1519 г., слѣдовательно въ этомъ году князь Иванъ продолжалъ еще занимать Рязанскій столъ; далѣе, Иванъ Васильевичъ Хабаръ въ маѣ 1520 г. встрѣчается въ должности Перевитскаго намѣстника, а въ іюлѣ слѣдующаго года мы находимъ его воеводою въ Переяславлѣ, слѣдовательно взятіе подъ стражу князя Ивана совершилось между маемъ 1520 и іюлемъ 1521 года. Самое нашествіе Магметъ-Гирея въ 1521 г., вѣроятно, кромѣ Казанскихъ дѣлъ имѣло связь и съ Рязанскимъ переворотомъ:

Послѣднія событія вполнѣ раскрываютъ передъ нами несостоятельность великихъ Русскихъ удѣловъ въ то время и ихъ непреодолимую силу тяготѣнія къ Москвѣ. Даже союзъ съ такими сильными сосѣдями, какъ Польскій король и Крымскій ханъ, не могъ уравновѣсить борьбы Ивана Рязанскаго съ Василіемъ Московскимъ. Стѣсненному въ своихъ предѣлахъ и охваченному со всѣхъ сторонъ Московскими владѣніями, Рязанскому княжеству оставался толко одинъ исходъ, окончательное подчиненіе Москвѣ: набѣги Крымцевъ могли только разорять, а неотнимать Русскія области, отдѣленныя отъ Крыма обширными степями; а великій князь Литовскій уже давно былъ отрѣзанъ отъ средней Оки цѣлымъ рядомъ мелкихъ княжествъ, подчиненныхъ Москвѣ.

1521 годъ особенно памятенъ въ исторіи Крымскихъ набѣговъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Магметь-Гирей приближался къ Москвѣ. Въ городѣ за отсутствіемъ великаго князя господствовали страшный безпорядокъ и суматоха. Этою-то суматохою воспользовался Рязанскій князь. Можетъ быть заключеніе его не было строгое или стаража была подкуплена, только онъ вошелъ въ сношенія съ молодыми Рязанскими боярами, которые вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ были задержаны въ Москвѣ. Изъ нихъ извѣстны намъ Дмитрій Сунбуловъ и Гридя Кобяковъ. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Иванъ Ивановичь ускользнулъ изъ Москвы, и окольными путями началъ пробираться къ Переяславлю, надѣясь опять завладѣть своимъ княжествомъ съ помощью Магмета. Но прежде нежели начать переговоры съ

Бѣгство Ивана изъ Москвы.

оно случилось вслѣдъ за присоединеніемъ княжества къ Москвѣ.

ханомъ, онъ хотѣлъ приготовить движеніе въ свою пользу со стороны самаго населенія и войти въ сношеніе съ приверженною ему партіею Рязанскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Для этой цѣли при выѣздѣ изъ Москвы онъ отрядилъ изъ своей свиты Димитрія Сунбулова съ какимъ-то Наскою, вѣроятно боярскимъ сыномъ, вручивъ имъ грамоты къ своимъ сторонникамъ на Рязани.

Извѣстно, что энергическія мѣры, принятыя воеводою Хабаромъ Симскимъ, спасли городъ Переяславль отъ Татаръ и помѣшали доброжелателямъ бѣглаго князя подать ему помощь. Когда ханъ прошелъ мимо Рязани по дорогѣ къ Коломнѣ, Хабаръ собралъ бояръ и дѣтей боярскихъ къ владыкѣ Сергію, и заставилъ ихъ цѣловать крестъ на томъ, чтобы вѣрно служить великому князю и биться съ Татарами безъ измѣны. Когда Магметъ повернулъ отъ Москвы назадъ и распространилась вѣсть, что князь Иванъ убѣжалъ изъ неволи, Хабаръ въ другой разъ началъ собирать служилыхъ людей къ владыкѣ, и велѣлъ имъ поклясться въ томъ, что если вмѣстѣ съ ханомъ придетъ подъ городъ Рязанскій князь, то биться противъ нихъ изъ города, неназывать себѣ государемъ князя Ивана, и, буде можно, поймать бѣглеца.

Рязанскія дѣла.

Татары нѣсколько дней простояли подъ стѣнами Переяславля Рязанскаго, и ушли домой, испуганные дѣйствіемъ крѣпостной артиллеріи.[387] Между тѣмъ Сунбу-

---

[387] Извѣстный разсказъ о грамотѣ, оставленной Татарами въ рукахъ Хабара Симскаго, и объ удивительномъ выстрѣлѣ нѣмца Іордана требуетъ еще подтвержденія относительно своихъ подробностей. См. Арханг. кн. IV. прим. 658.

ловъ и Наска были схвачены Московскими воеводами и отправлены въ Москву, гдѣ по распоряженію Василія допрашивалъ ихъ съ пытки князь Юрій Хохолковъ съ товарищами. Сунбуловъ указалъ на тѣхъ людей, къ которымъ онъ былъ посланъ съ грамотами; самыя же грамоты, по словамъ Сунбулова, были отняты у него Татарами, которые нагнали посланныхъ верстахъ въ 10 или 15 отъ Москвы на Боровской дорогѣ; послѣднимъ удалось однако бѣжать отъ Татаръ въ Коломну, гдѣ они и были открыты. Позвали къ отвѣту Кобяковыхъ Михаила (Мишура) и Клементія, Өедора Сунбулова, Глѣбовыхъ Назарія и Ивана Бебеха, Ивана и Андрея Олтуфьевыхъ; но всѣ они заперлись, и стояли на томъ, что неимѣли никакихъ сношеній ни съ Димитріемъ Сунбуловымъ, ни съ самимъ княземъ Иваномъ. Въ тоже время князь Борисъ Горбатый прислалъ изъ Коломны въ Москву Григорія и Тихона Калеминыхъ, которые также были обвинены въ сношеніяхъ съ бѣглецомъ. На вопросы князя Юрія и товарищей Калемины отвѣчали такимъ образомъ: «Сидѣли мы въ городѣ Рязани въ осадѣ, а за рѣку (Оку) отпустили своихъ людей и скотъ, и мы господинъ, поѣхали было *пособраться*, какъ тутъ князь Борисъ велѣлъ насъ поймать и послалъ въ Москву; а объ Рязанскомъ князѣ ничего незнаемъ и намъ отъ него не было никакого приказа.» Димитрій Сунбуловъ подтвердилъ, что къ Калеминымъ онъ не имѣлъ никакого порученія. 31-го августа Сунбулова снова подвергли пыткѣ, и на этотъ разъ узнали отъ него слѣдующее: грамматы, захваченныя Татарами, писалъ Гридя, сынъ Клементія Кобякова, къ своему отцу и къ Михаилу Кобякову; по этимъ граматамъ они должны были выслать на встрѣчу князю конюховъ съ конями; кромѣ того, Сунбуловъ на словахъ долженъ былъ

передать своему брату, Кобяковымъ, Глѣбовымъ и Олтуфьевымъ, чтобы они выѣхали потихоньку изъ города и дожидались бы князя въ Пустынѣ, Шумашѣ или Дубровичахъ (подгородныя села на лѣвомъ берегу Оки); отсюда Иванъ хотѣлъ ссылаться съ Ханомъ, а въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Литву, для чего и наказывалъ приготовить свѣжихъ коней и собрать дружину изъ дѣтей боярскихъ. «А теперь—прибавлялъ Сунбуловъ,—вѣроятно князь Иванъ находится въ Пустынѣ, Шумашѣ или Дубровичахъ, и, если бы государь послалъ меня съ кѣмъ нибудь, то я думаю, что отыщу его, если только онъ не убитъ Татарами.»— Дальнѣйшій ходъ этого розыска неизвѣстенъ [228].

Не смотря на упорное запирательство обвиненныхъ мы можемъ однако предполагать, что князь Иванъ нѣкоторое время дѣйствительно скрывался въ окрестностяхъ Переяславля (преданіе указываетъ на село Шумашь, принадлежащее роду Кобяковыхъ) и вступилъ въ сношенія съ преданными ему людьми; но, видя неудачу, онъ ускакалъ въ Литву и воспользовался гостепріимствомъ короля Сигизмунда I.

Магметъ Гирей очень жалѣлъ, что упустилъ изъ своихъ рукъ человѣка, которымъ онъ могъ бы время отъ времени пугать Москву и заводить смуты въ Рязанской области. Поэтому Ханъ въ слѣдующемъ году отправилъ

---

[228] Отрывокъ изъ Розыскнаго дѣла о бѣгствѣ изъ Москвы Рязанскаго князя Іоанна Іоанновича. Акты Ист. I. № 127. Въ Москвѣ, послѣ тщетныхъ поисковъ, нѣкоторое время кажется, вѣрили, что князь Иванъ убитъ Татарами; источники называютъ даже то мѣсто, гдѣ онъ погибъ, именно подъ Бронницами (Ряз. Дост.).

посольство къ Сигизмунду, и требовалъ, чтобы Король отпустилъ Ивана съ Крымскими послами, обѣщаясь возвратить ему Рязанское княжество. Вотъ что писалъ на это Хану Сигизмундъ: «Великій князь Рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной грамотѣ, въ которой мы обѣщали ему, что онъ можетъ свободно къ намъ пріѣхать, свободно и уѣхать, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобы онъ ѣхалъ къ тебѣ и отъ твоего имени обѣщали ему, что ты посадишь его на Великомъ Княжествѣ Рязанскомъ; но онъ никакъ нехотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ призывали его къ себѣ въ другой разъ, и говорили, что ты добудешь ему отчизну по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратить себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то одинъ пріобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, и узнаютъ о томъ его подданные Рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами тебѣ поддадутся со всею землею; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а черезъ его землю можешь и того общаго нашего непріятеля (Московскаго) принудить къ такой же дани, какую предки его платили твоимъ предкамъ. Наконецъ мы уговорили Рязанскаго князя: онъ пришелъ къ намъ и объявилъ, что готовъ ѣхать къ тебѣ; но съ условіемъ, чтобы ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани непосадишь, то долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой получишь обратно. Подумай объ этомъ хорошенько, и на что рѣшишся, дай намъ знать безъ замедленія.» * Неизвѣстно, каковъ былъ отвѣтъ Хана;

* Акты Зап. Р. II. № 116.

видно только, что ему неудалось никакими обѣщаніями заманить къ себѣ Ивана Ивановича.

Дѣло о побѣгѣ князя и письмо Сигизмунда заставляютъ догадываться, что введеніе новаго порядка вещей въ Рязанской области не обошлось безъ нѣкотораго глухаго волненія, что значительная часть населенія еще не скрывала своей симпатіи къ старинному роду собственныхъ князей. Отсюда понятно, почему Московское правительство, присоединяя новую землю, повторило тѣ же мѣры, какія оно употребило прежде въ отношеніи къ Новгороду и Пскову: большое число жителей съ семействами переселено было изъ Рязани въ другія области. [229]

Послѣднія вѣсти о Рязанскомъ князѣ.

Неисчерпаемая Литовская Метрика даетъ намъ возможность бросить взглядъ на дальнѣйшую судьбу послѣдняго Рязанскаго князя.

Иванъ Ивановичъ живетъ въ мѣстечкѣ Стоклишкахъ (въ Ковенскомъ повѣтѣ Трокскаго воеводства), которое съ принадлежавшими къ нему селами находилось въ числѣ казенныхъ староствъ и было отдано Ивану Сигизмундомъ I въ пожизненное владѣніе. Раннія несчастія и пребываніе на чужой сторонѣ не сдѣлали его серьезнѣе; онъ по прежнему гордъ, легкомысленъ и строптивъ. Рязанскій князь оставилъ попытки возвратить себѣ древнюю отчину; онъ повидимому доволенъ своею судьбою и легко усвоилъ многія привычки Польско-Литовскихъ магнатовъ: носитъ атласъ, шитый золотомъ, и дорогіе перстни, неплатитъ долговъ; держитъ большое количество бояръ и слугъ, которыхъ награждаетъ казенными землями безъ королевскаго разрѣшенія, и

---

[229] Гербершт., 48 стр.

въ добавокъ позволяетъ имъ грабить сосѣдей. Но обратимся къ самымъ источникамъ.[230]

1533 годъ. Панъ воевода требуетъ отъ Ивана Ивановича, чтобы онъ прислалъ на судъ Стоклишскихъ бояръ, обвиненныхъ въ побояхъ и грабежѣ Шимко Лаврыновичемъ съ братьями; но Рязанскій князь неисполнилъ требованія и своихъ людей къ суду непредставилъ.

Почти въ тоже время Берестійскій жидъ Авраамъ приноситъ жалобу на Рязанскаго князя за то, что онъ бралъ у его отца разные товары и остался долженъ 118 копъ грошей,[231] отъ уплаты которыхъ теперь отказывается. Въ доказательство Авраамъ представилъ долговую грамоту, выдѣленную его отцу Михелю Езофовичу самимъ Рязанскимъ княземъ. По приказанію Сигизмунда дѣло разсматриваетъ Витебскій воевода Матѳей Яновичь и призываетъ къ отвѣту должника.

Князь: Дѣйствительно я бралъ у жида Михеля товары, именно атласу синяго на золотѣ 16 локтей, зеленаго атласу на золотѣ 22 локтя, парьпурьяну 9 локтей, перстеней на 9 копъ, и уплатилъ за нихъ 80 копъ грошей воскомъ, деньгами и конями. На грамотѣ же, которую представилъ жидъ, не моя собственная печать, а печать моего слуги; но такъ какъ въ ней написано мое имя, то пусть Аврамко присягнетъ на томъ, что я недоплатилъ его отцу, и я ему заплачу.

---

[230] Три листа изъ Литвоской метрики, до сихъ поръ еще неизданные и сообщенные преосвященнымъ архіепископомъ Рязанскимъ Гавріиломъ, о чемъ вмѣстѣ съ содержаніемъ означенныхъ листовъ мы уже имѣли случай извѣстить читающую публику въ № 6. Моск. Вѣд. 1858 г.

[231] Копа грошей по опредѣленію статута содержала въ себѣ 60 грошей или 15 злотыхъ; а 1 злотый равнялся 60 рус.

Аврамко. Ты князь Рязанскій при многихъ добрыхъ людяхъ, радникахъ и дворянахъ королевскихъ самъ добровольно неодинъ разъ сознавался, что долженъ моему отцу 118 копъ грошей и заплатишь мнѣ по этому листу.

Воевода спросилъ князя, при комъ и когда онъ заплатилъ 80 копъ грошей Михелю и имѣетъ ли отъ него квитанцію.

Князь. Былъ у меня слуга, черезъ котораго я заплатилъ ему тѣ 80 копъ; но этотъ слуга послѣ оставилъ меня и служилъ пану Евстафію Дашковичу, а потомъ попался въ плѣнъ къ Татарамъ; когда же именно происходила уплата, я теперь немогу припомнить; а квитанціи на то у себя неимѣю.

Воевода передалъ королю рѣчи той и другой стороны. Король сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: если князь Рязанскій подтверждаетъ, что онъ бралъ у Михеля атласы, сукна, перстни, и говоритъ, что заплатилъ ему 80 копъ грошей, а квитанціи у себя неимѣетъ, времени уплаты непомнитъ; слуги, который производилъ уплату, намъ непредставилъ, то пусть Аврамко присягнетъ по своему жидовскому закому на основаніи привилегій, написанныхъ въ Статутѣ, и тогда Рязанскій князь пусть заплатитъ ему долгъ. Срокъ для присяги полагаемъ четвертый день: въ понедѣльникъ на канунѣ св. Мартина въ жидовской школѣ (синогогѣ), въ Трокахъ, Аврамко дастъ клятву въ томъ, что Рязанскій князь остался долженъ его отцу Михелю 118 копъ и ничего незаплатилъ по своей грамотѣ. Посылаемъ нашего дворянина Ивана Бокея для того, что бы онъ засвидѣтельствовалъ присягу.

копѣйкамъ; слѣдовательно 118 копъ на русскія деньги составляли 1062 руб.

Въ назначенный день Аврамко явился въ синагогу, записалъ свое показаніе у жидовскаго доктора (раввина) и въ земской радѣ, и ждалъ талько Рязанскаго князя, что бы произнести присягу. Но тотъ непріѣхалъ. Уже передъ вечеромъ, уѣзжая изъ Трокъ, жидъ съ товарищами повстрѣчалъ княжескаго слугу, котораго Иванъ Ивановичъ послалъ вмѣсто себя слушать присягу.

Сигизмундъ рѣшилъ дѣло ва пользу жида и приговорилъ Ивана Ивановича къ уплатѣ 118 копъ грошей въ разные сроки, именно 100 копъ должны быть отданы въ продолженіе 12 недѣль, считая отъ св. Мартина; а остальныя 18 послѣ того въ 4 недѣли, т. е. всего сроку было 16 недѣлъ, опредѣленныхъ Статутомъ. [232]

1560 годъ. Стоклишскій бояринъ Андрей Степановичъ Ольшевскій бьетъ челомъ Сигизмунду II Августу, что бы неприказывалъ отбирать у него людей и земли, пожалованныя покойнымъ Рязанскимъ княземъ своему слугѣ, а его отцу Степану Крукову. Хотя Рязанскій князь неимѣлъ права безъ воли и вѣдома короля раздавать кому либо казенныя земли; но что бы незаставить Ольшевскаго просить милостыню (жебреть), Государь сжалился (улитовавшысе) надъ своимъ подданнымъ, и оставилъ за нимъ тѣ земли съ одною службою людей. [233]

Болѣе извѣстій о послѣднемъ Рязанскомъ князѣ мы пока неимѣемъ. Остается только прибавитъ, что князь Иванъ, подобно отцу и дѣду, былъ недолговѣченъ: смерть его мы относимъ приблизительно къ 1534 году. [234]

---

[232] Кн. Судн. дѣлъ. VI. лл. 137 и 143.

[233] Кн. Записей. XXXVIII. № 257.

[234] Доказательства на это слѣдующія:

Въ IX томѣ Исторіи Литовы издап. Нарбутомъ, подъ 1534 г. упоминается, что король Сигизмундъ I пожаловалъ Стоклишскій

лишки князю Семену Өедоровичу Бѣльскому, бѣжавшему изъ Москвы.

Въ 1537 г. Семенъ Бѣльскій проситъ у Сигизмунда помощи, что бы возвратить себѣ отчину нетолько княжество Бѣльское, но и Рязанское (Акты Зап. Рос. II № 189), конечно на томъ основаніи, что будучи по матери внукомъ Вел. князя Рязанскаго Василія Ивановича Третьяго и Княгини Анны Васильевны, онъ почиталъ себя наслѣдникомъ Рязанскихъ князей по пресѣченіи мужеской линіи.

Слѣдовательно, князя Ивана Ивановича въ то время уже не было въ живыхъ.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ КНЯЖЕСТВА ВЪ КОНЦѢ XV И НАЧАЛѢ XVI ВВ.

А. *Географическое обозрѣніе*: Границы Княжества. Воображаемое путешествіе по Окѣ. Села и города. Область монастырей. Переяславль Рязанскій. Старая Рязань и другія мѣста по Окѣ. Берега Прони. Отношеніе княжеской колонизаціи къ остаткамъ городовъ. Область верхняго Дона. Извѣстія иностранцевъ о Рязанскомъ краѣ. Богатство естественныхъ произведеній.

Распространеніе Славянской колонизаціи на Рязанской украйнѣ, задержанное на время Монгольскимъ нашествіемъ, съ новою силою возобновилось въ XIV ст. Холмистые берега Оки продолжали застроиваться непрерывнымъ рядомъ городовъ и селъ, которые живописно кутались въ темнозеленыя рощи и придавали хотя немного однообразный, но привѣтливый и улыбающійся видъ окрестностямъ Окской долины.

Самое большое скопленіе городовъ въ мѣстахъ, когда либо принадлежавшихъ къ Рязанской области, существовало въ той части долины, которая лежитъ между устьями Протвы и Москвы; здѣсь сходились два

противуположныя направленія колонизаціи: одно Черниговосѣверское внизъ, а другое Рязанское вверхъ по Окѣ; съ XIV вѣка сюда присоединилось еще третье Московское. На этомъ небольшомъ пространствѣ источники до XIV в. упоминаютъ 16 именъ. До Монгольской эпохи извѣстны: Лобынскъ, Неринскъ, Тѣшиловъ, Колтескъ, Ростиславль и Коломна; послѣ нея: Серпуховъ, Кашира, Лопасна, Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь, Поченъ и Новый городокъ. Но положеніе послѣднихъ мѣстъ, за исключеніемъ Серпухова и Каширы, остается для насъ пока неизвѣстнымъ. Изъ договорныхъ грамотъ между Москвою и Рязанью знаемъ только, что Новый городокъ лежалъ на лѣвой сторонѣ рѣки, а Жадемль, Жадѣне городище, Дубокъ и Бродничь на правой; относительно двухъ другихъ затрудненіе: Поченъ упоминается и на правой, и на лѣвой сторонѣ; а Лопасна, которую естественнѣе всего искать гдѣ нибудь на берегу рѣчки Лопасны, судя по смыслу грамотъ, лежала на Рязанской сторонѣ Оки. Впрочемъ большая часть этихъ загадочныхъ мѣстъ едва ли заслуживала названія городовъ; вѣроятно это были значительныя селенія; покрайней мѣрѣ отъ нихъ неосталось ни какихъ ясныхъ слѣдовъ.

Начиная географическій обзоръ Рязанской области, прежде всего постараемся хотя приблизительно очертить предѣлы Княжества въ послѣднее время его самостоятельности, т. е. послѣ смерти Василія Ивановича.

Границы Княжества.

Сѣверная граница, называвшаяся Владимірскимъ порубежьемъ, по характеру своей природы, по отсутствію городовъ и селеній, никогда не была строго опредѣлена; приблизительно ее можно провести по верховьямъ трехъ притоковъ Оки съ лѣвой стороны: Гуся, Пры и Цны и потомъ вверхъ по Окѣ до устья Смядвы. За-

падная граница довольно подробно была опредѣлена договоромъ 1483 г: она шла по Смядвѣ до устья Песоченки, Песоченкою до ея верховья, отсюда къ Осетру на устье рѣчки Кудесны, отъ ея верховья Кудесны къ Табаламъ, впадающимъ въ Донъ; далѣе по правому берегу Дона, и оканчивалась гдѣ нибудь около устьевъ Быстрой .Сосны или Воронежа. Восточною границею можно считать рѣку Гусь и лѣвый берегъ Оки до рѣчки Середней; отсюда шелъ такъ называемый Мещерскій рубежъ къ среднему теченію Цны, впадающей въ Мокшу; далѣе, судя по смыслу договорной грамоты 1496 г., мѣста по Воронежу составляли крайнія Рязанскія владѣнія на юговостокѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что весь древній Червленый Яръ въ то время все еще принадлежалъ къ Рязанскому княжеству.

Посмотримъ теперь на то, что заключалось внутри очерченныхъ предѣловъ. Начнемъ съ главнаго, т. е. съ береговъ Оки. Крайнимъ пунктомъ собственно Рязанскаго берега мы считаемъ по прежнему окрестности Ростиславля, который постоянно принадлежалъ потомкамъ своего основателя; всѣ другія мѣста, лежавшія далѣе вверхъ по Окѣ только эпизодически входятъ въ составъ Рязанской территоріи. Поэтому возмемъ Ростиславль за исходный пунктъ нашего обозрѣнія; сядемъ здѣсь въ лодку и спустимся внизъ по теченію. Путешествіе совершается въ началѣ XVI ст.; удѣлъ Ѳеодора Васильевича Третнаго уже присоединенъ къ Москвѣ; но мы при описаніи мѣстностей небудемъ отдѣлять его отъ коренныхъ Рязанскихъ областей.

Путешествіе по Окѣ.

Мимо насъ промелькнуло нѣсколько деревень, и на устьѣ Осетра показались валы небольшаго город-

ка; если не ошибаемся, онъ носитъ тоже имя. [235] Лѣвый берегъ Оки въ этихъ мѣстахъ гораздо населеннѣе праваго и на немъ было замѣтно болѣе жизни. Когда мы приблизились къ устью Москвы; то на лѣво, за песчанымъ отлогимъ берегомъ, можно было различить вдали башни Коломны, нѣкогда Рязанской колоніи, которая уже два столѣтія считалась однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ и зажиточныхъ городовъ Московскаго княжества. При впаденіи Москвы въ Оку стоитъ Голутвинъ монастырь, основанный по преданію св. Сергіемъ на обратномъ пути изъ Рязани въ 1385 г. Миновавъ еще нѣсколько небольшихъ деревень, мы достигли устьевъ рѣки Цны, которая уже съ давнихъ временъ отдѣляетъ Рязанскія земли отъ Московскихъ, лежащія на лѣвой сторонѣ Оки. На право мы оставили за собою село Городецъ съ остатками древнихъ укрѣпленій; на лѣво раскинулось довольно большое село Дѣдиново; послѣднее лежитъ въ углу, который образуется впаденіемъ праваго рукава Цны въ Оку, и составляетъ крайній пунктъ Московскихъ владѣній въ этой сторонѣ. При впаденіи другаго рукава стоитъ Любуцкъ (нынѣ Любуцы), первое Рязанское селеніе на лѣвомъ берегу Оки. [236]

---

[235] «Близъ самаго села Городни, на большей дорогѣ отъ Коломны къ Зарайску въ 18 верстахъ отъ первой и въ 22 отъ втораго находится городокъ при протокѣ Чисторо́ѣ, текущемъ въ Осетръ, обрытый валомъ и имѣющій одинъ только входъ съ востока. Старожилы помнятъ еще на семъ мѣстѣ столбы отъ воротъ, проводившихъ въ укрѣпленіе.» Письма Калайдовича объ археол. изслѣд. въ Ряз. губ. 49. Также см. Изслѣд. и лекц. Погод. IV, 224.

[236] На существованіе селъ Городца, Дѣдинова и Любуцка въ тѣ времена указываетъ одна розъѣзжая грамота конца

За тѣмъ, обогнувши довольно значительную луку, мы прошли мимо села Ловецъ, и, сдѣлавши верстъ пять, вступили въ другую подобную луку, которая изгибается между большимъ селомъ Омутъ [237] и городомъ Певицкомъ. Здѣсь мы остановились на нѣсколько часовъ и поднялись на гору, потому что отсюда очень удобно обозрѣвать окрестности на далекое разстояніе. Перевитскъ стоитъ на высокомъ холмѣ, и по своему положенію представляетъ довольно крѣпкій пунктъ. Площадь крѣпости почти квадратная; восточная сторона опирается на крутой берегъ Оки; а три другія стороны защищены высокимъ валомъ, который съ сѣверной и южной стороны спускается въ глубокія лощины, а съ западной окопанъ рвомъ. Видъ на окрестности довольно живописенъ: Ока синею лентою извивается по широкой долинѣ; это одна изъ самыхъ прихотливыхъ рѣкъ средней Россіи; она нетолько измѣняетъ время отъ времени общее направленіе своего теченія; но и въ подробностяхъ своихъ безпрерывно дѣлаетъ изгибы и по-

---

XV в. Отрывокъ изъ нея помѣщенъ въ Ряз. Дост: «Апрѣля въ 6 день по княже Ѳедорову слову Васильевича бояринъ его Матвѣй Денисьевичь отъѣхалъ землю и луга и болота святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба *Городецкаго* Владыкѣ Протасью отъ княжой земли отъ Дорогумилской противу *Дѣдинова*, отъ Оки рѣки къ Волхову болоту и къ *Любуцкому* рубежу. А на розъѣздѣ были Владычни бояре; а писалъ грамоту княже Ѳедоровъ дьякъ Семенъ Ивановъ сынъ Борановъ.» 1498 годъ.

[237] Теперешнее Бѣлоомутъ. Оно встрѣчается въ 1616 г. въ Приправоч. книгѣ Раз. Уѣзда, (Времен. О. П. и Д. №. 13.) и въ путешествіи Олеарія 1627 года; но безъ сомнѣнія существовало уже гораздо раньше.

вороты; то подбѣгаетъ къ самой подошвѣ праваго берега, то уклоняется на лѣво, и плавно, тихо идетъ посреди зеленыхъ луговъ. Берега также непостоянны, какъ русло: то подходятъ довольно близко другъ къ другу, то расходятся на далекое разстояніе, оставляя мѣсто широкимъ лугамъ, которые доставляютъ населенію отличные сѣнокосы. Характеръ береговъ различенъ: правый постоянно выше лѣваго; онъ представляетъ волнообразную линію; мѣстами крутъ и обрывистъ; холмы его покрыты частымъ кустарникомъ, который ползетъ на верхъ отъ самой подошвы, или поросли высокими тѣнистыми рощами; лѣвый берегъ только изрѣдка поднимается на замѣтную высоту; большею частію онъ отлогъ и неимѣетъ такихъ ясныхъ очертаній, какъ правый, потому что почва его преимущественно состоитъ изъ песку и глины. Около села Омутъ лѣса подходятъ къ лѣвому берегу, и темною сплошною массою застилаютъ его на далекое протяженіе. По различію природы и поселенія на обоихъ берегахъ не одинаковы: на правомъ села и деревни очень часты; на лѣвомъ мало удобныхъ мѣстъ для жительства; по этому села встрѣчаются гораздо рѣже, но за то они значительнѣе по объему.

Верстахъ въ 15 отъ Перевитска мы поравнялись съ селомъ Романовскимъ, которое въ концѣ XV в. принадлежало Великой княгинѣ Аннѣ. Земляныя укрѣпленія все еще придаютъ ему характеръ городка; но онѣ уже неимѣютъ стратегическаго значенія и осѣдаютъ все болѣе и болѣе. Не далеко отъ Романовскаго стоитъ деревня Вакино. [238] Далѣе мы проѣхали нѣсколько

---

[238] Романовское и Вакинѣ упом. въ договор. гр. 1496 г.

селъ, между прочимъ Сельцы на лѣвомъ берегу и Кузминское на правомъ;[239] за тѣмъ достигли устья рѣчки Солотчи и вступили въ область монастырей. При самомъ устьѣ на лѣвомъ берегу Оки стоитъ знаменитый монастырь Солотчинскій, основанный въ концѣ XIV в. Олегомъ Ивановичемъ; здѣсь покоится прахъ Олега и его супруги. Верстахъ въ 2 или 3 къ сѣверу находится обитель Зачатейская, основанная княгинею Ефросиніею; а верстахъ въ пяти къ югу Аграфенина пустынь, которая построена послѣднею Рязанскою княгинею Агриппиною въ 1507 г. На другомъ берегу Оки неподалеку стоитъ монастырь Богословскій, происхожденіе котораго, если вѣрить мѣстному преданію, теряется въ глубокой древности. Монастыри почти совсѣмъ закутались въ лѣсную чащу, такъ что издали едва замѣтны верхушки колоколенъ. Глухія, уединенныя мѣста въ этой сторонѣ издавна служили убѣжищемъ для людей, которые удалялись отъ мірскихъ треволненій. У однаго изъ такихъ пустынножителей, можетъ быть недалеко отъ тестя, окончилъ свою бурную жизнь князь Юрій Святославичь Смоленскій въ 1407 г.[240] На устьѣ Вожи мы замѣтили курганы, поросшіе кустарникомъ; это памятники знаменитой битвы Москвитянъ съ Татарами въ 1378 г. Верстахъ въ трехъ отсюда на берегу рѣчки Быстрицы возвышается опять неизвѣстный городокъ (теперь Малое или Перекальское городище); потомъ промелькнуло нѣсколько деревень, разбросанныхъ по окраинѣ крутаго берега. Мы вошли въ Трубежъ наиболѣе значительный

Область монастырей.

---

[239] Объ нихъ говоритъ Олеарій; Кузьминское у него, кажется, названо Морозовымъ. См. Ряз. Вѣд. 1853 г. №№. 8 и 27.

[240] П. С. Р. Л. VI. 133.

между руковами Оки, миновали устье Павловки и подъѣхали къ самымъ стѣнамъ Переяславля Рязанскаго. Тутъ опять остановимся на нѣкоторое время и постараемся поближе познакомиться съ столицею княжества.

Переяславль Рязанскій.

Переяславль составился изъ двухъ отдѣльныхъ крѣпостей, изъ которыхъ одна удержала за собою преимущественно имя города (кремля), а другая стала называться острогомъ.[241] Обѣ части расположены между рѣчкою Лыбедью и Трубежемъ. Городъ занимаетъ уголъ, образуемый устьемъ Лыбеди (озеро Карасево), и имѣетъ форму прямоугольника; холмъ, на которомъ онъ построенъ, обрытъ со всѣхъ сторонъ и приподнятъ вверхъ посредствомъ насыпи; длинные бока площади имѣютъ 230 сажень, а короткіе 150. Западная сторона защищена валомъ въ 5 сажень вышины и въ 3 ширины; у подошвы его идетъ глубокій ровъ, наполненный водою (озеро Быстрое); три остальныя стороны спускаются отвѣсно въ Трубежъ (сѣверная) и въ Лыбедь; онѣ укрѣплены деревянными стѣнами. По угламъ и между углами возвышается до 12 башень; главныхъ воротъ двое: однѣ, южныя, выходятъ на конную площадь (теперь старый базаръ) и называются Рязанскими;[242] другія обращены на западъ къ острогу и извѣстны подъ име-

---

[241] Объ острогѣ отдѣльно отъ города упоминается подъ 1513 г.; лѣтопись говоритъ, что Бурнашъ Гирей взялъ только острогъ. Въ Рязан. Рожествен. соборѣ надпись на гробницѣ св. Еп. Василія упоминаетъ, что мощи этого святителя перенесены въ 1592 г. изъ *стараго острога* отъ церкви Бориса и Глѣба въ новопостроенную соборную церковь Успѣнія Пресв. Богородицы.

[242] Ряз. Іерар. Воздвиж. 76.

немъ Глѣбовскихъ. [243] Внутри крѣпости замѣчательны слѣдующія постройки: во первыхъ княжескій теремъ — высокое каменное зданіе съ узкими окнами, обращенное фасадомъ къ Трубежу; сзади къ нему примыкаютъ разныя надворныя строенія. Теремъ со всѣхъ сторонъ окруженъ храмами: направо отъ него Духовъ монастырь; [244] на лѣво церковь Успѣнья Богородицы (нынѣ теплый соборный храмъ въ Рязани). Послѣдняя служитъ усыпальницею для преемниковъ Олега; на право стоятъ гробницы: Θедора Ольговича, Ивана Θедоровича, Василія Ивановича, Ивана Васильевича и Θедора Васильевича Третныхъ; а на лѣвой сторонѣ прахъ великихъ княгинь Софьи Дмитріевны и Анны Васильевны; скоро подлѣ нихъ займетъ свое мѣсто гробница Агриппины Θедоровны. Тутъ же стоитъ Архангельскій соборъ, который служитъ домовою церковью для княжеской фамиліи; далѣе, къ серединѣ города, монастырь Спаса Преображенья. [245] На западной сторонѣ на берегу Быстраго озера стоитъ церковь Николы «Стараго зерно» города Переяславля; на восточной сторонѣ на берегу озерв Карасева кладбищенскій храмъ Іоанна Златоуста, построенный по по-

---

[243] Они находились подъ Глѣбовскою башнею, съ которой нѣмецъ Іорданъ произвелъ по Татарамъ въ 1521 г. выстрѣлъ, надѣлавшій столько шуму. Судя по времени, можно подумать, что это тотъ самый кузнецъ Іорданъ, о которомъ Герберштейнъ расказываетъ извѣстный анекдотъ.

[244] Въ 1506 г. В. Княгиня Агриппина дала его игумну Макарію село Затишье съ деревнями Дурколовымъ и Спаскимъ клиномъ Утѣшенскимъ. Ряз. Дост.

[245] Ему князь Θедоръ Васильевичь пожаловалъ село Гаврилóвское. Ibid.

велѣнію Ивана Васильевича Третнаго въ 1485 г. Благодаря княжеской грамматѣ, жалованной священнику Златоустосвкой церкви, мы имѣемъ нѣкоторыяу казанія на сосѣднюю часть города въ концѣ XV в. «Около храма съ трехъ сторонъ на кладбище (отмѣрено) по пяти саженъ, а отъ улицы ко храму три сажени, а по лѣвую сторону того храма Карасево, а по другую сторону проѣзжая улица, да на той же улицѣ по конецъ ряду стоитъ богадѣльня, а ширина тое улицы три сажени; да къ тому жъ храму дано подъ дворы земли по городовую стѣну въ поперечину и въ длину съ третью сажени двадцать по косую улицу и по дворъ священника архидьяконскаго, а по другую сторону живетъ великаго князя стольникъ Иванъ Башмаковъ... А приходъ къ Златоусту серебряники всѣ и пищальники. Да къ тому жъ храму дворовое мѣсто на улицѣ Волковой, гдѣ лавка, поставилъ торговый человѣкъ Иванъ Смолевъ изъ оброку на темьянъ, и на свѣчи и на вино служебное къ Ивану Златоусту. Да за рѣкою Окою лугъ, ужитня, идучи къ Пустынѣ на лѣво четыре десятины Буяновской. По воскреснымъ днямъ на молебнахъ у Бориса и Глѣба степеная мѣста подъ соборными на право Златоустинскій священникъ станетъ, а подъ нимъ Николы Стараго. *А Никола Старый стоитъ на Быстромъ озерѣ на берегу*, и то есть озеро святое, и озеро Карасево свято ко прочищенію очей.»[246] Кромѣ упомянутыхъ, въ городѣ есть еще нѣсколько церквей. За исключеніемъ небольшой площади около княжескаго терема, остальное пространство тѣсно застроено домами бояръ, церковнослужителей, боярскихъ дѣтей, торговыхъ людей и различныхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ

---

[246] Рязан. Дост. изъ *книги списковъ съ выписей.*

крѣпость Переяславля имѣетъ характеръ древняго дѣтища; она можетъ быть доступна непріятелямъ только съ западной стороны; слѣдовательно, чтобы добраться до города, надобно прежде овладѣть острогомъ.

Острогъ вмѣстѣ съ посадомъ вытянулся по крутому берегу Трубежа, который защищаетъ его съ сѣверной стороны; съ южной онъ опирается на берегъ Лыбеди; а съ другихъ сторонъ опоясанъ и пересѣченъ глубокими оврагами; также какъ и городъ, острогъ окруженъ деревянными стѣнами. Первое мѣсто между зданіями занимаетъ здѣсь соборная церковь Бориса и Глѣба, которая стоитъ во Владычней слободѣ надъ самымъ берегомъ Трубежа. Рязанскіе князья щедро одарили се вотчинами и разнаго рода льготами. Подлѣ собора находится владычній дворъ [247] съ Анастасіевскою церковью (нынѣ Семинарская). По другую сторону Лыбеди идутъ различныя подгородныя слободы: рыбная конная, ямская и пр. По недостатку камня и обилію лѣсовъ всѣ постройки въ Переяславлѣ сдѣланы изъ дерева, за исключеніемъ княжескаго терема и нѣкоторыхъ храмовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и въ тѣснотѣ улицъ заключалась причина страшныхъ пожаровъ, которые нерѣдко опустошали городъ; особенно памятенъ послѣдній пожаръ 1494 г. Окрестности Переяславля наполнены рощами, монастырями, деревнями и мельницами; такъ при впаденіи Павловки въ Трубежъ стоитъ монастырь во имя Св. Троицы; противъ него на острову между Окою и Трубежомъ находится Богоявленская обитель, и тотъ и другой окружены густымъ бо-

---

[247] Г. Воздвиженскій на стр. 44. замѣчаетъ: «къ оному (т. е. Владычнему двору) отъ Борисо-глѣбской церкви чрезъ ровъ устроены (говорятъ) были переходы.»

ромъ. [248] Съ крѣпостной стѣны открывается особенно живописный видъ на зарѣчье: у ногъ вьется Трубежъ; за нимъ на лѣво чернѣетъ лѣсъ, на право зеленѣютъ луга; далѣе за Окою видно нѣсколько селъ, разбро- по холмамъ; замѣтнѣе другихъ мѣжду ними Пустынь, Шумошь и Дубровичи. [249]

Осмотрѣвъ столицу, продолжаемъ свое путешествіе внизъ по Окѣ. Отъѣхавъ верстъ 15 отъ Переяславля, мы поравнялись съ городкомъ Ольговымъ, который извѣстенъ въ исторіи по битвѣ между Рязанцами и дружиною Всеволода III въ 1207 г.; [250] онъ стоитъ на крутомъ холмѣ въ углу, который образуется впаденіемъ рѣчки Гусевки въ Оку. По другую сторону Гусевки выглядываютъ изъ лѣсу главы и кресты Ольговой обители, основаніе которой, какъ мы говорили, восходитъ къ началу XIII в. Олегъ Ивановичь придалъ

---

[248] Съ именемъ перваго связанъ расказъ о посольствѣ св. Сергія къ Олегу Рязанскому; второй, на мѣстѣ теперешняго села Борки, упоминается въ одной судной грамотѣ XV в. «при Рязанскомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, какъ бояринъ Ѳедоръ Григорьевичь по его слову судъ судилъ при Богоявленскомъ Игумнѣ Іонѣ о землѣ Богоявленской на рѣчкѣ на Тюшевкѣ.» Воздвиж. 331 сгр. Островъ между Окою и Трубежомъ у Герберштейна названъ *Струбъ;* а по словамъ г. Воздвиженскаго онъ назывался *Судеревъ*. Послѣдние имя вѣроятнѣе перваго: оно объясняетъ намъ выраженіе договор. грамоты 1496: «а по судересвнымъ знаменомъ судъ вопчей.»

[249] Акт. Истор. 1. №. 127.

[250] Вѣроятно это старый Льговъ (а не Старый Львовъ), приведенный въ геогр. отрывкѣ воскр. лѣтописи, ибо тутъ же упоминается и Новый городокъ Ольговъ.

монастырю село Арестово со многими угодьями и доходами; онъ самъ говоритъ въ жалованной грамотѣ, что сдѣлалъ это пожертвованіе по обѣту, произнесенному во время его удаленія изъ Переяславля (можетъ быть, послѣ Скорнищевской битвы). [251]

За тѣмъ миновали нѣсколько селъ на лѣвомъ и на правомъ берегу, между прочими Казарь и Остромино. Вотъ устье рѣчки Листани, которой имя прославлено геройскою защитою царевича Мустафы въ 1454 г. Огромный курганъ, на которомъ укрѣпились Татары, возвышается около истоковъ рѣчки; но онъ совершенно закрытъ густымъ лѣсомъ. [252] Прошли устье Тысьи и Исьи; видѣли остатки Ожска и еще двухъ или трехъ древнихъ городковъ, на мѣстѣ которыхъ процвѣтаютъ теперь мирныя села. Вотъ игривая Проня вливаетъ свои струи въ Оку у подошвы холма, который вѣнчаютъ валы небольшой крѣпости. [253]

---

[251] Вотъ слова грамоты: «А коли есмь выѣхалъ изъ отчины изъ своее изъ Переяславля, то гдѣ есмь обѣтъ учинилъ, къ святѣѣ Госпоже Богородицы, придалъ есмь Рязанское мыто и побережное, аже ми даетъ... въ отчинѣ... своей въ Переславли.» См. разсужд. объ этомъ пропускѣ г. Бередникова въ Ж. М. Н. Пр. 1837 г.

[252] Мѣсто около кургана представляетъ теперь чистое поле, но въ окрестностяхъ все еще слыветъ подъ именемъ «чащи.»

[253] Городъ Никитинъ; а, можетъ быть, Новый городокъ Ольговъ. Оба упоминаются въ извѣстномъ географич. отрывкѣ. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ виденъ еще значительный остатокъ вала, извѣстный подъ общимъ именемъ городца; неподалеку отъ него лежитъ село Никитино. Невходя здѣсь въ подробный разборъ географическаго отрывка, замѣтимъ вообще, что при составленіи древней русской географіи

города; къ востоку отъ него существовалъ городъ Воиновъ. [257] Еще далѣе на правомъ берегу Оки лежитъ село Шилово на мѣстѣ древняго города того же имени; около устья Пры находятся селенія Свинчусъ на правой сторонѣ и Ижевское на лѣвой, образовавшіяся на мѣстѣ городовъ Ижеславля и Свинеска. Между многими монастырями мы замѣтили еще два: Облачинскую пустынь по сосѣдству съ Исадами на правомъ берегу, и Терховъ монастырь, расположенный на одномъ островѣ Оки, недалеко за Шиловымъ. [258]

Около древняго Свинеска или устья рѣчки Середней кончались владѣнія Рязанскихъ князей; но на лѣвомъ берегу онѣ простирались еще до рѣки Гуся. [259] Недалеко отъ впаденія послѣдней въ Оку опять видны земляныя укрѣпленія какого то городка; вѣроятно это

---

[257] Г. Тихомировъ доказываетъ, что Бѣлгородъ находился на мѣстѣ теперешняго села Городецъ. (Археол. Изслѣд. 27 стр.) Городъ Воиновъ приведенъ въ географич. отрывкѣ; что его надобно искать именно здѣсь, на это указываютъ названія «озеро Воинское» и «уѣздъ Воинской» (около села Санскаго. Граммата Олега въ Іерарх. Воздвиж. 49.).

[258] Шилово, Свинчусъ и Облачинская обитель встрѣчаются у Олеарія. Ижевское упоминается въ жалованной граматѣ Олега Епископу Ѳеогносту. (Воздвиж. 50). Свинескъ приводится въ географ. отрывкѣ. Терехову монастырю дана была жалованная грамота В. княземъ Василіемъ Ивановичемъ (Ряз. Вѣд. 1853 г. №. 10); о немъ упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа.

[259] Такова по крайней мѣрѣ была граница Старо-Рязанской десятины (по духовному управленію). Ж. М. В. Д. 1848 г. Мартъ. Ст. Надеждина.

былъ крайній укрѣпленный пунктъ въ сѣверовосточномъ углу Рязанской Мещеры. [260]

Дальнѣйшее теченіе Оки опять вступало въ область Московскаго княжества. Сосѣдями Рязанцевъ въ этой сторонѣ были Касимовскіе Татары. Въ 1471 г. Иванъ III отдалъ городъ Касимовъ во владѣніе служебному царевичу Кайсыму и его потомкамъ съ тѣмъ, чтобы они защищали здѣсь Русскіе предѣлы отъ Татарскихъ набѣговъ; а до того времени Касимовъ назывался Новымъ Низовымъ Городкомъ. Въ 600 саженяхъ ниже его на Окѣ существовалъ въ древности Мещерской Городокъ, который былъ разоренъ Татарами въ 1376 г.

Осмотрѣвъ берега Оки, обратимся къ другой жизненной артеріи древней Рязанской области, къ рѣкѣ Прони. И на ея бугристыхъ берегахъ путешественникъ видѣлъ многочисленныя селенія; особенно онѣ часто попадались на нижнемъ теченіи Прони, начиная отъ впаденія въ нее рѣки Рановой. Грамматы XIV и XV ст. сохранили для насъ имена слѣдующихъ деревень, расположенныхъ на этомъ пространствѣ: Неретинъ починокъ, Толпино, Перкино; Добрый Сотъ, извѣстный съ начала XIII в.; Столпцы и Лучинское — на лѣвомъ берегу Прони; Засѣчье, Муняково и Жерновищи—на правомъ. [261] Но изъ городовъ на рѣкѣ Пронѣ по прежнему исторически извѣстнымъ остается только древній Пронскъ; а между тѣмъ остатки земляныхъ укрѣпле- Берега Прони.

---

260 Нынѣ деревня Городище въ окрестностяхъ села Ибердусъ.

261 Жалованныя грамоты Олега и Михаила Ярославича. Ряз. Іерар. Воздвиж. 49 и 51. Жерновищи упоминаются еще въ договор. грам. 1496 г.

ній убѣждаютъ насъ, что нѣкогда городки здѣсь были также часты какъ на Окѣ. [262]

Послѣ береговъ Оки и Прони самое густое населеніе княжества заключалось въ пространствѣ между этими двумя рѣками. Села и деревни особенно тѣснились по болѣе значительнымъ рѣчкамъ: Осетру, Мечѣ, Пилесу, Вожѣ, Павловкѣ, Плетеной, Исьѣ, Истьѣ и Жракѣ. Остатки древнихъ крѣпостей, разсѣянные по всей этой полосѣ, преимущественно скопляются въ треугольникѣ между Окою, Осетромъ и Вожею, слѣдовательно въ той сторонѣ, откуда постоянно грозила опасность Рязанской самостоятельности. Самымъ значительнымъ мѣстомъ въ этомъ треугольникѣ послѣ Перевитска былъ Зарайскъ; имена другихъ городовъ до насъ недошли. [263]

---

[262] Г. Надеждинъ преимущественно указываетъ на слѣдующія мѣста: деревня Городецкая близъ впаденія рѣки Нетьи; села Могилевское Городище и Красное Городище на верхнемъ теченіи Прони. Сюда же надобно отнести остатки трехъ укрѣпленій недалеко отъ Михайлова: одно на лѣвомъ берегу Жраки близъ деревни Поярково; другое близъ устья Лубянки, впадающей въ Жраку; а третье на правомъ берегу Прони. Послѣднее называлось «Городокъ Андрея Лешпана» и на мѣстѣ его въ XVII в. стоялъ острогъ Печерники. (Какъ значится въ Приправоч. книгѣ Ряз. уѣзда. Времен. Об. И. и Др, №. 13). Самый городъ Михайловъ вѣроятно въ 1551 г. былъ только возобновленъ воеводами Грознаго; онъ упоминается въ географ. отрывкѣ.

[263] Въ 1533 г. Великій князь Василій велѣлъ выстроить въ Зарайскѣ каменную крѣпость вмѣсто прежней деревянной; слѣдовательно городъ извѣстенъ былъ подъ этимъ именемъ ранѣе XVI ст. Укажемъ при этомъ на нѣкоторыя мѣста древнихъ городовъ: село Глѣбово Городище на лѣвомъ берегу

Естественно раждаются вопросы: почему ихъ имена изгладились совершенно изъ народной памяти, между тѣмъ какъ на каждомъ шагу встрѣчаемъ или остатокъ вала, или названіе деревни, которое намекаетъ на мѣстность существовавшаго когда то города? въ какомъ отношеніи находятся эти обломки старины къ древнимъ Рязанскимъ городамъ? и наконецъ, что это были за города? Трудно отвѣчать на подобные вопросы, неимѣя достаточно данныхъ. Попытаемся сдѣлать нѣсколько соображеній.

Отношеніе княжеской колонизаціи къ остаткамъ городовъ.

Главною причиною размноженія городовъ, кромѣ внѣшней защиты, была потребность князей закрѣплять за собою владѣніе землями; только въ тѣхъ мѣстахъ могъ свободно распоряжаться князь лично или посредствомъ своихъ намѣстниковъ, въ которыхъ стояла крѣпость, оберегаемая его дружинниками. Будучи стратегическими и административными пунктами, города, какъ извѣстно, становились въ тоже время сѣменами христіанства и славянской народности на финской почвѣ. Въ XV ст. ихъ роль на нѣкоторыхъ мѣстахъ была кончена: населеніе въ треугольникѣ между Окою, Пронею и Осетромъ почти все было крещеное, съ явнымъ преобладаніемъ славянскаго элемента въ своемъ составѣ; въ административномъ отношеніи затрудній невстрѣчалось; во внѣшней защитѣ со стороны Москвы при подчиненныхъ отношеніяхъ къ ней Рязани не было надобности. Оставалась оборона на югѣ со стороны степей; но охраненіе Русскихъ предѣловъ отъ Татарскихъ нападеній

Вожи съ остатками земляныхъ насыпей, деревня просто Городище при сліяніи Вобли съ Черною, Тюнино городище на рѣчкѣ Пилесъ, Долгое Городище при впаденіи Пилеса въ Мечу.

въ теченіе XV в. Московское правительство главнымъ образомъ принимаетъ на себя. Древніе города уже несоотвѣтствовали новымъ потребностямъ въ военномъ отношеніи; они были слишкомъ малы, неудобны, и не могли остановить большихъ массъ, набѣгавшихъ изъ Крыма. Поэтому государи Московскіе, ограждая въ XVI в. юговосточныя границы, приказываютъ укрѣплять только самые значительные города, строитъ новые остроги на сторожевыхъ линіяхъ и насыпать сторожевые курганы. А между тѣмъ древнія укрѣпленія приходили въ ветхость; земляные валы осыпались; деревянныя стѣны и башни быстро уничтожались отъ дѣйствія различныхъ причинъ, и города обращались въ села, если неподвергались совершенному запустѣнію. Тоже самое превращеніе испытывали въ свою очередь остроги, построенные Московскими воеводами, по мѣрѣ того, какъ пограничная линія отодвигалась все далѣе къ югу. Слѣдовательно далеко не всѣ городки, городища и курганы юговосточной Россіи по своему происхожденію относятся ко временамъ удѣльнымъ. Первый намекъ на древній Рязанскій городъ, обратившійся въ село, мы находимъ въ концѣ XV в.; [264] а въ началѣ XVII встрѣчаемъ здѣсь уже большое количество городищъ и городцевъ. [265]

---

[264] «.... Отъѣхалъ землю и луга и болота святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба *Городецкаго*» и пр. Изъ списка съ розъѣзжей грамоты 1498 г. (см. выше).

[265] Приправоч. кн. Ряз. уѣзда 1616 г. Договоръ братьевъ, въ концѣ XVI в. называетъ только пять городовъ: Переяславль, Старую Рязань, Перевитскъ, Ростиславль и Пронскъ; слѣдовательно остальные были слишкомъ незначительны, чтобы о нихъ упоминать, или обратились уже въ села. Въ нача-

О Рязанскихъ земляхъ на сѣверъ отъ Оки мы можемъ только предполагать, что эта болотистая и лѣсная сторона очень мало измѣнилась послѣ XIII ст., за исключеніемъ мѣстъ ближайшихъ къ центру княжества; только на берегахъ нижней Пры замѣтны слѣды исторической жизни по нѣкоторымъ остаткамъ городовъ, [266] Почти также бѣдны наши географическія свѣденія о населеніи Мещерской земли по другую сторону Оки: въ договорѣ 1496 г. упоминаются только Карабугинскій уѣздъ, Пластиково, Бовыкино и Мордовскія волости по Цнѣ.

Кромѣ области средней Оки въ составъ Рязанскаго княжества постоянно входили земли по верхнему теченію Дона и его притоковъ, преимущественно съ лѣвой стороны. Населенность этихъ земель была очень бѣдная; вотъ почему и географическія извѣстія о нихъ чрезвычайно скудны. Договоръ братьевъ называетъ въ той сторонѣ только три мѣста: Тешевъ, который надобно искать гдѣ нибудь между Воронежомъ и Дономъ; [267] Братиловъ, неизвѣсно гдѣ находившійся, и Романцевъ, вѣроятно тоже, что Иваново Романцево, о которомъ говорится въ договорѣ съ Москвою 1483 г., и который по смыслу грамматы лежалъ гдѣ то по лѣвую сторону Дона. Даже плодоносные берега этой рѣки въ концѣ XV и началѣ XVI в. пови-

Область верхняго Дона.

лѣ XVII в. встрѣчаемъ въ собственной Рязанской области тѣже пять городовъ съ прибавленіемъ одного Зарайска. (Кн. Бол. Черт.).

[266] Таковы села Городное и Городковичи въ Спаск. уѣздѣ.

[267] На рѣчкѣ Тешевкѣ на мѣстѣ Задонска, какъ предполагаетъ г. Калайдовичь. Письма къ Малин. объ Арх. изслѣд. въ Ряз. губ. 75 стр.

димому немного были населеннѣе, нежели съ небольшимъ за сто лѣтъ, когда они, если вѣрить описанію Пименова хожденія, представляли одну безлюдную пустыню съ развалинами древнихъ городовъ. Главною причиною такого явленія была постоянная опасность со стороны кочевниковъ; безпрерывные крымскіе набѣги въ XVI ст. окончательно стерли признаки древней населенности въ этомъ краю, такъ что въ географическомъ описаніи Московскаго государства XVII вѣка по Дону встрѣчается болѣе Татарскихъ переметовъ и Крымскихъ бродовъ, нежели Русскихъ селеній. Къ немногимъ прежнимъ именамъ городовъ на берегахъ Дона можно прибавить еще Донковъ. Герберштейнъ говоритъ о немъ, какъ о старинномъ, разрушенномъ городѣ; въ его время это мѣсто было извѣстно тѣмъ, что подлѣ него грузили свои суда купцы, отправлявшіеся въ Азовъ и Кафу. [268]

Извѣстія иностранцевъ о Рязанскомъ краѣ.

Переходя къ характеру мѣстной природы и къ естественнымъ произведеніямъ страны, обратимся сначала къ тѣмъ иностраннымъ путешественникамъ, которые посѣтивъ Восточную Европу въ XV и XVI вв., оставили намъ нѣсколько извѣстій о Рязанскомъ княжествѣ. Ихъ было трое: два Венеціанца, Іосафатъ Барбаро и Амвросій Контарини, и третій Нѣмецъ, извѣстный баронъ Герберштейнъ.

---

[268] Мѣстность древняго Донкова въ настоящее время называется Старымъ Городищемъ: она лежитъ въ 20 верстахъ выше новаго Донкова, который былъ построенъ въ 1571 г. Въ 15 верстахъ ниже послѣдняго на Дону, близъ села Перехвала, сохранились еще остатки древняго городка; съ сѣверной стороны онъ защищенъ рѣкою, а съ прочихъ рвами.

Извѣстіе Барбаро относится ко второй половинѣ XV в: «Когда переѣдешь» черезъ Эрдиль (Волгу) по направленію къ западу—пишетъ онъ—то на разстояніи пятнадцати дней пути встрѣчаются по берегу рѣки безчисленныя племена Татаръ. Они простираются до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится городокъ (Terriciola) Рязань, подвластный одному изъ родственниковъ Іоанна, Великаго князя Россійскаго. Жители здѣсь всѣ христіане и исповѣдуютъ вѣру Греческую. Страна ихъ изобилуетъ хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими цѣнными произведеніями (et altre buone cose); она вообще лѣсиста и довольно хорошо населена. Въ Рязани приготовляютъ особенный напитокъ въ родѣ нашего пива, называемый бузою (bossa). [269] Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Коломна, укрѣпленный подобно Рязани деревянными стѣнами. [270] Въ обоихъ городахъ всѣ строенія деревянныя, по недостатку каменнаго матеріала. Въ разстояніи трехъ дней пути течетъ значительная рѣка Москва, на которой стоитъ городъ того же имени.»

Контарини самъ проѣзжалъ по Рязанской землѣ, и потому его замѣтка для насъ особенно интересна; къ сожалѣнію она слишкомъ коротка и повторяетъ почти тоже, что сказано у Барбаро. На обратномъ пути изъ Персіи въ отечество, Контарини присоединился къ свитѣ пословъ Московскаго и Персидскаго; первый, называвшійся Маркомъ, возвращался въ Москву; а второй былъ отправленъ къ Іоанну III Увунъ Гассаномъ. «12 сентября

---

269 Библіотека иностр. пис. 1836 г. стр. 95, 175. 176. Rerum Moscovi. auctores varii. 48—50. Четвертаго иностранца Кампензе мы встрѣтимъ послѣ.

270 Брага.

1476 года-расказываетъ Кантарини-вступили мы наконецъ съ благословеніемъ Божіимъ въ землю Русскую и встрѣтили нѣсколько хижинъ, окруженныхъ лѣсами. Жители этой деревушки услыхавъ, что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами Татаръ, и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати, ибо всѣ мы до такой степени отощали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ городъ Рязань, который принадлежитъ одному князю, имѣющему въ супружествѣ сестру Московскаго государя. Всѣ строенія въ немъ деревянныя, неисключая и самой крѣпости. [271] Здѣсь мы въ изобиліи нашли хлѣбъ, мясо и напитокъ, приготовляемый изъ меду. Отсюда пустились далѣе, проѣзжая по огромнымъ лѣсамъ, и подъ вечеръ остановились для ночлега въ одной Русской деревнѣ, гдѣ спокойно отдохнули, ибо по милости Божіей находились уже въ безопасномъ мѣстѣ. Потомъ пріѣхали въ другой городъ, именуемый Коломною, который расположенъ на берегу рѣки Москвы; черезъ рѣку [272] здѣсь построенъ большой мостъ. Изъ Коломны Маркъ отправилъ меня впередъ въ Москву, ибо караванъ намѣренъ былъ помедлить нѣсколько своимъ прибытіемъ.»

Но безспорно самую лучшую характеристику древняго Рязанскаго края мы находимъ у знаменитаго барона, котораго записки относятся къ первой половинѣ

---

[271] Мы неможемъ принять буквально этого извѣстія, потому что княжескій теремъ и нѣсколько храмовъ были сооружены изъ камня.

[272] Конечно не Москву, а Коломенку.

XVI в. «Рязанская область, говоритъ Герберштейнъ, расположенная между Окою и Дономъ, имѣетъ деревянный городъ недалеко отъ берега Оки. *Въ немъ была нѣкогда крѣпость, которая называлась Ярославъ: отъ нея остались теперь только слѣды. Близъ этаго города посреди Оки есть островъ, называемый Струбъ нѣкогда великое княжество съ независимымъ владѣтелемъ.*[273] Коломна лежитъ на юговостокъ отъ Москвы; потомъ слѣдуетъ Рязань, которая отстоитъ отъ Москвы на 36 германскихъ миль. Эта область есть самая плодоносная между Московскими провинціями: въ ней, какъ говорятъ, одно зерно даетъ по два и болѣе колосьевъ, которые растутъ такъ часто, что лошади съ трудомъ проѣзжаютъ по нимъ и перепелки едва могутъ изъ нихъ вылетать. Здѣсь великое множество меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше Московскихъ; а народъ очень смѣлый и воинственный. (gens audacissima bellicosissimaque)» Оку онъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Берега ея покрыты густыми лѣсами, которые изобилуютъ медомъ, бѣлками, горностаями и куницами. Всѣ поля, орошаемыя ею, чрезвычайно плодородны; въ особенности эта рѣка славится богатствомъ рыбы, которая предпочитается рыбѣ прочихъ Московскихъ рѣкъ (болѣе всѣхъ Муромская). Въ ней водятся: бѣлуга, стерлядь, севрюга, осетръ и бѣлорыбица превосходнаго качества; думаютъ, что большая часть этой рыбы заходитъ въ Оку изъ Волги.»

---

[273] Въ подчеркнутыхъ словахъ безъ сомнѣнія смѣшаны извѣстія о Старой Рязани и Переяславлѣ Рязанскомъ. Не забудемъ, что Герберштейнъ писалъ по слуху. Подобная же запутанность видна далѣе въ расказѣ о двухъ старшихъ сыновьяхъ Рязанскаго князя Ивана Васильевича Третнаго.

Богатство естественныхъ произведеній.

Всѣ приведенныя показанія иностранцевъ сводятся къ одному результату: Рязанская земля была очень лѣсиста и отличалась богатствомъ естественныхъ произведеній. Тотъ же самый результатъ можно вывести изъ всѣхъ дошедшихъ да насъ грамотъ, жалованныхъ духовенству на разныя помѣстья: онѣ постоянно трактуютъ о бортныхъ угодьяхъ, пожняхъ (сѣнокосахъ), нивахъ, бобровыхъ угонахъ и рыбной ловлѣ. О разнообразіи и богаствѣ животнаго царства въ этомъ краю свидѣтельствуетъ одно мѣсто изъ путешествія Пимена, приведеннаго выше. На пустынныхъ берегахъ верхняго Дона путникамъ во множествѣ встрѣчались: козы, лоси, волки, лисицы, бобры, выдры, медвѣди; орлы, гуси, лебоди, журавли и пр.

Разумѣется характеръ природы не вездѣ былъ одинаковъ; а сообразно съ тѣмъ распредѣлялись и естественныя произведенія, т. е. средства пропитанія, которыя въ свою очередь обусловливали бытъ населенія. Песчаноглинистая и болотистая почва въ сѣверной части княжества, на Мещерской сторонѣ Оки, была неспособна къ хлѣбопашеству; за то почти сплошь была покрыта лѣсами, преимущественно красными; главное занятіе жителей въ этой сторонѣ составляла звѣриная и рыбная ловля. Средняя полоса болѣе другихъ отличалась разнообразіемъ и богатствомъ произведеній; песчаная почва, перемѣшанная съ большимъ количествомъ чернозема, представлялась очень удобною для земледѣлія; густые, преимущественно черные, лѣса начинали замѣтно рѣдѣть и уступать мѣсто полямъ, засѣяннымъ разнаго рода хлѣбомъ. Тучныя пажити, залегавшія по теченію рѣкъ, давали обитателямъ средство содержать значительное количество скота. Пчеловодство, звѣриный и рыбный промыслы существовали здѣсь на ряду съ

земледѣліемъ. Южная часть княжества, самая обширная по своему протяженію, владѣла превосходнымъ слоемъ чернозема; но по малочисленности осѣдлаго населенія только въ немногихъ мѣстахъ встрѣчались обработанныя поля. Эта полоса составляла переходъ отъ сѣверной лѣсной природы къ южнорусскимъ степямъ. Тамъ, гдѣ сближались между собою верховья Воронежа и его притоковъ съ верховьями Пары, Рановой и Хунты, почва состояла изъ топкихъ пространствъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ, на что указываютъ имена рѣчекъ Рясъ. Скопленіе влаги въ этой полосѣ объясняется водораздѣломъ притоковъ Дона и Оки. Около верховьевъ перваго широкія поля кое гдѣ заростали рощами и кустарникомъ; такъ знаменитое Куликово поле въ концѣ XIV ст. было отчасти покрыто лѣсомъ. Но далѣе къ югу, начиная отъ Быстрой Сосны и нижняго Воронежа, открывалось ровное, степное пространство. Главное занятіе населенія въ южной полосѣ конечно было скотоводство; замѣтны также слѣды пчеловодства, звѣриной и рыбной ловли. Однимъ изъ самыхъ важныхъ промысловъ въ древней Россіи считалась охота за бобрами; судя по грамотамъ, бобровые угоны встрѣчались на всемъ протяженіи Рязанскихъ земель, т. е. по Окѣ, Пронѣ и на Дону.

потомужъ.» Разумѣется и на эту статью опять можно смотрѣть не болѣе, какъ на условную, съ теченіемъ времени установившуюся, форму. Со времени Олеговой смерти до 1520 г. Рязанское княжество прошло сквозь всѣ оттѣнки Московскаго владычества только въ обратной прогрессіи сравнительно съ Татарскимъ игомъ.

Рядомъ съ Московскими отношеніями идутъ постоянныя притязанія Великихъ князей Литовскихъ на господство въ Рязани, начиная съ Витовта. Подобныя притязанія очень ясно выразились въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ IV, по которому Рязанскій князь если бы захотѣлъ, могъ безпрепятственно подчиниться Литвѣ. Этотъ договоръ нисколько неизмѣнилъ установившихся тогда отношеній къ обоимъ сосѣдямъ. Тѣмъ неменѣе въ 1493 г. Александръ Литовскій, отправляя въ Москву посольство для мирныхъ переговоровъ, между прочимъ наказываетъ ему слѣдующее: «Объ Великомъ князѣ Рязанскомъ въ новомъ договорѣ поставить такую же статью какъ и въ прежнемъ; но если онъ (Иванъ III) несогласится, то пусть наши послы ему уступятъ, чтобы это обстоятельство непомѣшало заключенію мира.» Иванъ III несчелъ нужнымъ повторять отцовскую уступку, и въ договорной грамотѣ о Рязанскихъ князьяхъ сказано такимъ образомъ: «Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичь съ братомъ, дѣтьми и землею въ твоей сторонѣ Великаго князя Ивана; а мнѣ Великаго князя Александра ихъ необижать и въ земли ихъ невступаться; если же они мнѣ сгрубятъ, то я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ Великому князю Ивану, и ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе». [274] Этимъ договоромъ Литовской князь отказался отъ прежнихъ

---

[274] Акты Зап. Рос. I. №. 114. С. Г. Г. и Д. V. №. 29.

притязаній и оффиціально призналъ Московское господство въ Рязани. Попытка Ивана Ивановича перемѣнить одну зависимость на другую только доказала удивительную прочность существовавшаго порядка вещей: религія и народность уже вступили въ крѣпкій союзъ съ умною политикою Московскихъ государей.

Отношенія къ западнымъ сосѣдямъ, князьямъ: Тарусскимъ, Новосильскимъ, Одоевскимъ и Воротынскимъ, опредѣлялись смотря по тому, отъ кого зависѣли эти князья, отъ Москвы или Литвы. Въ первомъ случаѣ договорныя грамоты говорятъ такимъ образомъ: «А что ся учинитъ межи насъ въ любви, о чемъ ни будетъ слово, о земли или о водѣ, или объ иномъ о чемъ, и намъ отослать своихъ бояръ, ини съѣхався учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ и они ѣдутъ на третей, кого себѣ изберутъ; и на кого третей помолвитъ, и виноватой отдастъ; а неотдастъ и правый пошлетъ къ тобѣ къ Великому князю ,(Московскому) и тобѣ Великому князю къ виноватому послати въ первые и въ другіе и въ третьи; а неполушаетъ виноватый тобя Валикаго князя, и тобѣ Великому князю то отправити; а цѣлованья не сложити, а то не въ измѣну. А коли позовутся на третей, кого себѣ изберутъ, а въ то время на того будетъ рать, кого позовутъ, или будетъ самъ ратью пошелъ, или будетъ у него посолъ татарскій въ земли, инъ за тѣмъ непоѣдетъ на третей, въ томъ ему вины нѣтъ; а возмутъ на него въ то время грамоту, ино та грамота не въ грамоту: а позовутся изнова на третей, какъ ся утишитъ, да учинятъ исправу изнова; а тобѣ Великому князю того исправити, что ся въ то время учинило въ замятное.» Во второмъ случаѣ Северскіе князья въ договорахъ съ Литовскими говорятъ такимъ образомъ: »Съ тыми (В. Князьями Московскимъ, Рязанскимъ

и Пронскимъ) намъ судъ свой имѣти по старинѣ; а чого промежи себе неуправимъ съ тыми великими князи въ докончаньи, ино королю за то стояти и управляти, коли тыи три князи великіи верхуписаныи съ королемъ и великимъ княземъ будутъ въ докачаньи.» [275]

Очень интересно было бы узнать характеръ и подробности взаимныхъ отношенiй между родственными вѣтвями князей Рязанскихъ и Пронскихъ. Къ сожалѣнiю несохронилось ни одного договора, заключенна между ними. Что подобные договоры всегда существова на это указываютъ слова одной изъ упомянутыхъ гр мотъ: «А со князем съ Великимъ съ Иваномъ Володи ровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ.» (№. Изъ тѣхъ же грамотъ можно заключить, что въ ченiе 50 лѣтъ послѣ смерти Олега, исключая 1408 г эти отношенiя небыли враждебными и основывались правахъ равенства подъ влiянiемъ Московскаго пр тельства. Третейскiй судъ между ними определяется дующими словами. «А что ся учинитъ межи васъ ка обида и вамъ отослати своихъ бояръ, ино учинятъ праву; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей Митр литъ; а кого Митрополитъ обвинитъ, ино обидное от а неотдастъ ино мнѣ князю Великому (Московскому) правити, а то ми не въ измѣну, также на обѣ ст ны.» Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ еще, между княжествами Рязанскимъ, Пронскимъ и Му скимъ существовала черезполосность владѣнiй, и св да прiобрѣтать волости въ чужомъ удѣлѣ, чего м пускалось въ отношенiи къ Москвѣ. Такъ въ 134 князь Александръ Михайловичъ Пронскiй пожало

[275] С. Г. Г. и Д. I. №. 48 и 65. Акты З. Р. I. №№ 63 и 80.

ерво
ь О.
род
.ъ г
пот
іь Ч
бол
ісь
ое м
) бл

боярт
в. из
зичь
ідров
івнаг
ізя вт
и боя
твахъ
іе пер
щей, к
завладт
акъ и в
тся ин
ють тол
ѣтлая ст
боярь:
бѣ съ в
и времен
ельство,
довольі

судомъ переведутъ и мнѣ свое отняти, а то не въ измѣну.» «А которыхъ дѣлъ неискали (до означеннаго срока), пристава небыло, за поруку недань, тому погребъ; а кто за порукою и за приставомъ былъ, тому судъ; а которыя дѣла суженыя или поле ся некончало, а то кончати.»

Статья о плѣнныхъ.

Любопытна также постоянно встрѣчающаяся въ тѣхъ же договорахъ статья о добычѣ и плѣнникахъ, взятыхъ другъ у друга, и о тѣхъ Москвитянахъ, которые или, ушедши изъ татарскаго плѣна, были задержаны въ Рязани, или проданы сюда Татарами. Въ договорѣ Олега съ Димитріемъ просто сказано, что добыча и Московскіе люди, захваченные Рязанцами во время Донскаго похода, должны быть выданы по общему суду, по исправѣ. Василій Димитріевичь, договариваясь съ Ѳедоромъ Ольговичемъ, ставитъ слѣдующее условіе: «А что отецъ твой Олегъ Ивановичь воевалъ Коломну въ наше нелюбье и иная мѣста, что нашей отчинѣ, взято что на нятцѣхъ, то отдати, а чего невзято, того невзяти; а съ поручниковъ порука и цѣлованье свести: а что грабежъ тому погребъ. А что была рать отца моего Великаго князя Дмитрея Ивановича въ твоей вотчинѣ при твоемъ отци при В. к. Олегѣ Ивановичѣ, и брата моего княже Володимерова рать была и княже Романова Новосильскаго и князей Тарусскихъ, намъ отпустити полонъ весь; а что взято на полоняницѣхъ, а то намъ отдати; а поручника и цѣлованіе свести, а грабежу всему погребъ; или что будетъ въ моей отчинѣ того полону, коли была рать отца моего В. К. Дми-

---

[276] Если только здѣсь дѣйствительно говорится о тѣхъ людяхъ, которые шли съ Дону въ 1380 г., а не въ другое время.

трея Ивановича на Скорнищевѣ у города и тогъ мой полонъ отпустити: а тобѣ такоже намъ полонъ отпути весь и тотъ полонъ, что у Татарское рати ушолъ; а будетъ въ твоей отчинѣ тѣхъ людей, съ Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустити.» Почти тоже самое условіе повторяется въ договорѣ Василія Темнаго съ Иваномъ Ѳедоровичемъ; слѣдовательно оно никогда небыло приведено въ исполненіе. Въ новомъ договорѣ есть прибавка относительно Татарскихъ плѣнниковъ: «а тебѣ также В. к. Ивану нашъ полонъ весь отпустити, и тотъ полонъ, который будетъ у Татарской рати убѣглъ, или нынѣ изъ Татаръ кто побѣжитъ, которая рать будетъ насъ полонила;» и потомъ опять: «или тѣхъ людей, которые съ Дону шли, а будутъ въ вашей отчинѣ, и тѣхъ вамъ всѣхъ отпуститн безъ хитрости.» Странно, что и въ 1447 г. все еще трактуютъ о плѣнникахъ 1380 года; подобное обстоятельство можно объяснить только буквальнымъ повтореніемъ разъ принятой формы. [247] Но Юрій Дмитріевичь Галицкій нетакъ памятливъ какъ его братъ и племянникъ; онъ требуетъ возвращенія того, что было къ нему ближе и по времени и по личнымъ интересамъ. «А что будетъ въ моей отчинѣ Егедѣева полону—обязывается Иванъ Ѳедоровичь—коли былъ Егедѣй у Москвы, и кто будетъ того твоего полону запроваженъ и запроданъ въ моей отчинѣ, и которой буденъ слободенъ, тѣхъ ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти потомужъ цѣлованью безъ хитрости. Также и царевичь Махмутъ-Хозя былъ у тебя въ Галичѣ ратью, и кто будетъ того твоего полону запроваженъ и запроданъ въ моей отчинѣ, и которой будетъ слободенъ, тѣхъ ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти потомужъ цѣлованью, безъ хитрости. А что если посылалъ свою рать съ твоимъ братанычемъ со княземъ съ

Василіемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали: ино грабежу тому всему погребъ. А что полонъ твой Галичской въ моей отчинѣ у кого нибудетъ, или кто будетъ кого запровадилъ и запродалъ, и мнѣ тотъ твой полонъ весь велѣти собрати и отдать тобѣ по томужъ цѣлованью, безъ хитрости.» Иванъ III невспоминаетъ о прежней добычѣ, потому что давно уже не было войнъ между Рязанью и Москвою; онъ только обязываетъ Рязанскаго князя добровольно выдавать со всѣмъ имуществомъ плѣнниковъ, которые уйдутъ отъ Татаръ въ Московское Княжество.

Всѣ договорныя грамоты оканчиваются обычнымъ условіемъ; «А вывода ны и рубежа незамышляти. А боромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля.»

Отъ Рязанскихъ князей недошло до насъ ни однаго духовнаго завѣщанія, которое могло бы указать на характеръ княжескаго владѣнія. Но основываясь на аналогія всѣхъ другихъ явленій, съ увѣренностію можно заключить, что въ Рязанскомъ княжествѣ также какъ въ Московскомъ существовало господство частнаго, личнаго права надъ государственными началами. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается договорною грамотою 1496 года. Раздѣлъ братьевъ прежде всего установляется на благословеніи ихъ отца Василія Ивановича; между ними существуетъ владѣніе общее, отдѣльное и черезполосное: такъ они сообща владѣли городомъ Переяславлемъ; въ грамматѣ читаемъ далѣе:» а что мое село Переславичи въ твоемъ удѣлѣ, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы: и то село съ данью и съ судомъ и со всѣми пошлинами мое Великаго князя.» Въ договорѣ вездѣ проглядываетъ воззрѣніе на княжество какъ на частную собственность князей. Эта договорная граммата особен-

но драгоцѣнна для насъ при разъясненіи сословныхъ и экономическихъ отношеній въ Рязанскомъ княжествѣ.

Служилое сословіе.

Боярское и вообще служилое сословіе въ Рязани въ главныхъ чертахъ своихъ немногимъ чѣмъ отличалось отъ Московскаго или Тверскаго. Оно также могло свободно переходить въ службу другихъ князей, какъ и вездѣ; это видно изъ всѣхъ договорныхъ грамматъ съ Москвою; въ нихъ однако ничего неговорится о правѣ бояръ владѣть помѣстьями въ земляхъ чужаго князя, какъ напримѣръ условливаются между собою князья Московскіе и Тверскіе. Въ договорѣ Рязанскихъ князей права и обязанности служилыхъ людей опредѣляются такимъ образомъ: « А кто будетъ изъ твоихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ и мнѣ ихъ блюсти какъ своихъ, и отчинъ и купленныхъ земель у нихъ неотнимать.» «А всякій пусть ѣдетъ (на войну) съ тѣмъ княземъ, которому служитъ, гдѣ бы нежилъ; а въ случаѣ осады города, кто въ немъ живетъ, пусть въ немъ и остается, исключая бояръ введеныхъ и путныхъ.« Кромѣ своей главной обязанности, т. е. военной службы, боярское сословіе, какъ и въ Москвѣ, несетъ еще почетную службу при особѣ князя и сообразно съ нею дѣлится на различныя степени. Со второй половины XIV в. встрѣчаемъ здѣсь званія или вѣрнѣе должности: дядьки (воспитатель молодыхъ князей), окольничаго, стольника и чашника.[277] Бояре отправляли еще различныя должности по внутреннему управленію, какъ-то: намѣстниковъ, волостей и судей, которыя давались имъ, какъ извѣстно, въ видѣ кормленія въ награду за военную службу. Младшая дружина или дѣти боярскіе пользовались въ Рязани тѣми же главными правами

---

[277] Акты Ист. №№. 2 и 36.

какъ и бояре, т. е. правомъ получать земли и должности за свою службу и свободно отъѣзжать въ другое княжество. Эти люди по преимуществу составляли военную силу князя и отправляли службу на конѣ. Кампензе [278] въ первой половинѣ XVI в. говоритъ, что въ Рязанскомъ княжествѣ считается до 15000 конницы— число довольно умѣренное, если сравнить съ Москвою (30,000) и Тверью (40,000);—кромѣ того изъ простолюдиновъ во всякое время безъ труда можно набрать храброй пѣхоты вдвое или втрое болѣе означеннаго числа.»

За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить, какую именно роль играло боярское сословіе въ судьбахъ древняго Рязанскаго края. Вообще нѣтъ основанія утверждать, что это сословіе находилось здѣсь въ иныхъ отношеніяхъ къ народу и князьямъ, нежели въ Московскомъ и другихъ сѣверныхъ княжествахъ. Хотя въ нѣкоторыхъ грамматахъ, жалованныхъ монастырямъ въ XIV и XV вв., встрѣчаются выраженія, которыхъ не находимъ въ другихъ мѣстахъ; но на нихъ нельзя основать какого либо важнаго заключенія. А именно: Въ извѣстной грамотѣ Ольгову монастырю сказано: «*сгадавъ есмь съ* своими бояры» (слѣдуетъ девять именъ); [279] потомъ въ грамматѣ, жалованной Олегомъ Солотчинскому монастырю на село Өедорково, читаемъ: «*поговоря съ* зятемъ своимъ съ Иваномъ съ Мирославичемъ,» и тоже самое въ грамматѣ Ивана Өедоровича Солотчинскому монастырю на село Филипповичи: «*поговоря съ* дядею своимъ съ Григорьемъ съ Ивановичемъ» (сыномъ Ивана

---

278 Библ. иностр. писат. Семенова. стр. 63.

279 На это выреженіе, какъ невстрѣчающееся въ Московскихъ грамматахъ, указано въ Ист. Р. Солов. IV. 198.

Мирославича). [280] Въ первомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ епископъ Василій, духовный отецъ Олега; а во второмъ и третьемъ упоминаются только родственники Великаго князя; въ другихъ жалованныхъ грамматахъ подобныхъ выраженій невстрѣчаемъ, и потому здѣсь еще нѣтъ указанія на то, чтобы власть Рязанскихъ князей въ дѣлѣ внутренняго управленія болѣе, нежели въ Московскомъ княжествѣ, ограничивалась боярскимъ сословіемъ. По крайней мѣрѣ это навѣрное можно сказать объ эпохѣ Олега Ивановича и его ближайшихъ преемниковъ.

Теперь посмотримъ каково было вліяніе бояръ на внѣшнія событія княжества. Въ началѣ XIV в. измѣною нѣкототорыхъ бояръ Константинъ Ярославичь проигралъ битву и взятъ въ плѣнъ Даніиломъ Александровичемъ Московскимъ; а въ началѣ XVI измѣна главнаго совѣтника предала послѣдняго Рязанскаго князя въ руки Василія Ивановича. Но подобныя измѣны и боярскія крамолы находимъ почти во всѣхъ княжествахъ. Симеонъ Коробьинъ съ своею партіею имѣлъ уже передъ собою примѣръ Василія Румянца и его товарищей, которые въ 1392 г. помогли Василію Димитріевичу завладѣть Нижегородскимъ княжествомъ. Въ Рязани, какъ и вездѣ, при молодыхъ или слабыхъ князьяхъ являются иногда любимцы и совѣтники, которые преслѣдуютъ только личныя цѣли; но за то есть и другая, свѣтлая сторона въ исторической дѣятельности рязанскихъ бояръ: ихъ продолжительная, усердная служба въ борьбѣ съ внѣшними врагами Княжества, особенно въ славныя времена Олега. Въ ихъ пользу говоритъ уже то обстоятельство, что мы могли указать только на два и притомъ довольно тем-

---

[280] Акты Ист. I. №№. 2. 13, и 36.

ные для насъ случая измѣны. При всей бѣдности источниковъ трудно предположить, чтобы у лѣтописцевъ въ теченіе двухъ столѣтій (1301—1520 г.) ни разу невстрѣтилось извѣстіе о крамолахъ Рязанскихъ бояръ, если бы онѣ были довольно часты. Отъѣзды бояръ въ другія княжества, особенно въ Москву, безъ сомнѣнія случались нерѣдко. Мы можемъ привести только три примѣра: одинъ изъ предковъ Сунбуловыхъ перешелъ изъ Рязани въ Москву къ Василію Темному; [281] два брата Апраксины, происходившіе изъ рода Салахмірова, отъѣхали къ Ивану III; [282] Иванъ Ивановичь Коробьинъ, братъ измѣнника Симеона, въ 1509 г. встрѣчается на службѣ Великаго князя Московскаго. [283]

Въ наказѣ Ивана III Агриппинѣ упоминаются еще сельскіе служилые люди: «за нежъ твоимъ людемъ служилымъ, бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и *сельскимъ* быти всѣмъ на моей службѣ.» Они то вѣроятно и составляли храбрую пѣхоту, о которой упоминаетъ Кампензе. За тѣмъ слѣдуетъ многочисленное сословіе княжескихъ слугъ, какъ вольныхъ, такъ и холопей со всѣми возможными подраздѣленіями по своимъ занятіямъ: въ грамматахъ встрѣчаются: дьяки, казначеи, ключники, приставы, тіуны, доводчики, таможенники, даньщики, ямщики, боровщики, бобровники, бортники, закосники, неводщики, ловчане, рыболовы, гончары, конюхи, садовники, источники, поѣздовые, псари, ястребьи; подвозники медовые, мѣховые и кормовые. Уже одно перечисленіе этихъ подраздѣленій бросаетъ яркій свѣтъ

---

[281] Родосл. Сунбуловыхъ.

[282] Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устралова. Т. I. прил. 29.

[283] Родосл. Коробьиныхъ.

на способъ внутренняго управленія, на составъ княжескаго двора, на доходы князя, его домашнее и сельское хозяйство и различные роды княжеской охоты.

Тяглое населеніе.

Рядомъ съ служилымъ сословіемъ въ договорѣ 1496 г. упоминаются гости и черные люди; изъ послѣднихъ выдѣляется классъ тяглыхъ людей въ городѣ Переяславлѣ, которые кормятъ пословъ; нѣсколько далѣе эти тяглые люди названы кладежными. Въ наказѣ Ивана III находимъ обычное въ то время дѣленіе торговыхъ людей на лучшихъ, среднихъ и черныхъ: «а торговымъ людемъ *лутчимъ, и середнимъ и чернымъ* быти у тобя въ городѣ на Рязани.» Между ремесленниками, жившими въ Переяславлѣ, одна изъ княжескихъ грамматъ называетъ серебряниковъ и пищальниковъ. (Грам. Ивана Третнаго на постр. Златоуст. цер.). Въ договорѣ братьевъ особенно замѣчательно слѣдующее выраженіе: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ *и христіаномъ* межъ насъ вольнымъ воля;» слѣдовательно наровнѣ съ дружинниками въ Рязани имѣли право свободнаго перехода и сельскіе жители, чего ненаходимъ въ другихъ мѣстахъ; [284] впрочемъ это право оффиціально признавалось только въ предѣлахъ того же Рязанскаго княжества.

Духовенство.

Духовенство Рязанское пользовалось всѣми обычными правами и доходами того времени, кромѣ того въ административномъ отношеніи оно, кажется, менѣе подчинено было свѣтской власти, нежели въ другихъ княжествахъ. Вотъ какое условіе относительно духовенства помѣщаютъ Рязанскіе князья въ своемъ договорѣ: «А что домъ великихъ мучениковъ Бориса и Глѣба и отца

---

[284] На эту осебенность указалъ проф. Соловьевъ въ своей Ист. V. 234.

нашего Симеона Владыки въ нашей отчинѣ и волости и села и земли бортные и воды: и мнѣ (имя) князю во владычни волости и села и земли бортные и въ воды невступатися, а знають владычни люди мою князя дань и ямъ, и городъ рубятъ; а судъ мой князя надъ владычними людьми въ душегубствѣ и въ разбоѣ и въ татьбѣ; а межъ моихъ людей и владычнихъ судъ и приставъ общій: а межъ владычныхъ людей владычень судъ. А что въ моей отчинѣ монастырскіе села и земли бортные и воды: и мнѣ князю въ то невступатися; а межъ своихъ людей монастыри судятъ сами, и приставъ ихъ за ихъ людьми.»

Епископы Рязанскіе владѣли обширными помѣстьями, которые увеличивались иногда покупкою, а главнымъ образомъ въ слѣдствіе частыхъ пожертвованій. Въ непосредственномъ завѣдываніи ихъ считались тѣ земли, которыя были жалованы князьями соборной церкви (дому) Бориса и Глѣба, какъ показываетъ большая часть жалованныхъ грамотъ дошедшихъ до насъ. Число извѣстныхъ актовъ на имя Рязанскихъ владыкъ простирается до восьми. Вотъ ихъ содержаніе:

Жалованныя грамоты.

Въ 1303 г. В. князь Михаилъ Ярославичь далъ святымъ мученикамъ (Борису и Глѣбу) и отцу своему владыкѣ Степану уѣздъ къ селу Владычню съ рѣзанкою и съ 60, съ винами, поличнымъ и съ правомъ бить боровъ въ своемъ уѣздѣ. «Запежъ купля первыхъ владыкъ, а уѣздъ дали дѣди и прадѣди его.» Въ концѣ акта прибавлена слѣдующая любопытная подробность: *А князь Михаило стоялъ на Тысьѣ; а владыка Степанъ тутъ же князя потчивалъ.*

Въ 1340 г. сынъ его Александръ Михайловичь Пронскій далъ село Остромирское св. мученикамъ и отцу своему владыкѣ Григорію съ поличнымъ и пошлинами

съ землю бортною, съ полями и пожнями, въ память своего дѣда Ярослава, бабки княгини Ѳеодоры и матери своей княгини Евдокіи.

Внукъ Александра Владиміръ Димитріевичь лѣта.... далъ владыкѣ Василію мѣсто на Дону съ поличнымъ и съ бобровыми гонами.

Другой внукъ знаменитый Олегъ Ивановичь былъ особенно щедръ на пожертвованія духовенству. Лѣта.... онъ далъ св. мученикамъ и владыкѣ Василію мѣсто на рѣкѣ Кишнѣ, «первыхъ владыкъ купля.» Въ другое время онъ пожаловалъ имъ еще Воинскій уѣздъ со всѣми обычными льготами.

Въ 1387 г. Олегъ придалъ въ домъ владыкѣ Ѳеогносту село свое Старое и Козлово съ бортнымъ угодьемъ.

Въ 1390 г. старецъ Іона Переславъ (имя Олега въ монашествѣ) пожаловалъ владыкѣ Ѳеогносту свою отчину Пришный островъ къ селу Вознесенскому.

Въ 1498 г. Ѳедоръ Васильевичь Третной далъ владыкѣ Протасію земли противъ села Лѣднова, [285]

Въ дѣлахъ церковнаго управленія епископамъ помогали десятильники, т. е. начальники десятинъ, на которыя въ старину дѣлились Русскія епископіи. Въ каждой десятинѣ находился особый десятильный дворъ для

---

[285] Содержаніе этихъ актовъ напечатано въ Іерар. Воздвиж. 49—51 за исключеніемъ послѣдняго, который мы нашли только въ Ряз. Дост. (См. выше, въ Географ. обозр.) Относительно первой граммоты надобно замѣтить, что у г. Воздвиж. и въ Раз. Дост. поставленъ годъ 1403-й; но это очевидная ошибка, потому что въ началѣ XV в. въ Рязани не было никакого В. князя Михаила Ярославича, между тѣмъ какъ въ началѣ XIV такой князь по всѣмъ признакамъ существовалъ.

ихъ жительства, для производства судныхъ дѣлъ и для пріѣзда епископовъ. [286] Кромѣ многочисленнаго штата казначеевъ, ключниковъ, и людей, занимавшихся письмоводствомъ, т. е. дьяковъ и подьяковъ, епископы имѣли еще собственныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. [287] О доходахъ и повинностяхъ городскихъ церквей и причета даетъ намъ нѣкоторое понятіе слѣдующее мѣсто изъ грамматы на построеніе Златоустинской церкви 1485 г. «Жалованья священнику 30 руб. да ржи и овса по 30 четвертей. А дьякону 15 руб. да ржи и овса по 15 четвертей; а Епископу съ нихъ дани неискать; никому до нихъ дѣла нѣтъ, мостовъ имъ немостить, города и крѣпостей недѣлать; а приходъ къ Златоусту серебреники всѣ да пищальники. Да къ томужъ храму дворовое мѣсто на улицѣ Волковой, гдѣ лавка, поставилъ торговой человѣкъ Иванъ Смолевъ изъ оброку на темьянъ, и на свѣщи и на вино служебное къ Ивану Златоусту. Да за Окою лугъ ужитня, идучи къ Пустынѣ на лѣво четыре десятины Буяновской.»

Монастырскія помѣстья.

Монастыри въ Рязанскомъ княжествѣ щедро надѣлялись помѣстьями отъ членовъ княжеской фамиліи и частныхъ лицъ; ихъ земли были освобождены почти отъ всѣхъ повинностей и податей. Въ дарственныхъ грамматахъ Рязанскихъ князей заключаются обыкновенно слѣдующія льготы: въ монастырскую околицу волостели, даньщики, ямьщики и другіе княжіе люди въ-

---

[286] О десятильникахъ въ Рязани упоминается не ранѣе 1545 г. (Ряз. Дост.), но они конечно существовали и прежде.

[287] Въ разъѣзжей граммате 1498 г. говорится, что на розъѣздѣ были *владычни Бояре*. Въ 1520 г. встрѣчаемъ владычнаго боярскаго сына Якима Душиловскаго. Грам. Пискар. №. 13.

ѣзжать неимѣли права; земли имъ жалуются съ рѣзанкою, съ 60, съ винами и поличнымъ; въ нѣкоторыхъ грамотахъ прибавленъ *татинъ рубль* и въ одной *безатщины*; крестьяне, которыхъ монастырь перезоветъ на свою землю, освобождались отъ податей на 5 или на 3 года, если изъ другаго княжества, и на 2 года, если изъ того же самаго. Большая часть древнихъ монастырскихъ актовъ, дошедшихъ до насъ, принадлежитъ Солотчинской обители. Онѣ обнаруживаютъ, что не одна набожность со стороны частныхъ людей была побудительною причиною къ отдачѣ въ монастырь своего имущества: многіе владѣльцы заранѣе отказывали свои помѣстья съ явнымъ намѣреніемъ пріобрѣсти себѣ безопасное пользованіе или на остальное время жизни подъ защитою монастырскаго начальства. Такъ въ одной дарственной записи 1483 г. говорится: «Се азъ Настасья, Прокофьева жена Давыдовича, придала есми въ домъ Святѣй Богородицы Пречистой Рождества на Солодшу село свое Калялинское архимандриту съ братьею въ память по своемъ мужи и по себъ по своемъ животѣ, а при своемъ животѣ то село еще мнѣ вѣдати самой.» (Писк. № 5). Часть своихъ земель монастыри отдавали въ пожизненную аренду сосѣднимъ служилымъ людямъ: арендаторъ обязывался платить ежегодный денежный оброкъ. Въ 1512 г. нѣкто Степанъ Любавскій, вѣроятно боярскій сынъ, взялъ въ оброкъ у Солотчинскаго монастыря нѣкоторыя земли и покосы, съ обязательствомъ платить оброку по 5 алтынъ въ годъ и съ условіемъ «той земли и покосовъ не освоивать, ни продавать, ни по души дать, ни окняживать.» (№. 12) Нетолько частные люди, но и самые князья брали на оброкъ деревни у монастырей. Въ 1502 г. Ѳедоръ Васильевичь Третной взялъ у того же

монастыря деревню Сильчино до своей смерти и обязался платить за нее по полтинѣ въ годъ. (№. 9). Отдавая земли въ оброкъ монахи избавляли себя отъ лишнихъ хозяйственныхъ хлопотъ, и выигрывали еще въ томъ отношеніи, что арендаторы удобряли землю и расчищали лѣса. Любавскій въ своей оброчной записи прямо говоритъ: «а что язъ Степанъ лѣсу распашу монастырьскаго, та земля монастырюжь.» Подобные акты обыкновенно заключаемы были отъ имени архимандрита или игумена съ братьею. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто одной грамоты: Братья Өеяины бьютъ челомъ Солотчинскому архимандриту Досиѳею о помѣстьѣ, «и Орхимандритъ Досоѳей *поговоря съ братьею* пожаловалъ ихъ помѣстьемъ починкомъ Ройкинскою Поляною на рѣчки на Кратвенки» (№ 10). [258]

Судопроизводство.

Въ Рязанскомъ княжествѣ, какъ и въ прочихъ, важною статьею въ дѣлѣ внутренняго управленія была судебная часть, которая вмѣстѣ съ податьми (дань и ямъ) составляла главный источникъ княжескихъ доходовъ. Вотъ почему въ 1496 г. братья позаботились съ большими подробностями опредѣлить свои части въ судебныхъ доходахъ съ Переяславля, которымъ они владѣли вмѣстѣ. Въ городѣ находится большой намѣстникъ Великаго князя и третчикъ удѣльнаго. Въ душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, случившимися на посадѣ между чьими бы то не было людьми, пристава даетъ намѣстникъ. Если случится тутъ же приставъ третчика, то онъ идетъ съ первымъ, отдаетъ отвѣтчика на поруки и ставитъ передъ намѣстникомъ; а если и неслу-

---

[258] Приведенныя здѣсь черты монастырскаго владѣнія и управленія частію уже были указаны г. Лохвицкимъ: «Акты Рязанскіе. и Воронежскіе.» Моск. Вѣд. 1855 г. № 19.

чится, то приставъ намѣстника одинъ идетъ къ намѣстнику, который въ такомъ случаѣ можетъ совершать судъ и безъ третчика; а третчикъ смотритъ своего прибытка, т. е. все таки получаетъ свою долю доходовъ. Такія отношенія между намѣстникомъ и третчикомъ существовали въ дѣлахъ, касавшихся гостей и черныхъ людей, исключая тяглыхъ, которые кормятъ пословъ. Если пріѣдутъ люди младшаго князя изъ его удѣла въ Переяславль и здѣсь случится у нихъ душегубство, разбой или татьба съ поличнымъ, то судъ надъ ними принадлежитъ вмѣстѣ намѣстнику и третчику, и приставъ послѣдняго не можетъ отдать ихъ на поруки безъ пристава перваго; удѣльный князь въ этомъ случаѣ неможетъ ихъ судить самъ. Если случится какое дѣло между людьми удѣльнаго князя въ городѣ или на посадѣ, кромѣ душегубства, разбоя и поличнаго, то ихъ судитъ его прикащикъ и докладываетъ ему; а если его небудетъ въ Переяславлѣ, то прикащикъ долженъ дожидаться, и не водитъ людей къ нему въ удѣлъ съ докладомъ. Если кто торговый человѣкъ или изъ людей младшаго князя пріѣдетъ въ Переяславль и протамжится, то пристава въ протаможьи даетъ одинъ намѣстникъ и судитъ его безъ третчика; изъ двухъ рублей протаможья намѣстникъ получаетъ четыре алтына; а третчику изъ нихъ нейдетъ ничего. Великій князь воленъ судить и казнить людей удѣльнаго во всѣхъ дѣлахъ; двѣ трети пошлины идетъ намѣстнику, а остальная третчику. Если кто будетъ жаловаться на третчика или на его тіуновъ и доводчиковъ, то ихъ судитъ самъ Великій князь. Въ остальныхъ мѣстахъ княжества судъ между жителями разныхъ удѣловъ общій, и судьи вольны избирать себѣ третьяго. Пошлинъ (съ бѣглыхъ) также какъ въ дого-

ворахъ съ Москвою, полагается съ холопа съ семьи два алтына, а съ одного алтынъ.

Между письменными памятниками Рязанской старины находится любопытный списокъ съ одной правой грамоты XV вѣка, которая очень наглядно знакомитъ насъ съ княжескимъ судопроизводствомъ въ Рязани.

Лѣта.... Великій князь Рязанскій Василій Ивановичь творилъ судъ. Вмѣсто Давида, епископа Рязанскаго и Муромскаго, тягался его бояринъ Ѳедоръ Гавердовскій съ Василіемъ Александровичемъ о томъ, что Василій побилъ владычнихъ бобровъ въ рѣкѣ Пронѣ. Бобры эти проданы Борису и Глѣбу вмѣстѣ съ уѣздомъ, купленнымъ еще прежними епископами; придалъ ихъ Олегъ Ивановичь владыкѣ Василію по старымъ грамотамъ Великихъ князей.—Объ этихъ бобрахъ былъ судъ еще дядѣ Василія Александровича Семену Глѣбовичу при владыкѣ Сергіѣ. Судился Семенъ по слову Великихъ князей Ѳедора Ольговича и Ивана Владиміровича за то, что онъ косилъ сѣно по рѣчкѣ Шивесу и ставилъ дворы по Шевлягину селищу, гдѣ сидѣли Шевлягинъ отецъ, владыченъ бортникъ въ другими бортниками, и по Якимову (селицу) на владычней землѣ (Арсеньевской деревни), и за то, что онъ билъ бобры по рѣкѣ Пронѣ. Бояре, назначенные тогда судьями отъ князей, посмотрѣвъ въ старинные грамоты, жалованныя Великими князьями: Ярославомъ, братомъ его Ѳедоромъ сыномъ Михаиломъ Ярославичемъ, и Олегомъ Ивановичемъ, владыку Сергія и боярина его Михаила Ильина (отъ владыки намѣстника) оправдали; а Семена обвинили, и приговорили взять на немъ владыкѣ 80 гривенъ. Великий князь Василій Ивановичь велѣлъ Василію (Александровичу) положить передъ собою грамоты на тѣ бобры. По сроку, на третій день Василій передъ Княземъ сталъ, а грамотъ неположилъ. И по-

тому Василій князь, вмѣсто отца своего владыки Давида, боярина его Ѳедора оправдалъ, а Василія Александровича обвинилъ, и указалъ Владыкѣ вѣдати землю въ томъ уѣздѣ по старинѣ и бить бобры въ рѣкѣ Пронѣ отъ устья Рановой по Курино и по Толпинскую дорогу,« [260]

А вотъ образчикъ одной купчей записи изъ временъ того же князя.

»Билъ челомъ Великому князю Василію Ивановичу Иванъ Селавановичь Корабья такими словами: купилъ я себѣ, Господинъ, у Васьки Чернѣева куплю его село Недоходвское съ нивами, пожнями, и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу потянуло изстари, *поколь Васьковъ серпъ и коса ходила*. А мнѣ Господинъ, вѣдати потому же. Далъ я Васькѣ за то село пятнадцать рублей. А вотъ, Господинъ, Васько Чернѣевъ передъ тобою. Великій князь спросилъ Ваську: продалъ ли ты село свое Недоходовское Корабьѣ, и взялъ ли у него пятнадцать рублей.? Васька Чернѣевъ отвѣчалъ такъ: продалъ я Господинъ Ивану Селивановичу Корабьѣ село свое Недоходовское съ нивами и пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу тянуло изстари поколѣ мой серпъ и коса ходила; а ему, Господинъ, вѣдати по тому же. А взялъ я у него пятнадцать рублей. Съ Великимъ княземъ были тогда бояре : Яковъ Ивановичь и Назарій Юрьевичь. На оборотѣ записи находися надпись:» князь Великій; а подъ

---

[260] Изъ Ряз. Дост. Мы неприводимъ здѣсь «Списокъ съ суднаго дѣла о грабежѣ и пожогѣ,» 1520 года (Пискаревъ. №. 13): судъ производился Московскими боярами въ бывшемъ удѣлѣ Ѳедора Васильевича Третнаго. Этотъ памятникъ также представляетъ интересный документъ для исторіи судопроизводства въ древней Россіи.

нею внизу: «Өедосъ Кудимовъ.» (вѣроятно княжескій, дьякъ) Печать чернаго воску. (Писк. №. 4).

Великія княгини.

Великія княгини Рязанскія, подобно Московскимъ, пользовались въ своихъ волостяхъ почти тѣми же владѣтельными правами какъ и самые князья, т. е. правомъ суда и дани, на что ясно указываютъ грамоты, жалованныя монастырямъ на различныя помѣстья. Такъ напримѣръ Великая княгиня Анна жалуетъ Солотчинскому игумену Арсенію куплю свою село Чешуевское въ ея Романовской волости; при этомъ она избавляетъ людей, которыхъ перезоветъ Арсеній, отъ повинностей на 5 лѣтъ, и оставляетъ за монастыремъ резанку, вина, поличное и татинъ рубль. (№. 8) Судя по тѣмъ же грамотамъ, Великія княгини, имѣли у себя также разнообразный штатъ должностныхъ лицъ, т. е. бояръ, казначеевъ, дьяковъ, волостелей, ямщиковъ и пр. Онѣ основываютъ и берутъ подъ свое покровительство женскіе монастыри по преимуществу. Любопытна въ этомъ отношеніи другая грамота той же княгини: Софья Димитріевна, супруга Өедора Ольговича нѣкогда пожаловала женскому Зачатейскому монастырю бортное угодье на Михайловой горѣ.» «А шло съ тое вотчины въ Зачатью по пяти пудъ резанскихъ. «Великая княгиня Анна отдала это угодье въ вѣдѣніе Солотчинскаго игумна и братіи съ условіемъ, чтобы игуменъ давалъ къ Зачатью каждый годъ «на самъ праздникъ на Зачатье по осми пудъ резанскихъ, а и рыбою подимать праздникъ, игуменужъ.» (№, 7.) Замѣчательно слѣдующее мѣсто изъ одной судной грамоты 1508 г; оно показываетъ, какъ В. княгини уважали распоряженія своихъ предшественницъ: княгиня Анна пожаловала Солотчинскому Архимандриту Пахомію лѣсъ противъ Хоткиной Поляны на рѣкѣ Пилесѣ 7009 (1501) года Марта 27 дня.

«И тоя грамоты свекрови своей Анны княгиня Огрофена рушити невелѣла.» (Ряз. Дост). Касательно того, какъ велико было имущество княгинь, и какое участіе принимали онѣ въ раздѣлѣ наслѣдства по смерти Великихъ князей Рязанскихъ, на это, кромѣ жалованныхъ граммать, указываетъ договоръ 1496 г. по которому Анна получала четверть доходовъ со всего княжества, несчитая ея собственнаго имущества.

Со второй половины XIII в. намъ извѣстно семь Рязанскихъ княгинь: Во первыхъ Анастасія, супруга св. Романа; потомъ Өеодора супруга Ярослава Романовича, и Евдокія, жена Михаила Ярославича. О нихъ мы знаемъ только по имени. Болѣе извѣстій имѣемъ о супругѣ Олега Ивановича Ефросиніи. За нею слѣдуютъ три знаменитыя княгини XV вѣка: Софья, Анна и Агриппина; двѣ послѣднія особенно играли видную роль въ послѣднюю эпоху Рязанской самостоятельности. Живымъ напоминаніемъ о благочестіи княгини Анны служитъ большая соборная пелена, шитая на тафтѣ разными шелками и золотомъ, съ изображеніемъ тайной вечери и съ надписью слѣдующаго содержанія: «Въ лѣто 6993 индикта 3 сей воздухъ созданъ бысть въ церковь Успенье Святой Богородицы въ градѣ Переяславлѣ Рязанскомъ замышленьемъ Благородныя и Благовѣрныя и Христолюбивыя Великія княгини Анны, и при ея сынѣ Благородномъ и Благовѣрномъ и Христолюбивомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Рязанскомъ, и при Епископѣ *Сѵмеонѣ* Рязанскомъ и Муромскомъ; а конъчанъ сей воздухъ въ лѣто 94 Сентемврія 30 дня на память Святаго Священномученика Григорія Великія Арменіи.»

Что касается вообще до степени образованности въ Рязанскомъ княжествѣ въ послѣднюю эпоху его само- Успѣхи Христіанства.

стоятельности, то мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи оно немногимъ чѣмъ отстало отъ центральныхъ Русскихъ областей. Извѣстно, въ какой тѣсной связи съ распространеніемъ христіанства находилось развитіе древнерусской цивилизаціи. Къ сожалѣнію у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы слѣдить за успѣхами христіанской проповѣди на Рязанской украйнѣ. Мы уже говорили, что въ началѣ XIV в. положено было начало христіанству въ Мещерѣ. Отъ XV в, до насъ дошло два извѣстія о крещеніи язычниковъ въ Рязанской области. Одна старинная рукопись расказываетъ, что въ княженіе Василія Дмитріевича христіанская вѣра была водворена въ городѣ Мценскѣ, гдѣ находилось много язычниковъ. «Великій князь отправилъ туда войско, а Митрополитъ Фотій священника; язычники, устрашенные силою оружія и пораженные слѣпотою, послушались проповѣди, и жители какъ самаго города, такъ и его окрестностей были крещены.» [261] Этотъ фактъ довольно важенъ для насъ, хотя Мценскъ принадлежалъ къ Рязанской области, только взятой въ обширномъ смыслѣ; онъ бросаетъ свѣтъ на состояніе югозападной части княжества. Потомъ св. Іона, въ послѣдствіи Митрополитъ Московскій, во время управленія Рязанскою и Муромскою епископіею, крестилъ язычниковъ въ предѣлахъ своей паствы. Въ житіи его пишется: «и поставленъ бысть блаженный Іона Епископъ градомъ Рязани и Мурому и многія тамо невѣрныя, къ Богу обративъ, крести.» О томъ, какъ долго язычество и отчасти магометанство сохранялось въ восточной части княжества, можемъ судить по извѣстіямъ о крещеніи Мордвы въ концѣ XVI в., и по

---

[261] Рус. Вивліоѳ. Полеваго стр. 361.

апостольскимъ подвигамъ Рязанскаго архіепископа Мисаила, который въ XVII в. обращалъ Мордву и Татаръ въ уѣздахъ Шатскомъ и Тамбовскомъ, и подвиги свои запечатлѣлъ собственною кровью.

Главные пути сообщенія.

Послѣ религіи самое могущественное вліяніе на развитіе народнаго быта, какъ извѣстно, оказываетъ торговля. Торговая дѣятельность въ Рязанскомъ краю прежде всего обусловливалась его отношеніемъ къ воднымъ путямъ сообщенія въ древней Россіи. Ока съ давнихъ временъ была одною изъ главныхъ торговыхъ жилъ восточной Европы. Въ эпоху домонгольскую по ней шелъ водный путь изъ Кіева въ Болгарію. Съ XIII в. направленіе торговыхъ путей нѣсколько измѣнилось. Съ упадкомъ матери Русскихъ городовъ и запустѣніемъ Южной Руси жизненныя силы народа отошли далѣе къ сѣверу и сосредоточились около береговъ Москвы; богатый Болгарскій край также пришелъ въ упадокъ, и роль посредницы между Русской и Азіатскою торговлею перешла на Золотую Орду. Рядомъ съ путемъ изъ Оки внизъ по Волгѣ существовалъ другой путь, изъ Оки внизъ по Дону. Послѣдній особенно оживился съ тѣхъ поръ, какъ мимо береговъ Чернаго и Азовскаго морей направилось главное движеніе Европейско-Азіатской торговли въ Средніе вѣка, и Приазовская Тана сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ этой торговли въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ вмѣсто прежняго движенія отъ сѣверовостока на югозападъ Русская торговля частію приняла новое направленіе: отъ сѣверозапада, т. е. отъ Новгорода, Твери и Москвы, къ юговостоку на Волгу и Донъ. Ока и при новомъ направленіи сохранила свое прежнее посредствующее значеніе. Волжская дорога не имѣла для Рязани такой важности какъ путь по Дону, отчасти по ея значительному уклоненію на

сѣверъ, отчасти потому, что съ Окою вступала въ соперничество Клязьма, которая сокращала переѣздъ отъ Москвы до Волги. Кромѣ того для сѣверной Россіи существовала еще третья вѣтвь Волжскаго пути—верхнее теченіе самой Волги.

Между Окою и Дономъ, по указанію источниковъ, существовали двѣ главныя дороги: западная сухопутная и восточная водная съ небольшою переволокою. Послѣдняя довольно подробно описывается въ наказѣ Ивана III къ Агриппинѣ: «А ѣхать ему Якунькѣ съ посломъ Турецкимъ отъ Старой Рязани вверхъ Пронею, а отъ той рѣки Прони по Рановой, а изъ Рановой Хуптою вверхъ до Переволоки, до Рясского поля.» Переѣхавъ небольшое пространство по Рясскому полю, путники снова садились на суда, и по рѣкамъ Рясѣ и Воронежу спускались на Донъ. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы этотъ путь служилъ проводникомъ торговаго движенія, и такія рѣчки, какъ Хупта и Ряса, по своему мелководію немогли носить большихъ судовъ, нагруженныхъ товарами; но при обиліи лѣсовъ онѣ безъ сомнѣнія были гораздо полноводнѣе тогда, нежели въ настоящее время; а весною и осенью были судоходны во всякомъ случаѣ. Незабудемъ при этомъ, что къ свитѣ восточныхъ пословъ обыкновенно присоединялись купцы съ своими товарами: очень могло быть, что и Турецкаго посла въ 1502 г, также сопровождалъ торговый караванъ. Другая дорога отъ Оки до Дона обозначена въ извѣстномъ «хожденіи Пимена.» Изъ Переяславля Рязанскаго путешественники отправились на югъ сухимъ путемъ; суда везли за ними на колесахъ и спустили ихъ опять на воду гдѣ то въ верхнемъ теченіи Дона. На тотъ же путь намекаетъ свидѣтельство Герберштейна: «Здѣсь (у Донкова) купцы, отправляющіеся (конечно

изъ Московіи) въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда; что обыкновенно дѣлаютъ осенью въ дождливое время года, потому что въ другое время Танаисъ въ этихъ мѣстахъ по мелководію неможетъ поднимать нагруженныхъ судовъ.» «Ѣдущіе изъ Московіи въ Азовъ сухимъ путемъ—говоритъ Герберштейнъ нѣсколько ниже—переправляются черезъ Танаисъ около Донкова, стариннаго и разрушеннаго города; а отсюда направляютъ путь немного къ востоку.» Походъ Димитрія Ивановича въ 1389 г. къ устью Непрядвы также заставляетъ предполагать довольно хорошо извѣстный въ тѣ времена путь, соединявшій среднее теченіе Оки съ верховьями Дона. Кромѣ естественныхъ затрудненій прямая дорога въ Азовъ и Кафу представляла большія опасности отъ степныхъ обитателей; поэтому купцы дѣлали иногда объѣздъ на западъ по Литовскимъ владѣніямъ.

Восточные караваны.

Болѣе подробностей мы знаемъ о сухопутномъ сообщеніи средней Россіи съ Прикаспійскими странами, благодаря запискамъ Контарини. Постоянная опасность при переѣздѣ черезъ степи заставляла Русскихъ и Татарскихъ купцовъ неиначе отваживаться на это долгое путешествіе, какъ присоединяясь къ свитѣ какого нибудь знатнаго посольства и собираясь въ значительномъ числѣ. «Ежегодно государь Цитраканскій, именуемый Казимомъ, пишетъ Контарини, отправляетъ посла своего въ Россію къ Великому князю нестолько для денегъ, сколько для полученія какого либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ Татарскихъ купцовъ съ Джедскими тканями, шолкомъ и другими таварами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и иныя необходимыя для нихъ вещи.» Караванъ, съ которымъ путешествовалъ самъ авторъ, со-

стоялъ изъ 300 человѣкъ Русскихъ и Татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, для прокормленія своего на пути и для продажи въ Россіи. Изъ словъ путешественника выходитъ, что главною цѣлью карававовъ, отправлявшихся изъ Персіи, Бухаріи и Золотой Орды была Московія: но во первыхъ подъ Московіею здѣсь можно разумѣть всю сѣверную Россію; во вторыхъ, чтобы достигнуть Москвы, надобно было проходить по Рязанской области; слѣдовательно въ этой торговлѣ Русскихъ съ Востокомъ значительную долю участія принимали Рязанцы. Въ числѣ Русскихъ купцовъ, съ которыми Контарини познакомился въ Цитрахани очень могли быть и Рязанскіе торговцы. Впрочемъ въ русскихъ лѣтописяхъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что и въ Рязань приходили купцы съ татарскими послами; именно подъ 1397 г. читаемъ: «Тохтамышевъ посолъ Темирь Хозя былъ на Рязани у Великаго князя Олега; а съ нимъ много Татаръ и коней и *гостей*.» (Ник. IV. 270). Кромѣ восточныхъ тканей, шелка, соли и многочисленныхъ конскихъ табуновъ Татары продавали Рязанцамъ большое количество плѣнниковъ; при чемъ послѣднимъ часто приходилось выкупать своихъ родственниковъ и земляковъ. Такъ въ расказѣ о царевичѣ Мустафѣ мы видѣли, что Татары вышли изъ Рязанской земли со множествомъ полону, потомъ остановились въ степи, и открыли торгъ, пославъ къ сосѣдамъ предложеніе выкупать плѣнныхъ; а Рязанцы незамедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ. Статья о плѣнникахъ въ договорныхъ грамматахъ съ Москвою также указываетъ на ту важную роль, какую они играли въ отношеніяхъ Рязанцевъ къ Татарамъ. [262]

---

[262] Г. Макаровъ въ своемъ «Прост. словот.» дѣлаетъ слѣдую-

Торговыя сношенія съ сѣверною Россіею.

Независимо отъ выгодъ, которыми пользовались жители Рязанской области въ слѣдствіе транзитной торговли и непосредственной мѣны съ восточными народами, этотъ край, изобилующій разнаго рода естественными произведеніями, самъ по себѣ привлекалъ много торговыхъ людей, которые приходили сюда для покупки меду, воску, хлѣба, рыбы, мѣховъ, кожи, сала и пр. Рѣка Москва служила проводникомъ торговой дѣятельности между Рязанью и сѣверозападными Русскими областями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что предприимчивые Новогородцы вывозили отсюда сырые матеріалы и сбывали ихъ въ Западную Европу. О непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ между жителями Московскаго и Рязанскаго княжества свидѣтельствуютъ статьи о мытахъ и пошлинахъ, которыя постоянно включались въ договорныя граматы. «А мыты намъ держати старые пошлые, а новыхъ мытовъ намъ незамышлять, ни пошлинъ, а мытъ съ воза въ городахъ и всѣхъ пошлинъ деньга, а съ пѣшехода мыта нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а съ князей Великихъ лодьи пошлинъ нѣтъ.» Въ договорахъ Московскихъ князей съ Тверски-

---

щую замѣтку, которая касается торговыхъ сношеній съ Татарами: «На большомъ Рязанскомъ трактѣ (изъ Рязани въ Тамбовъ) есть село Якимицы, гдѣ бываетъ препорядочная ярмарка, съ древнею памятью о Ярилѣ. Тутъ же прежде бывали, какъ говоритъ преданіе, еженедѣльные воскресные торги съ Татарами, которые иногда посѣщали и князья Рязанскіе съ княгинями и со всѣми чадами и домочадцами.» Чт. О. И. и Д. 1847 г. №. I.

ми статья о мытахъ и пошлинахъ гораздо полнѣе, нежели въ договорахъ съ Рязанскими; вообще торговый классъ въ Рязани своимъ числомъ и предпріимчивостію повидимому далеко уступалъ тому же классу въ другихъ большихъ княжествахъ.

Разбойники. Между условіями, которыя стѣсняли развитіе торговой дѣятельности, первое мѣсто занимало плохое состояніе безопасности. Неговоря уже о частыхъ войнахъ и Татарскихъ набѣгахъ, дороги и въ мирное время небыли безопасны отъ разбойничьихъ шаекъ, которыя находили себѣ широкое приволье въ дремучихъ лѣсахъ посреди рѣдкаго населенія. О величинѣ подобныхъ шаекъ и страхѣ, который онѣ внушали, даетъ нѣкоторое понятіе путешествіе Пимена: Олегъ Ивановичь, простившись съ Митрополитомъ, велѣлъ бояриву Станиславу проводить его до рѣки Дона съ значительнымъ отрядомъ и на походѣ наблюдать большую осторожность отъ нападенія разбойниковъ. Изъ расказа Контарини видно, что, только проѣхавши Переяславль Рязанскій, путешественники вздохнули свободно, потому что опасности миновались. Иванъ III, отправляя обратно Турецкаго посла въ началѣ XVI в., наказывалъ Агриппинѣ Рязанской, чтобы она дала ему провожатыхъ сотню и болѣе, да на сотню накинула бы десятка три своихъ казаковъ; кромѣ того деверь ея князь Ѳедоръ долженъ былъ отъ себя выставить еще 70 человѣкъ. Воспоминанія объ удалыхъ разбойникахъ до сихъ поръ въ полной силѣ живутъ между Рязанскимъ населеніемъ. Преданія народныя обыкновенно связываютъ съ ними курганы и остатки древнихъ укрѣпленій; между тѣмъ какъ на оборотъ, шайки грабителей не любили сосѣдства крѣпостей и укрывались въ лѣсныхъ трущобахъ.

Съ понятіемъ о разбойникахъ прежняго времени находится въ связи славное имя казаковъ. Всѣмъ извѣстно, что городовыхъ казаковъ не должно смѣшивать ни съ Донскими, ни съ Волжскими, ни съ Кайсаками извѣстными у Татаръ. Къ какому же разряду мы отнесемъ тѣхъ людей, которые подъ именемъ Рязанскихъ казаковъ являются въ битвѣ съ царевичемъ Мустафою подъ 1444 г.? Вооруженіе ихъ на этотъ разъ составляли копья, рогатины и сабли; по причинѣ глубокаго снѣга они дѣйствовали на лыжахъ. По всѣмъ признакамъ это было легкое войско, которое противуполагалось пѣшей рати. Другое извѣстіе о Рязанскихъ казакахъ находимъ въ наказѣ Ивана III. Изъ словъ: «на сотню десятка три *своихъ* казаковъ понакинь,» можно заключить, что эти люди принадлежали именно къ городовому (станичному) служилому сословію. Тутъ же, нѣсколько ниже, казаки противуполагаются лучшимъ ратнымъ людямъ: «и ты бы у перевоза десяти человѣкомъ ослободила нанявшись казакомъ, а не лучшимъ людямъ ратнымъ.» Далѣе Іоаннъ приказываетъ ратнымъ людямъ сопутствовать послу только до Рясской переволоки: «а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ *въ молодечество*, ихъ бы ты Аграфена велѣла казнити.» О какомъ же молодечествѣ говоритъ Іоаннъ, какъ не объ Донскихъ казакахъ? Эти два извѣстія, лѣтописи и наказа, подтверждаютъ то мнѣніе, что въ XV вѣкѣ съ одной стороны образуется въ Рязанскомъ княжествѣ особый классъ служилыхъ людей изъ передовой украинской стражи; а съ другой въ Придонскихъ степяхъ собирается вольница изъ русскихъ бѣглецовъ—разбойниковъ. Казаки.

Заключеніе. Намъ остается сказать два слова о рязанскихъ памятникахъ словесности. Вопросъ о существованіи особаго рязанскаго лѣтописца остается еще невполнѣ рѣшеннымъ. Всѣ наши поиски въ этомъ отношеніи приводятъ только къ тому предположенію, что существовали вѣроятно и рязанскіе списки лѣтописей, въ родѣ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, и что изъ этихъ то списковъ позднѣйшіе лѣтописные сборники заимствовали многія подробности о рязанскихъ событіяхъ, отличающіяся иногда удивительною точностію, но всегда болѣе или менѣе отрывочныя. Сказаніями Рязанскій край былъ также богатъ, какъ и другія части Россіи; только немногія изъ нихъ приведены въ извѣстность.[265] Оффиціальные акты княжества въ филологическомъ отношеніи мало отличаются отъ Московскихъ граммать; укажемъ только на большую простоту оборотовъ и большую близость къ разговорной рѣчи. Въ послѣднемъ явленіи конечно отражается меньшее вліяніе книжнаго церковнославянскаго элемента на древнерязанскую грамотность.

---

[265] Укажемъ при этомъ случаѣ на прекрасную легенду, о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи, принадлежащую собственно Муромскому краю. (См. статью Ѳ. И. Буслаева въ Атенѣе 1858 г. № 30). Что касается до извѣстнаго «Повѣданія о побоищѣ Великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго,» то представляется еще вопросъ, можно ли считать его памятникомъ собственно Рязанской словесности, хотя оно и приписывается Рязанцу іерею Софонію, и къ какому времени надобно отнести его составленіе?

ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ

РОДОСЛОВНОЙ ТАБЛИЦЫ.

ОБЪЯСНЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ

РОДОСЛОВНОЙ ТАБЛИЦЫ.

Не одна отрасль Рюрикова дома, кажется, не представляетъ такой сбивчивости и запутанности для историка, какъ потомство Ярослава Святославича Муромскаго, которое въ отношеніи многочисленности уступаетъ только потомству Владиміра Мономаха.

Причина темноты заключается въ недостаткѣ положительныхъ указаній; до самаго XIV столѣтія, составитель генеалогической таблицы долженъ бороться съ частыми пропусками и явными противорѣчіями лѣтописей и родословцевъ. Онъ начинаетъ отдыхать только въ XIV в. когда на помощь подоспѣютъ договорныя, жалованныя и прочія грамоты, которыя въ дѣлѣ генеалогіи могутъ служить главнымъ источникомъ и повѣркою другихъ извѣстій. Предлагаемъ родословную Рязанскихъ князей, составленную по крайнему нашему разумѣнію. Въ Объясненіяхъ мы разбираемъ генеалогическіе вопросы только наиболѣе важные и вмѣстѣ наиболѣе запутанные,

20

рѣшеніе которыхъ считаемъ однако возможнымъ на основаніи сохранившихся грамотъ.

5 и 6 степ. Особенно не ясно и сбивчиво ближайшее потомство Игоря Глѣбовича: источники всѣ несогласны между собою въ этомъ случаѣ. Напр. сынъ Юрія Игоревича Ѳедоръ и внукъ Иванъ Постникъ въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ неупоминаются; но объ нихъ говорится въ Родословной книгѣ (Времен. М. О. И. и Д. №. 10); Ѳедоръ играетъ видную роль въ сказаніи о принесеніи Корсунской иконы и Батыевомъ нашествіи; надъ гробами его самого, супруги Евпраксіи и сына Ивана Постника по словамъ сказанія поставлены были въ XIII в. каменные кресты: а въ XVII они возобновлены съ слѣдующеею надписью: На 1-мъ крестѣ: «҂ЗРОГ (1665) Іюня въ 1 день по ромотрѣнію (по разсмотрѣнію) лѣтописной книги.» на 2-мъ; «поставилъ си кресты по обещанію столникъ князь никита григорьевичь гагаринъ» на 3-мъ: на благовѣрныхъ князей резанскихъ, которыя побиты отъ беззаконнаго царя батыя. (объ этихъ крестахъ см. Ряз. Вѣд. 1844 г. №. 39. и Ж. М. В. Д. 1848 Мартъ). Слѣдовательно въ существованіи упомянутыхъ князей неможетъ быть сомнѣнія.

Далѣе можетъ затруднить изслѣдователя Олегъ Красный. По нѣкоторымъ лѣтописямъ (напр. Троицкая П. С. Р. Л. I. 221.) и по словамъ сказанія онъ приходится братомъ В. князя Юрія; а по другимъ лѣтописямъ и по Родословной книгѣ племянникомъ; по однимъ источникамъ онъ былъ убитъ при нашествіи Татаръ, а по другимъ взятъ въ плѣнъ. Въ грамотѣ Олега Ивановича, жалованной Ольгову монастырю (Ак. Ист. I. №. 2) сказано: «коли ставили во первыхъ прадѣди наши святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь

Олегъ, князь Юрьи» и пр. здѣсь Олегъ поставленъ на ряду съ Ингваремъ и Юріемъ, какъ съ братьями. Съ другой стороны въ Ник. л. подъ 1252 г. читаемъ: «пустиша татарове изъ орды князя Ольга рязанскаго Игоровича внука Игорева, правнука Глѣбова на свою его отчину;» тоже самое въ Рязан. Дост. изъ какой то полууставной тетради и почти тоже въ П. С. Р. Л. V. 187. Въ сказаніи приведено подробное извѣстіе о погребеніи убитыхъ князей. Это извѣстіе достовѣрно, потому что гробницы князей долгое время существовали въ Рязанскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ; безъ сомнѣнія имена погребенныхъ не были тайною по крайней мѣрѣ ближайшему потомству, слѣдовательно и автору сказанія. Тамъ говорится, что останки Юрія Игоревича и брата его Олега, Ингварь положилъ въ одной ракѣ; а подлѣ нихъ въ другой ракѣ положилъ тѣла двухъ своихъ братьевъ Давида и Глѣба. Между тѣмъ, по указанію лѣтописей, племянникъ Юрія Игоревича Олегъ Ингваревичь въ 1258 г. похороненъ въ церкви св. Спаса.— Такое противорѣчіе легко устраняется, если предположить, что было два Олега: одинъ братъ Юрія, дѣйствительно убитый Татарами въ 1237 г.; а другой племянникъ, который попался въ плѣнъ и въ послѣдствіи былъ В. княземъ Рязанскимъ. И тотъ и другой по отцу назывался Игоревичь (Ингваревичъ въ сущности тоже что Игоревичь); слѣдовательно нетрудно было ихъ смѣшать и принять за одно лицо.

8 и 9 степ. Ярославъ сынъ Романа Св. и братъ В. князя Рязанскаго Ѳедора (приписка къ Рязанскому списку Кормчей книги), названный въ лѣтописи В. княземъ Пронскимъ (Ник. III. 96), былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ Великихъ князей Рязанскихъ и Пронскихъ. На это слѣдующія доказательсва:

Въ одной правой грамотѣ 1340 (Ряз. Іерар. Воздвиж. 49. и Ряз. Дост). Александръ Михайловичь Пронскій, называетъ своего дѣда Ярославомъ Пронскимъ. Въ другой правой грамотѣ второй половины XV вѣка (Ряз. Дост.) между прочимъ сказано: «И бояре отъ князей судьи, взрѣвъ въ грамоты старинные великихъ князей жалованны Ярослава и брата его Өедора и сына его Михаила Ярославича.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Ник. II. 170. П. С. Р. л. IV. 55) В. князь Рязанскій Коротополъ названъ братомъ (т. е. двоюроднымъ) убитаго имъ Алаксандра Михайловича Пронскаго

11 и 12 степ. Касательно вопроса, кто былъ отцемъ Олега Ивановича: Иванъ Коротополъ или Иванъ Александровичь, мы уже имѣли случай изложить свое мнѣніе въ Ряз. Вѣд. 1856 г. №, 31. Вотъ что мы тамъ говорили:

«Въ исторіи Рязанскаго княжества самою трудною и темною стороною для изслѣдователя представляется генеалогія князей. Наиболѣе запутанное мѣсто въ этой генеалогіи относится къ Олегу Ивановичу, знаменитому *измѣннику* въ борьбѣ Русскихъ съ Мамаемъ и сопернику Димитрія Донскаго.

А именно: Всѣ родословныя таблицы, лѣтописныя извѣстія и наконецъ всѣ Русскіе историки согласны въ томъ, что Олегъ Ивановичъ Рязанскій былъ сынъ Ивана Коротопола, того самаго, который убилъ Алесандра Михайлова Пронскаго въ 1340 г. Спустя два года, сынъ убитаго Александра Ярославъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ въ Ордѣ и выгналъ самого Коротопола изъ Переяславля Рязанскаго. Подъ 1343 годомъ встрѣчается извѣстіе, что Коротополъ погибъ; но незнаемъ: гдѣ и какимъ образомъ. По смерти Ярослава Александровича въ Ря-

зани княжилъ братъ его Василій Александровичъ [1], который умеръ въ 1350 году. Послѣ того на Рязанскомъ княженіи мы встрѣчаемъ знаменитаго Олега Ивановича.

Исторіографъ при этомъ случаѣ объясняетъ переходъ Рязани [2] во владѣніе прежней княжеской вѣтви предположеніемъ, которое впрочемъ приводитъ мимоходомъ, вскользь: «а наслѣдники его (Ярослава Пронскаго)—*кажется добровольно*—уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола Олегу.» [3] Вообще относительно періода между княженіемъ Коротопола и Олега мы видимъ явное замѣшательство въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и, можно сказать, совершенное отсутствіе ясныхъ, вѣрныхъ указаній.

Теперь обратимся къ памятникамъ другаго рода, къ такимъ, которые для насъ имѣютъ гораздо большую степень достовѣрности,—мы говоримъ о грамотахъ.

Жалованная грамота Рязанскаго Великаго князя Олега Ивановича Ольгову Монастырю [4] начинается такими словами; «Милосердьемъ Божьимъ и молитвою Святое Богородици и молитвою *отця своего князя Великаго Ивана Олександровича* и благословеньемъ Василія Епискупа Рязанскаго и Муромскаго, язъ князь Великій Олегъ Ивановичь», и проч. Естественно рождается вопросъ, по-

---

[1] Карам. Т. IV. Прим. 335.

[2] Хотя въ Никон. лѣт. сказано что «Ярославъ Пронскій сяде въ градѣ Ростиславлѣ Рязанскомъ.» но мы думаемъ. нѣтъ ли здѣсь ошибки.? т. е. вмѣсто «Ростиславлѣ.» можетъ быть слѣдуетъ читать «Переяславлѣ.»

[3] Карам. IV. 157.

[4] Акты Истор. т. 1, № 2.

чему Олегъ называетъ своего отца Ивановъ Александровичемъ, между тѣмъ какъ по другимъ извѣстіямъ онъ былъ сынъ Ивана Ивановича Коротопола? Изъ приведенныхъ словъ Олега можно вывести заключеніе, что онъ принадлежитъ къ другой вѣтви княжескаго древа; но тутъ же чрезъ нѣсколько строкъ говорится: «коли ставили во первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи», и проч. Если отъ Ингваря и сына его Олега Краснаго идти по прямой нисходящей линіи до Олега Ивановича, то послѣднимъ въ этой лѣствицѣ встрѣчается Иванъ Коротополъ. Такъ по крайней мѣрѣ показываютъ извѣстные намъ родословцы. Откуда же взялся Иванъ Александровичъ?

Обратимся къ договорнымъ грамотамъ Рязанскихъ князей съ Московскими. Здѣсь въ числѣ Великихъ князей Рязанскихъ мы снова встрѣчаемъ тоже загадочное лицо и притомъ узнаемъ, что онъ дѣйствительно былъ ближайшій предшественникъ Олега Ивановича. Возмемъ договорную грамому Великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича съ Рязанскимъ Өедоромъ Ольговичемъ. [5] и читаемъ: «А что Володимерьское порубежье, а тому какъ было при нашихъ прадѣдѣхъ..... и при твоемъ прадедѣ при великомъ князѣ Иванѣ Ярославичѣ, при твоемъ Дядѣ Иванѣ Ивановичѣ, и при твоемъ Дядѣ [6] при Великомъ князѣ Иванѣ Александровичѣ и при твоемъ отцѣ Олегѣ Ивановичѣ.» Далѣе въ договорной грамотѣ Великаго князя Рязанскаго Ивана Өедоровича съ Юрьемъ Дмитріе-

---

[5] Собр. грам. и Догов. т. I. № 36

[6] Ясно, что въ обеихъ случаяхъ вмѣсто дядѣ надобно читать дѣдѣ.

вичемъ Галицкимъ опять приводится таже родословная лѣствица. [7] Тоже самое перечисленіе предковъ опять повторяется въ договорѣ Великаго князя Московскаго Василія Темнаго съ тѣмъ же Иваномъ Ѳедоровичемъ, [8] и еще разъ въ договорныхъ грамотахъ Іоанна III съ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ. [9] Московскіе князья начинаются всегда съ Ивана Даниловича Калиты, а Рязанскіе съ Ивана Ярославича. Иванъ Александровичъ слѣдуетъ непосредственно за Иваномъ Коротополомъ и предшествуетъ Олегу Ивановичу; замѣчательно при этомъ, что для потомковъ Олега онъ означаетъ всегда туже степень родства, какую и Коротополъ, т. е. оба они называются или дѣдами ими прадѣдами. Въ этомъ отношеніи они соотвѣтствуютъ Симеону Ивановичу Гордому и брату его Ивану, Великимъ князьямъ Московскимъ, которыхъ имена приводятся въ тѣхъ же грамотахъ съ обозначеніемъ той же степени родства въ отношеніи къ потомству Димитрія Донскаго. Однакоже, судя по отчеству, Коротополъ и Иванъ Александровичъ не могли быть родными братьями; но за то ничто не мѣшаетъ имъ быть двоюродными.

Конечно, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что до насъ дошли далеко не всѣ имена многовѣтвистаго древа Рязанскихъ князей; слѣдовательно нѣтъ причины отвергать, что у Ивана Ярославича былъ братъ Александръ, отецъ Ивана Александровича. По крайней мѣрѣ все убѣждаетъ насъ въ томъ, что послѣдній вмѣстѣ съ Коротополомъ принадлежалъ къ одной вѣтви, и былъ послѣ него Великимъ княземъ Рязанскимъ

[7] Ibid. № 48
[8] Ibid. № 65
[9] Ibid. № 115 и 116.

И такъ, относительно вопроса, кто былъ отецъ Олега Ивановича, мы смѣло объявляемъ себя на сторонѣ Ивана Александровича. Мнѣніе свое мы утверждаемъ главнымъ образомъ на словахъ самого Олега въ упомянутой грамотѣ Ольгова монастыря. Одного этого свидѣтельства достаточно было бы для открытія истины; но къ счастію, какъ мы видѣли, у насъ есть и другія средства для соображенія. Договорныя грамоты подтверждаютъ туже мысль. Авторы этихъ грамотъ конечно лучше знали имена своихъ предковъ, нежели дошедшіе до насъ лѣтописцы, которые жили позднѣе ихъ, и притомъ именно лѣтописцы не Рязанскіе, а чуждые, т. е. принадлежавшіе другимъ княжествамъ, и упоминавшіе о Рязанскихъ событіяхъ только мимоходомъ, довольно рѣдко. Наконецъ явное замѣшательство лѣтописныхъ извѣстій послѣ Коротопола заставляетъ насъ недовѣрять имъ въ этомъ случаѣ. Разумѣется, стоило ошибиться одному составителю лѣтописи или родословца, и его ошибка повторилась потомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ. Такимъ образомъ и до насъ дошло мнѣніе, будто Олегъ Ивановичъ былъ сынъ Коротопола.»

И въ настоящее время мы остаемся при томъ же главномъ выводѣ: Иванъ Александровичъ, а не Иванъ Коротополъ былъ отцемъ Олега Ивановича. Но болѣе подробное знакомство съ источниками при послѣдовательномъ изученіи Рязанской исторіи, дало намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ прежнемъ разсужденіи.

1. Всѣ извѣстныя мнѣ лѣтописи нигдѣ не называютъ Олега сыномъ Коротопола; остается собственно родословная книга (Воскр. 243); но явныя ошибки и про-

тиворѣчія съ лѣтописями показываютъ, что этимъ источникомъ надобно пользоваться весьма осторожно.

2. Нѣтъ нужды предполагать существованіе неизвѣстнаго Александра, брата Ивану Ярославичу, когда грамоты открыли намъ, что Александръ Михайловичь Пронскій былъ ему родной племянникъ и двоюродный братъ Коротополу. (см. 8 и 9 ст.)

3. Въ лѣтописи (Ник. III. 193) ошибочно вмѣсто Ивана Александровича названъ Великимъ княземъ Рязанскимъ Василій Александровичь. Договорныя грамоты, перечисляя В. князей Рязанскихъ послѣ Ивана Ярославича, неприводятъ совсѣмъ имени Василія Александровича; а лѣтопись неупоминаетъ объ Иванѣ Александровичѣ; и то, и другое лицо, только по разнымъ источникамъ, приходится ближайшимъ предшественникомъ Олега: — отсюда заключаемъ объ ихъ тождествѣ:

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№. 1.

МЕТРИКИ ЛИТОВСКОЙ КНИГА СУДНЫХЪ ДѢЛЪ №. 6 ЛИСТЪ 137.

Записанье для памети нестанья слугъ и людей ку праву отъ князя Резаньского. — Ноября 15 день у суботу по светомъ Мартине 1533 года Индикта 7-го.

Панъ его милость казалъ про паметь записати, ижъ который рокъ заложенъ былъ Великому князю Резаньскому становити слугъ и людей своихъ Стоклишскихъ, * обои и грабежи Бояръ Стоклишскихъ, то есть сего дня у суботу и онъ тыхъ слугъ и людей не поставилъ на тотъ рокъ, а Шимко Лаврыновичь зъ братьею своею становилъ и намъ ся оповедалъ.

---

* «*Стоклишки*, мѣстечко, состоявшее въ Ковенскомъ Повѣтѣ Трокскаго Воеводства, съ принадлежавшими къ оному значительными селами, находилось въ числѣ казенныхъ старостъ, въ Литвѣ, въ 15 и въ началѣ 16-го столѣтія называемыхъ Велико-княжескими Намѣстничествами, а въ 16 и въ началѣ 17-го столѣтія Державами.»

№ 2.

Въ этой же книгѣ, на листѣ 143 значится слѣдующее:

Жыдъ Берестейскій Аврамко Михалевичь съ княземъ Великимъ Ивановичемъ Резанскимъ о сто и осмнадцать копъ грошей за долгъ отцу жида князя Резаньскаго винныхъ.

З росказанья Господарского Я Мэтей Войтеховичь Яновича Воевода Витебскій, Маршалокъ Господара Короля Его Милости Державца Волковыскій и Мерецкій и Оболецкій, смотрели есьмо того дела, стояли передъ нами очевисте, жаловалъ передъ нами Жыдъ Берестейскій на имя Аврамко Михалевичь на князя Великого Ивановича Резаньского тымъ обычаемъ, штожъ дей онъ бралъ у небощыка отца моего Михеля отласы, сукна и иншыи речы, а за то осталъ виненъ сто и осмнадцать копъ грошей, и платити не хочеть, на штожъ и листъ его записный у себѣ мамъ, который жо листъ князя Резанского Аврамко передъ нами покладалъ, у которомъ листе князь Резаньскій пишеть вызнаваючы, ижъ осталъ виненъ Михелю Езофовичу жыду сто и осмнадцать копъ грошей за атласы и за сукна за иншыи речы и мелъ ихъ ему заплатити. И князь Резаньскій поведилъ: правда естъ ижъ есьми у небожчыка. Михеля отца его бралъ отласы ку своей потребе, взялъ есьми одного атласу синего на золоте шестнадцать, а зеленого отласу на золотѣ двадцать и два локти, а порпуръяну девять локоть и перстенцы за девять копъ и заплатилъ есьми ему воскомъ, пенязьми, коньми осьмдесять копъ грошей; а тотъ листъ, который Аврамко покладаетъ, не подъ моею печатью, але правда естъ самъ знаю ижъ подъ печатью слуги моего ко-

торая въ него въ Берести згинула, а вшакже хотя въ того листы не моя печать а имя мое написано, нехай Аврамко Жыдъ на томъ прысягнеть чого буду я отцу его недоплатилъ, и я хочу ему заплатити; и Аврамко Михелевичь рекъ: Ты княже Резаньскій передъ многими людьми добрыми врадники и дворяны Господарскими самъ добровольне не одинъ разъ сознавалъ ижъ тую суму пенезей сто 18 копъ грошей отцу моему осталъ виненъ, и мелъ еси мне натотъ листъ платити, итожъ есьми готовъ то на тебе с тыми то людьми добрыми перевести, И мы князя Резаньского пытали, передъ кимъ онъ тую осмдесять копъ грошей небожчику Михелю заплатилъ, маеть ли его квиту на то у себе, а которого бы часу платилъ; и князь Резаньскіи поведилъ: Былъ у мене слуга который ему отъ мене тую осмдесятъ копъ грошей платилъ, нижли тотъ слуга отъ мене отказался и служылъ Пану Есетафею Дашкевичу, и тамъ его Татарове взяли, а часу того которого ему заплата ея становила не могу успаметати, а квиты тежъ отъ его на то у себе не маю, И мы речей з обу сторонъ выслухавшы поведили есмо то Господару его милости, и Господаръ его милость морокомъ своимъ Господарскимъ рачылъ такъ знайти: гдыжъ князь Резанскій знаетъ што въ Михеля небожчыка отласы на золотѣ и сукна и перстенцы бралъ, и поведаеть осмъдесятъ копъ грошей заплатилъ, а квиты его на то у себе не маеть, а часу тежъ оное заплаты не помнить, ани слуги того который кажеть заплату чынилъ передъ нами не поставилъ его милости виделося ажъ тотъ жыдъ Аврамко на томъ маеть прысягнути ведлугъ обычая права своего жыдовского и ведлугъ ихъ привилья яко въ статуте господарскомъ описуеть, а князь Резаньскій маетъ ему за его присягою тую суму заплати,

и мы рокъ присязе положыли четвертый день для Жыда въ понеделокъ, вилею светого Мартина въ Школе Жидовской в Троцехъ на томъ присяга, ижъ князь Резаньскій осталъ виненъ отцу его Михелю сто и осмнадцать копъ грошей, а на тотъ свой листъ ничого незаплатилъ, и для того послали есмо Дворанина Господарского Ивана Бокея, и тое присяги казали есмо ему приглєдати, и но натотъ рокъ Аврамко Жыдъ у Троцекъ былъ и готовъ былъ на томъ присягнути, и в Школе ся становилъ, и Доктору своему Жыдовскому аповедался записалъ, и враду земскому станье свое оповедалъ, и потомужъ записалъ, и князя Резаньского ждалъ, нижели князь Резаньскій самъ не былъ, и его на присягу, игды вжо они отъ толь с Троковъ ехали, передъ вечеромъ близко поткали слугу князя Резаньского который имъ мовилъ ижъ едеть того жыда присяги приглєдати, и мы и тое Господару Его Милости поведили, и Его Милость Господаръ очевисте передъ князємъ Резаньскимъ в томъ Аврамка жыда правого знашолъ, и тую суму сто копъ грошей 18 копъ грошей ему на нимъ усказалъ и мы подлугъ знайденья и вы-року Господарского роки той заплате положыли, отъ Светого Мартина сту копамъ грошей рокъ дванадцать недель, а осмнадцатьма копамъ четыре недели, то есть шестнадцать недель ведлугъ Статутъ; а при томъ были Панъ Янъ Скиндеръ, Панъ Михновичь, Панъ Жарскій, Дворане Господарскими. Писанъ у Вильни, подъ Летъ Божьею Нароженья тысяча пятсотъ тридцать третего, месяца Ноября одинадцатый день, Индиктъ седьмой.

№. 3.

Метрики Литовской въ книгѣ записей подъ № 38, на листѣ 257, значится слѣдующее:

Листъ писаный до Державцы Стоклишского и до ревизора, Андрею Ольшевскому, зоставуючи его при держанью службы людей и пяти земль пустовскихъ у Державе Стоклишской до Ласки Господарское.

Жыкгимонтъ Августъ Божью Милостью Король Польскій, Великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ и прочая и прочая и прочая. Секретару Нашому Державцы Стоклишскому Войту Виленскому Авкгуштыку Ротунде, а Ревизору Нашому Двора Стоклишского Авраму Кунчевичу. Билъ намъ чоломъ Бояринъ нашъ Стоклишскій *Андрей Стефановичь Ольшевскій* и поведилъ передъ нами ажъ князь Иванъ Ивановичь Резанскій, державчы з ласки Короля его Милости и Великаго князя Светое и Славное памяти Жыкгимонта. Пока Отца нашаго, на выхованье свое дворъ нашъ Стоклишскій, далъ былъ отцу его *слузе своему Степану Крукову,* * несколько служобъ людей и земль пустовскихъ того двора Стоклишскаго, *нижли потомъ по смерти князя Резанского* Его Королевская Милость стое прычыны ижъ князь Иванъ Рязаньскій кромъ воли и ведомости Его Милости Господарское, не могъ никому людей и земель тамошнихъ раздовати, тые люди и земли воного Стефана Крукова отца его, взяти и до двора Стоклишскаго привернути росказати рачылъ, а напротивъ того далъ ему на поживенье до воли и ласки Его Милости въ той же волости Стоклишской, человѣка одну службу а пять

* Можетъ быть Крюкову, а не Крукову.

земль пустовскихъ, и росказалъ Его Милость, листъ Свой писати до Писара, Державцы Медницкаго и Стоклишскаго Пана Михайла Васильевича, абы обравши чоловека службу эдну а пятъ земль пустовскихъ в то его увезалъ, за которымъ же дей листомъ короля Его Милости, оный Писар Его Милости Панъ Михайло Васильевичь, отца его Стефана у человѣка службу одну, Мартина Данюшевича, а пять земль пустовскихъ, на имя: у Риньголевщину, Яновщину, Довъятовщину, Юдевщину, а Корейковщину у везалъ и въ держанье ему ихъ подалъ, и на то ему листъ свой далъ, гдежъ тотъ Андрей Ольшевскій якъ оный листъ короля Его Милости Пана Отца нашего такъ тежъ и Пана Михайловъ увяжчый передъ нами покладалъ и поведилъ, ижъ того человѣка и пять земль пустовскихъ ажъ до сего часу 6 держанью и поживанью былъ, одножъ тепер ты Авраме Кунцевичу чынечы померу новую волочную тамъ Стоклишкахъ, того чоловѣка и пять земль в него взялъ и въ волоки Намы померались, а такъ билъ Намъ чоломъ оный Андрей Ольшевскій, Абыхмо Ласку и милосердіе Нашо Господарское вделали, а отъ того чоловѣка и пяти земль его отъдаляти невелели, и за се ему то водле Листу короля Его Милости Пана отца Нашого вернути, або за то отмену дати казали. И но ачъкольвекъ на того человѣка и земли никоторое вечности и доживотья тотъ Андрей Ольшевскій и отецъ его не мелъ, и зостали было прыволи Нашой в него то к рукамъ Нашымъ взяти, нижли нехотечы абы онъ жебреть и отъ хлеба корменья отдаленъ бытимелъ, только з самое Ласки Нашое Господарское, улитовавшые надъ нимъ подданнымъ Нашымъ, опять за сетого человека и пять земль пустовскихъ, тому Боярину Нашому Стоклишскому Андрею Ольшевскому доволи и ласки нашое Господарское при-

ворочаемъ тымъ обычаемъ; будетъ ли онъ того всего зе оною даниною короля его милости и подлугъ листу увяжчого Пана Михайла, ожъ до сего часу въ держанью былъ, и приказуемъ вамъ штобы есте якъ оного чоловека службу одну, такъ и тыхъ пять земль пустовскихъ на верху поименно меновите описанныхъ, будуть ли еще у волокѣ Намы не померананы, а естли же померананы волокъ Намы, безъ того се обыйти и выполнити можеть, в того Андрея Ольшевского не брали изъ селища его нерушали, пакъ лижбы тые земли его до кгрунту Нашого прилегли и безъ нихъ помера волокъ нашыхъ постановитися и волока выполнены быти не могуть, и вы бы за то отмену слушную и ровную, такъ много и таковымъ же кгрунтомъ яко въ него тыхъ земль взято будеть, тому Андрею Ольшевскому дали завели и ограничыли, нехай то онъ до воли и ласки нашое господарское держить, а с того намъ службу боярскую служитъ посполъ з ыншыми бояры нашыми тамошними. Писанъ у Вильни, лета Божьего Нароженья 1560 мца Апреля шостого дня.

Въ этой же книгѣ, на листахъ: 258 и 260, слѣдуютъ привилегіи сего же короля, жалованныя Боярамъ: *Гафоновичу и Ехидовичу, бывшимъ слугамъ вышеозначеннаго князя Ив. Ив. Рязанскаго,* на 2-хъ людей и земли.

№№ 1, 2 и 3 Изъ бумагъ преосвященнаго архіепископа Рязанскаго Гавріила.

№. 4.

СПИСОКЪ СЪ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЛОВО ВСЛОВО.

Се азъ князь велики Иванъ Ивановичь пожаловалъ есми Боярина своего михаила дмитриевича кобякова намесничеством ростиславским отъ неколина дня отъ вешнего а ведати ему намесничьі пошлины по старине какъ ведали прежнія наши намесники пожаловалъ его есми Бояриноm своим Федором Ивановичем Сунболом лета 7026.

На подлинной подписи нѣтъ печать внизу на черномъ воску небольшая.

№. 5.

СПИСОКЪ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ З ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ.

Се азъ князь великiи Iванъ Ивановичь пожаловал есми григорья дмитрiевича кобякова покрова святыя богородицы нищевскаго монастыря деревней молодинками что та деревня была за нашим сыном боярским за Темофеемъ за Павловым сыном Александрова снивами спожнями и со всем стемь что ктой деревни и старины потягло и давати ему стой деревни смолодинокъ кпокрову святыя богородицы в монастыр на нищеву згоду на годъ игумену збратьею по полутретцети алтына денегъ и кого ксебе призоветъ людей изъ зарубежья вту деревню жити и темъ людемъ ненадобе имъ моя великаго князя дань и ямъ никоторая тяги на десять лѣтъ а здешних людей неписменныхъ кого к себе призоветь и темъ людемъ ненадобе та моя великаго князя дань и ямъ никоторая тяглъ на пять леть а волостель мой кнему воколицу не въезжаетъ ни всылаит ни почто ни ямщикъ ни боровщикъ нибобровникъ незакотникъ а явка и вина и поличное изъ его околицы и волостилю моему неидет и платит рубль что учинитца тадба вьего околице промежи его людей а пожаловал есми его бояриномъ своим Федором Ивановичем Сунбулом лета 7027 июня 4 день.

А уподленной зади вверху написано князь велики, а внизу над печатью дьякъ андрей сушка васильевъ.

Печать небольшая на чорномь воску.

№№ 4 и 5. Изъ Рязанскаго Архива Дворянского Депутатскаго Собранiя.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Городъ Рязань есть Черниговская колонія, основанная во второй половинѣ XI вѣка на финской землѣ. Рязанское княжество неимѣло сплошнаго славянскаго населенія; подобно Суздальскому оно обязано своимъ существованіемъ системѣ княжеской колонизаціи.

II.

Въ первой половинѣ XII в. Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ выдѣляется изъ Черниговo-Сѣверскаго удѣла и утверждается за родомъ Ярослава Святославича. Она становится метрополіею городовъ, расположенныхъ вверхъ по Окѣ до устья Лопасны и по Пронѣ. Славянскій и вмѣстѣ христіанскій элементъ населенія сосредоточивается въ центральной области Рязанскаго княжества, которая заключалась между Окою, Пронею и Осетромъ.

III.

Вторая половина XII века для Рязани есть время борьбы съ Владимірскими князьями. Представителями этой борьбы являются съ одной стороны Всеволодъ III,

съ другой Глѣбъ Ростиславичъ. Дробленіе княжества и внутреннія усобицы въ Рязани болѣе всего способствуютъ перевѣсу Суздальцевъ.

IV.

Съ начала XIV вѣка начинается борьба съ Москвою, какъ продолженіе борьбы съ Суздалемъ, при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ. Соперничество Пронскихъ князей съ Рязанскими помогаетъ Москвѣ упрочить свое вліяніе на дѣла Рязанскаго княжества.

V.

Послѣ разоренія города Рязани отъ Татаръ, его значеніе переходитъ на Переяславль Рязанскій.

VI.

Олегъ Ивановичъ сынъ Ивана Александровича, а не Ивана Коротопола. Пристрастіе Сѣверныхъ лѣтописцевъ подвергло эту личность многимъ незаслуженнымъ нареканіямъ.

VII.

Рязанское княжество во времена Олега достигаетъ своего наибольшаго развитія. Олегъ стремится создать особый центръ, около котораго могла бы собраться юго-восточная Россія. Неблагопріятныя географическія и историческія условія препятствуютъ ему осуществить свои стремленія.

VIII.

Послѣ Олега исторія Рязанскаго княжества есть только постепенный переходъ отъ самостоятельности къ со-

вершенному подчиненію Москвѣ. Московская политика такъ незамѣтно и неизбѣжно приготовила это подчиненіе, что оно совершилось почти безъ борьбы.

IX.

Въ образованности и матеріальномъ благосостояніи Рязанское княжество уступало Московскому и Тверскому; главною причиною того были невыгодныя географическія и этнографическія условія, особенно недостатокъ безопасности и долгое преобладаніе финно-турецкаго элемента надъ славянскимъ въ составѣ населенія.

X.

Въ формахъ быта древнерязанскій край вообще мало отличался отъ другихъ русскихъ областей. Замѣтна впрочемъ большая свобода въ отношеніяхъ сословій между собою и меньшее развитіе централизаціи сравнительно съ Московскимъ княжествомъ.

---

2. † 1

Юрій

3. упо

X. упом. 1176.

Всеволодъ
† 1207.

Владиміръ
упом. 1186.

Ярославъ
упом. 1198.
Всеслава.

4.

Киръ Михаилъ
† 1217.

Глѣбъ
упом. 1219.

Олегъ
† 1208.

Константинъ
упом. 1241.

Изяславъ
† 1217.

Вла
5. †

Всеволодъ
† 1237.

Евстафій
† 1264.

6. упо

7. Я
уп

8.

9.

10.

В
† него Пронскіе.)

11.

12.